

V

**Анциферовские
краеведческие чтения**

23–24 ноября 2012 года
Санкт-Петербург

Правление
Санкт-Петербургского союза краеведов

- В.И. Аксельрод* (зам. председателя), методист Санкт-Петербургского городского дворца творчества юных, председатель координационного совета культурно-патриотического молодежного общественного движения «Юные за возрождение Петербурга».
- В.В. Антонов*, искусствовед, автор книг по истории Санкт-Петербурга.
- С.Е. Глезеров*, обозреватель Отдела культуры, ведущий разделов «Наследие» и «История» газеты «Санкт-Петербургские ведомости».
- Л.К. Ермолаева*, доцент кафедры культурологии Санкт-Петербургской академии постдипломного образования учителей, автор городской образовательной программы по истории и культуре Санкт-Петербурга.
- А.Д. Ерофеев*, журналист, член Санкт-Петербургской городской топонимической комиссии.
- А.В. Князькина*, директор РОО «Институт Петербурга».
- А.В. Кобак* (председатель), исполнительный директор Фонда имени Д.С. Лихачева, заместитель председателя Союза краеведов России.
- А.Д. Марголис*, председатель президиума Санкт-Петербургского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК).
- З.А. Рудая*, зав. отделом петербурговедения Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского.
- И.М. Сергеева**, председатель совета общественной организации «Институт Петербурга».
- Т.М. Смирнова*, руководитель научного центра «Петрополь» Санкт-Петербургского дома национальных культур.
- Т.Г. Федоренко*, директор мемориального музея «Разночинный Петербург», руководитель городского центра по истории и практике музейного дела.
- Н.Г. Шейко*, кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологического образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования.
- Д.Ю. Шерих*, шеф-редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости».

Санкт-Петербургский союз краеведов
Санкт-Петербургский городской дворец творчества юных
Фонд имени Д.С. Лихачева

V

Анциферовские краеведческие чтения

23–24 ноября 2012 года
Санкт-Петербург

Европейский Дом
Санкт-Петербург
2013

Содержание

Предисловие	7
-------------------	---

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КРАЕВЕДЕНИЯ

<i>В.А. Березина.</i> «Смотреть на все глазами нового революционного человека»: репрезентация загородных императорских резиденций в «листочках» 1920-х гг.	9
<i>Н.Ф. Золотухина.</i> Духовно-экологическое измерение концепции краеведения Д.С. Лихачева	18
<i>И.В. Осипова.</i> Городской конкурс творческих работ школьников «Петербург и Отечественная война 1812 года»	26

КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО, СПОРТ

<i>В.И. Аксельрод.</i> Имя в истории города. (В.П. Гаевский и его петербургские адреса)	32
<i>Б.И. Антонов.</i> Великосветский балет при коронации Екатерины II	42
<i>Е.И. Краснова.</i> Первой русской консерватории 150 лет	48
<i>М.А. Кондратьев.</i> Начало деятельности Бесплатной музыкальной школы	57
<i>А.Д. Марголис.</i> «Меркурий» — самиздатский журнал эпохи перестройки	59
<i>А.А. Москвина.</i> Петербургские светописные общества рубежа XIX–XX веков	65
<i>О.С. Пантелеймонова.</i> Участие моего прадеда в V Олимпийских играх	70
<i>А.А. Погонщикова.</i> Николай Ильич Архипов — хранитель, реставратор, краевед. (К 125-летию со дня рождения)	76
<i>В.В. Скурлов.</i> Франц Петрович Бирбаум (1872–1947). К 140-летию со дня рождения	81
<i>Е.П. Сизёнов.</i> Колпино в год Большого террора	92

V Анциферовские краеведческие чтения. 23–24 ноября 2012 года, Санкт-Петербург. — СПб. — Издательство «Европейский Дом», 2013. — 246 стр.

Составители:
А.Ф. Векслер, Н.Л. Иванова

СТРОИТЕЛИ, ИНЖЕНЕРЫ,
УПРАВЛЕНЦЫ, ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

<i>Л.Д. Бурим.</i> Владимир Хорват. (Забытые имена петербургской промышленности)	98
<i>А.М. Жданов.</i> Герой Отечественной войны 1812 года генерал А.П. Никитин (Биография в портретах)	106
<i>А. Ф. Векслер.</i> Генерал В.П. Свиридов. (К 70-летию полного освобождения Ленинграда от блокады)	111
<i>В.И. Карлик.</i> Петербург — кузница кадров президентов США	120
<i>Н.А. Пугачева.</i> Спасители Петербурга и Полоцка	127
<i>Е.А. Столбова.</i> Консервная династия Азиберов	132
<i>Ю. Фрумкин-Рыбаков.</i> Олег Фёдорович Данилевский и его мемуары	141
<i>А.И. Чепель.</i> Дореволюционные конкурсные проекты архитектора А.Л. Лишневого	147

ПАМЯТНЫЕ АДРЕСА

<i>О.П. Вареник.</i> Тайны Кропоткина	154
<i>А.Ф. Векслер, Т.Я. Крашенинникова.</i> История домов Самуила Аллера и его наследников (ул. Правды, 7 и 9/10)	163
<i>Ф.И. Ильин.</i> Имение С.П. Боткина «Култилла» — культурное гнездо Русской Финляндии	172
<i>М.С. Инге-Вечтомова.</i> Петербург—Ленинград в творчестве поэта-балтийца Юрия Инге	179
<i>Е.В. Нестерук.</i> Неизвестная часовня на Крестовском острове	191
<i>Н.П. Столбова.</i> Поселки Главного и Морского артиллерийских полигонов на Ржевке: история строительства	197
<i>Е.А. Тимофеева-Козлова.</i> Гвоздно. История и судьбы	203
<i>М.Б. Шаранова.</i> Первые владельцы «Дома с ротондой»	212

ТОЛЕРАНТНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

<i>М.О. Логунова.</i> Литовский след в Петербурге	218
<i>Т.М. Смирнова.</i> Цыганский Ленинград 1920—1930-х гг.	227
<i>М.В. Шкаровский.</i> Общины при почитаемых захоронениях Александро-Невской лавры в 1920—1930-х гг.	233
Об авторах	244

ПРЕДИСЛОВИЕ

Впервые Анциферовские чтения были проведены в нашем городе в 1988 году. Спустя двадцать лет, в 2008-м, они были возрождены Санкт-Петербургским союзом краеведов и в 2012 году прошли уже в пятый раз.

Организаторы чтений считают, что сегодня в петербургском краеведении существует заметный разрыв между старшим и младшим поколениями краеведов, который необходимо преодолевать. Как и в предыдущие годы, особенностью чтений 2012 года стало сочетание докладов признанных специалистов и юных краеведов, уже заявивших о себе серьезными исследованиями.

На чтениях прозвучал 41 доклад, из которых шесть принадлежали юным исследователям — лауреатам Всероссийских и региональных краеведческих олимпиад и конкурсов. В сборнике публикуются 30 статей, подготовленных на основе наиболее основательных в научном отношении докладов.

По традиции конференция завершилась церемонией награждения Гревсовскими дипломами за просветительство в области краеведения и дипломами Санкт-Петербургского союза краеведов за лучшие краеведческие работы школьников.

Гревсовскими дипломами были награждены:

- ♦ *Бурим Лариса Дмитриевна*, директор Музея истории Ижорских заводов.
- ♦ *Владимирова Людмила Викторовна*, методист по учебному предмету «История и культура Санкт-Петербурга» Информационно-методического центра Приморского района.
- ♦ *Гараева Раиса Николаевна*, руководитель Краеведческого центра Централизованной библиотечной системы Курортного района.

- ♦ *Гусенцова Татьяна Матвеевна*, методист по работе со школьными музеями Дворца детского (юношеского) творчества Выборгского района.
- ♦ *Пугачёва Наталья Александровна*, педагог, экскурсовод, руководитель студии юных экскурсоводов гимназии № 526.

Дипломы Санкт-Петербургского союза краеведов получили:

- ♦ *Изотова Аннеля*, ученица 11 класса школы № 529 Петродворцового района.
- ♦ *Ильин Федор*, ученик 9 класса 2-й Санкт-Петербургской гимназии, слушатель 2 курса Юношеского университета Петербурга.
- ♦ *Кондратьев Михаил*, ученик 9 класса школы-интерната № 1 им. К.К. Грота.

Считаем своим долгом напомнить о двух потерях, которые понесло Анциферовское движение в 2013 году.

22 мая в Москве ушел из жизни Сигурд Оттович Шмидт (1922–2013), выдающийся историк, краевед, педагог и общественный деятель. Автор классических книг об эпохе Ивана Грозного и множества других работ, посвященных российской истории и культуре, краеведению, охране памятников. Председатель Археографической комиссии РАН, многолетний профессор Российского государственного гуманитарного университета. Председатель Союза краеведов России со дня его основания. Бессменный председатель жюри Анциферовской премии за лучшие работы по истории Петербурга. Похоронили Сигурда Оттовича на Введенском кладбище Москвы, рядом с могилой его матери.

9 августа в Вашингтоне в возрасте 89 лет умерла Татьяна Николаевна Камендровская, дочь Николая Павловича Анциферова. Современные краеведы помнят её по церемониям награждения Анциферовскими премиями за работы о Петербурге, на которые она приезжала, пока хватало сил.

А.В. Кобак,

Председатель правления Санкт-Петербургского союза краеведов

В.И. Аксельрод,

Зам. председателя правления Санкт-Петербургского союза краеведов

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КРАЕВЕДЕНИЯ

В.А. Березина

«Смотреть на все глазами нового революционного человека»: репрезентация загородных императорских резиденций в «листочках» 1920-х гг.

Особое значение экскурсионная работа в целом и методические пособия по разработке и проведению экскурсии, в частности, приобрели в революционные годы, когда встал вопрос о том, что делать с наследием прошлого, например, с загородными царскими резиденциями. Идея уничтожения, к счастью, не получила поддержки властей. «Прошли времена, — писал по этому поводу нарком просвещения А.В. Луначарский, — когда передовые слои пролетариата, те, которые задают тон в пролетарской революции, разрушали машины»¹. В качестве аргументов за сохранение выдвигалась художественная ценность дворцов. «Они, — продолжал Луначарский, — грандиозны и в грандиозности своей художественно закончены. Когда народ сам создаст свои приемные залы, свои

¹ *Луначарский А.В.* Почему мы охраняем дворцы Романовых // Луначарский А.В. Об искусстве. Т. 2. М.: Искусство, 1982. С. 183.

залы для танцев молодежи, свои народные дворцы, он создаст их, конечно, еще грандиознее и во многом совершенно в другом типе. Но он ни у кого другого не научится той ослепляющей шири, тому художественному размаху, которые именно дворянство дало во время своего апогея»².

Необходимо отметить, что признание загородных императорских резиденций в качестве произведений искусства произошло незадолго до революции. К началу XX в. резиденции, построенные в XVIII–XIX столетиях, были ещё мало изучены. Как отметила искусствовед Е.И. Кириченко, отношение к ним определялось сложившимся в середине XIX в. мнением о «нехудожественности и подражательности культуры и зодчества XVIII – первой четверти XIX в.»³ Одним из первых вопрос о высочайшей культурной ценности царских резиденций XVIII в. поднял А.Н. Бенуа, опубликовав в 1902 г. в журнале «Мир искусства» статью «Живописный Петербург»⁴. Как справедливо заметила московская исследовательница С.Л. Малафеева, в первую очередь он создавал неповторимый художественный образ загородных дворцов, а только потом исследовал его как исторический памятник⁵.

Скорее поэтично, чем научно описывал загородные резиденции в своих работах и Н.П. Анциферов. В самой, пожалуй, известной своей работе «Душа Петербурга», написанной уже после революции, он так изображает пригороды Петербурга: «Петергоф может раскрыться нам и в ясный осенний вечер среди неопалимых купин ярко пылающих кленов, но мы не должны соблазниться очарованием этого образа. Мужественный характер летней рези-

² Луначарский А.В. Указ. изд.

³ Кириченко Е.И. Московские императорские дворцы как проблема истории искусства // Царские и императорские дворцы. Старая Москва. М., 1997. С. 6.

⁴ Бенуа А.Н. Живописный Петербург // Мир искусства. 1902. № 1. С. 1–5.

⁵ Малафеева С.Л. Роль научной и художественной интеллигенции в изучении дворцово-парковых ансамблей России. Начало XX века // Исторический город: традиции и креативность : коллективная монография [Электронный ресурс] / С.-Петерб. отд-ние Рос. ин-та культурологии ; отв. ред.: М.Б. Пиотровский, А.А. Никонова, Л.В. Никифорова. СПб.: Эйдос, 2012. URL: <http://eidos-books.ru/home#215> (дата обращения: 24.04.2012).

денции Петра выявится полнее в другую пору. Час явления *genius loci* Петергофа наступает в летний день, когда дует порывистый ветер; по темно-синему небу быстро несутся легкие облака, то скрывая солнце, то открывая его; причудливые тени плывут по сочно-зеленой траве, скользят по пихтам и каштанам, обволакивают сверкающие золотом статуи; ветер колеблет струи фонтанов и на потемневшем буро-синем море вздувает пену волн; доносится крик незримой чайки. <...>. И Павловск может увлечь нас в разные часы: и в серенький зимний день, и в улыбающееся весеннее утро, но не в них раскроется в полноте его душа»⁶.

Эти описания, бесспорно, принадлежат жанру художественной литературы. Однако задачу воспитания в рамках марксистско-ленинской идеологии, которую пытались поставить перед экскурсионной работой (равно как и перед иными формами культурной жизни) большевики, они решать не помогали. Учить смотреть на старые здания по-новому должны были другие пособия.

В 1927 г. вышла серия «листочков» (небольших брошюр), изданных Культотделом Ленинградского губернского совета профессиональных союзов. Они представляли собой что-то среднее между путеводителем и методическим руководством и именовались «самообразовательными экскурсиями». «По листовкам, — указано во введении одной из них, — экскурсии могут производиться в одиночку или группами, без руководителей»⁷. Эти издания должны были помочь решить проблему кадров («количество хороших руководителей довольно ограничено»)⁸ и времени. Кроме прочего, такая форма хорошо укладывалась в рамки получившего с середины 1920-х гг. особую поддержку властей самообразования.

Всего было выпущено девять «листочков», пять из которых были посвящены бывшим загородным императорским резиденциям (Александровскому и Екатерининскому дворцам в Детском Селе, Павловску-Слущку, Гатчине, Новому Петергофу), а остальные представляли собой естественнонаучные экскурсии по окрестностям Ленинграда. Язык этих «листочков» отличался прозаичностью, простой, был лишен поэтичности, изящных тропов. В тексте специально используются просторечия, разговорные слова («шкурный

⁶ Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Пг., 1922. С. 11.

⁷ Окрестности Ленинграда. Самообразовательная экскурсия. Л., 1927. С.4.

⁸ Там же. С. 3.

страх», «веселенькие картинки»). Думается, здесь можно говорить о нарочитой примитивизации языка, попытке «подстроиться» под будущего экскурсанта.

Во всех руководствах, за исключением «листочка» о Новом Петергофе, имелась четкая формулировка цели экскурсии. Экскурсантов настраивали на то, что главное они должны усвоить на прогулке. Это могло быть «представление о художественной культуре переходной эпохи»⁹ или знакомство с бытом царской резиденции XVIII и XIX в., т.е. «временем расцвета и падения монархической власти в России»¹⁰. И в том, и в другом случае авторами задавались жесткие рамки восприятия той исторической эпохи, когда были созданы дворцово-парковые комплексы.

Маршрут, предлагаемый в брошюрах, был логичен и связан с удобством осмотра. В Павловском парке он был проложен таким образом: «храм Апполона», дворец и его внутреннее убранство, затем парк и парковые постройки (Вольер, «Храм дружбы» и т.п.). Достопримечательности Петергофа предлагалось осмотреть в такой последовательности: вокзал, городские постройки (церковь Петра и Павла, часовня), Нижний парк, Большой дворец и Верхний парк. В брошюрах, посвященных Детскому Селу, сначала подробно рассказывалось о дворцах (Екатерининском и Александровском), а затем давалась краткая информация о парковых постройках.

Для описаний парка и парковых построек загородных резиденций было характерно раскрытие на нескольких объектах одной и той же темы, важной с точки зрения авторов. Для Павловска одной из таких тем являлось выделение особенностей художественного направления «сентиментализм».

Так, постройка Вольера объяснялась «преувеличенной любовью» к природе, характерной для этого направления, которая «подсказала желание неустанно наслаждаться пением “пташек”»¹¹. Розово-павильонная дорожка и сам «Павильон Роз» рассматривались как дань любования природой. В «Храме Дружбы» авторам виделся «тот же сентиментализм». «Новая Сильвия», ворота которой «наводят на мысль о смерти, об утрате» и «Старая Сильвия», наполнен-

⁹ Павловск — Слуцк. Самообразовательная экскурсия. Л., 1927. С. 3.

¹⁰ Детское Село. Екатерининский дворец. Самообразовательная экскурсия. Л., 1927. С. 5.

¹¹ Павловск — Слуцк... С. 21.

ная «воспоминаниями-памятниками», также рассматривались с точки зрения этого направления.

Характерное для сентиментализма подражание крестьянской жизни показывалось на примере постройки «Старое Шале». Здесь нашел свое продолжение и второй лейтмотив повествования — тяжелая участь крестьян при «старом строе»: «подражали, забавляясь одной стороной жизни, не приемля ее тяжести и грубости»¹². Тема тяжелой доли крепостных, которых для разбивки парка «снимали с насиженных мест»¹³ и нещадно эксплуатировали, звучит и в описании Розово-павильонной дорожки, и Павильона Роз («сотни рук были заняты заботой об украшении»¹⁴).

Тема трудности жизни крестьян возникла также в брошюре «Новый Петергоф». Здесь она, однако, была ограничена замечанием, что «все делалось руками крепостных»¹⁵. Более отчетливо проявилась в этом пособии тема иностранных заимствований и влияний. Монплеизир, чье название говорит о культурном влиянии Франции, представлял собой, по мнению авторов, «дом зажиточного голландца»¹⁶, а двор Петра, который собирался там, виделся как пестрая «смесь версальских придворных с обычаями ремесленников из Немецкой слободы в Москве и старинными русскими обычаями»¹⁷. Особо подчеркивались различные технические особенности: обращалось внимание на устройство фонтанов, подробно рассказывалось об устройстве гранильной фабрики.

В брошюре о Екатерининском парке Детского села звучала тема контраста между «верхами» и «низами» общества. Так, в описании Эрмитажа подчеркивалась «разница между впечатлением от верхней части Эрмитажа, украшенного золоченой резьбой и картинами Валериани, и того, которое получается в мрачном сыром подвале»¹⁸. Авторам этих описаний не чужда была и тема культурных влияний. Внимание экскурсанта акцентировалось на интересе к греческому и римскому, который был присущ «высшему обществу»

¹² Там же. С. 22.

¹³ Там же. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 25.

¹⁵ Новый Петергоф. Самообразовательная экскурсия. Л., 1927. С. 14.

¹⁶ Там же. С. 10.

¹⁷ Там же. С. 11.

¹⁸ Детское Село. Екатерининский дворец... С. 26.

конца XVIII в. Именно с этих позиций рассматривались Грот и Камеронова галерея. Интересно отметить, что в «листочках» о парках Детского Села особое внимание обращалось на природный ландшафт: подробно рассказывалось о прудах, видах деревьев и т.п.

Постройки Александровского парка – Арсенал, Шапель, Руина – изображались в брошюре как подражание средневековым зданиям. Эта «тяга к прошлому, к блеску и воинственным “потехам”»¹⁹, отмечали авторы, была характерна для середины XIX в. Не менее значимым для нас является изображение в руководствах загородных дворцов: как общее впечатление, так и описание различных элементов убранства. Стройность, легкость и изящество подчеркивалось при описании Павловского дворца («как и месторасположение, так и формы дворца делают его стройным и легким»²⁰). Авторы, однако, утверждали, что дворец должен создавать впечатление замкнутости и напоминать рыцарский замок (что, бесспорно, являлось заделом к разговору о личности Павла).

Экскурсанты должны были, по мнению авторов, увидеть «двойственность» быта хозяев, которая сказывается на всем дворце: «с одной стороны – это удобный дом крупного помещика, с другой – дворцовая постройка, для которой специально делается тронный зал»²¹. Полнее, однако, была раскрыта первая тема. Элементы убранства должны были рассказать о беззаботной жизни дворянской усадьбы («хрупкие» часы), тяге хозяев к семейному началу (стол с изображениями детей Павла) и увлечение направлением «сентиментализм» (амуры и клавесин в комнате Марии Федоровны).

В описании Большого дворца в Петергофе, напротив, подчеркивалось неудобство всех комнат для жилья. Это «показная сторона русской монархии», за которой, однако, «лежала вся страна, дикая, бедная, невежественная»²². В описании убранства парадных помещений поднималась тема расточительности русских монархов (картина Гаккерта: для того, чтобы художник мог передать пожар на море, был сожжен русский фрегат²³) и самомнение придворных,

¹⁹ Детское Село. Александровский дворец. Самообразовательная экскурсия. Л., 1927. С. 22.

²⁰ Павловск – Слуцк... С. 7.

²¹ Там же. С. 10.

²² Новый Петергоф... С. 28.

²³ Там же. С. 29.

которые мыслят «героев и богов древности» «по своему образу и подобию»²⁴ (потолок Валериани). Интересно сравнить этот образ с наброском, сделанным А.В. Луначарским: «В Петергофе великолепно представлена елизаветинская веселящаяся пышность; на мой взгляд, она выше версальской, она так же блестяща, заносчива и агитационна, она так же хочет кричать об огромном могуществе, о неисчерпаемом богатстве господ положения. Но в то время как царствование Людовика XIV глубоко бюрократически и геометрически огосударствливает вокруг себя все и вводит всюду чопорность и мертвящий этикет, Елизавета (и ее двор), хотя и хотят подражать Версалю, но на самом деле сами с татарской непосредственностью, с варварской радостью предаются всем этим излишествами, и это вливает в пышность форм XVII века какую-то волну живой крови»²⁵.

Отметим и большой интерес авторов к техническим деталям. Люстры, например, должны были рассказать экскурсантам о том, что «гранить стекло умели очень хорошо», а стеклянный колпак плохой работы – что выдували стекло плохо²⁶.

Екатерининский дворец в Детском Селе, как и дворец в Петергофе, относился, по мнению авторов «листочков», к типу дворцов, «служивших не только для жилья, но также для парадных приемов, для “представительства”», так как «таково было задание, подсказанное общественным строем того времени»²⁷. Дворец должен был восприниматься как устроенный по образцу помещичьей усадьбы, где «хозяйство велось на широкую ногу»²⁸. Внешний вид дворца рисовался так: «причудливый стиль “барокко” с его беспокойными линиями, с обилием украшений в виде человеческих фигур, раковин и цветочных гирлянд, с ярким сочетанием красок <...> доводится Растрелли до последних пределов роскоши и совершенства»²⁹. В описании жилых комнат подчеркивалось, что «многие из обычаев старой Руси не изжиты еще в XVIII веке в дворцовом быту»³⁰. Парадные

²⁴ Там же. С. 30.

²⁵ Луначарский А.В. Указ. соч.

²⁶ Новый Петергоф... С. 31.

²⁷ Детское Село. Екатерининский Дворец... С. 8.

²⁸ Там же. С. 10.

²⁹ Там же. С. 11.

³⁰ Там же. С. 12.

помещения – Танцевальный зал и «антикамеры» – должны были, в свою очередь, рассказать экскурсантам о чрезмерно пышных приемах, где «выражали дворяне свое почтение к власти, которая на них опиралась и была неразрывно связана с ними как экономическими, так и политическими интересами»³¹. В описании дворцовой церкви возникало уже привычное противопоставление положения «верхов» и «низов»: повествование о роскоши приемов продолжается заметкой о тяжелой работе крепостных резчиков. Авторами подчеркивалась также склонность к рисовке перед иностранными державами: «больше старались украсить ту, которая предназначалась для приема иностранцев»³². Заимствования из других стран (китайская комната, турецкий диван) объяснялись просто: «войны и торговля, обычно, влекут за собой интерес к быту и культуре встречающихся народов»³³. Экскурсия по Екатерининскому дворцу заканчивалась описанием крестьянской избы – и тут был использован прием антитезы.

Александровский дворец Детского Села должен был создавать впечатление помещичьей усадьбы, но с особенностями парадных резиденций конца XVIII в. Переделанный для «частной жизни представителя власти», он соотносился авторами с изоляцией русской монархии после революции 1905 г. Четко «иллюстрировать историю русской монархической власти, деля ее на время расцвета и упадка» должны были Полукруглый зал и Портретная. Особая склонность последнего императора к личной, семейной жизни «демонстрируется» в Приемном кабинете, личном кабинете Николая II и спальне. Элементы убранства рисовались авторами как дорогие, но малоценные. «С гнетущим чувством удушливой атмосферы вялых красок и линий гостиных, «уголков», с массой ненужных и неопцененных вещей, – выходим в коридор, сопровождаемые образами безвольных, ничтожных людей, не ориентировавшихся в событиях, но цепко державшихся за самодержавную власть»³⁴. И только памятник жертвам революции «возвращает нас к современности»³⁵.

Исходя из анализа текстов описания загородных императорских резиденций, можно заключить, что для них было характерно

³¹ Там же. С. 17.

³² Детское Село. Екатерининский Дворец С. 12.

³³ Там же. С. 23.

³⁴ Детское Село. Александровский дворец... С. 20.

³⁵ Там же. С. 22.

частое повторение одних и тех же слов и словосочетаний. Так, для создания картины Павловска чаще всего использовались прилагательные «красивый»³⁶, «талантливый» (о мастерах), «уютный» (о жилых комнатах). В брошюре о Петергофе преобладали прилагательные «иностранный» (с уточнениями: «голландский», «французский»/«версальский») и «великолепный». В описании Екатерининского дворца и парка – «прекрасный», «золочёный», словосочетание «яркость красок».

Таким образом, можно сделать вывод, что для репрезентации загородных императорских резиденций в этих брошюрах были характерны следующие особенности. Авторы учили смотреть на бывшие резиденции как на произведения архитектурного, ландшафтного и живописного искусства, подчеркивая их красоту и уникальность. Экскурсант, однако, рассматривая все это великолепие, не должен был забывать о том, что создано оно было тяжелым трудом крепостных крестьян. Помимо того, любясь дворцами и парками, отдыхающий должен составить представление о быте бывших правителей. В ходе прогулки отдыхающий должен был усвоить и некоторые постулаты марксистско-ленинской теории развития общества, которые авторы обильно вкрапляли в текст. Необходимыми для экскурсантов оказывались также некоторые сведения из истории развития науки и техники, которые также часто появляются в текстах. Так брошюры постепенно учили экскурсанта, как выразился известный педагог П.П. Блонский, «смотреть на всё определенными глазами, глазами нового революционного человека»³⁷.

³⁶ Авторы даже не чуждаются повторов: «положение <...> также как красивая форма, напоминающая греко-римские постройки, делает это место особенно красивым».

³⁷ Блонский П.П. О программе 3-го и 4-го года I ступени // На путях к новой школе. 1924. № 6. С. 19.

Н.Ф. Золотухина

Духовно-экологическое измерение концепции краеведения Д.С. Лихачева

Краеведение вносит в окружение человека высокую степень духовности, без которой человек не может осмысленно существовать.

Д.С. Лихачев

Не будет преувеличением сказать, что краеведение в исследованиях и деятельности Д.С. Лихачева занимало особое и очень важное место. Но понять ту роль, которую Дмитрий Сергеевич отводил этой области гуманитарного знания, можно лишь в контексте всего его целостного взгляда на мир, зная, как формировалось мировоззрение Д.С. Лихачева — человека и ученого.

Истоки мировоззрения Лихачева восходят к изучению им культуры Древней Руси. При этом Дмитрий Сергеевич всегда отстаивал позицию вписанности древнерусской культуры в христианскую картину мира, в европейскую культурную традицию. В его знаменитом принципе «видеть большое в малом» отражается именно этот взгляд на культуру, историю и краеведение. Развитие русской культуры как органической части развития общемировой христианской в той же мере предполагало, что и каждый памятник всегда может быть рассмотрен через призму этого процесса. В то же время и весь этот исторический процесс развития культуры для Лихачева был не неким абстрактно-теоретическим, а наполненным глубоким духовным смыслом.

Духовность для Лихачева являлась изначальным и фундаментальным измерением культурно-исторического процесса. При этом он никогда не сводил понятие духовности к узко-религиозной и тем более к абстрактно-гуманистической трактовке, всегда апеллируя к фактам из всего накопленного в человеческой истории богатства культурных ценностей, в том числе в истории Русского государства. Предметность аргументации является одной из сильнейших сторон утверждения приоритета духовного измерения в культурологической концепции Лихачева, где в связи с этим краеведению отводится одна из ключевых позиций. Уникальность и универсальность, как атрибуты этого духовного измерения, в личности и деятельности Лихачева являются взаимообусловленными свойствами, что в полной мере отразилось и в его концепции краеведения.

Особенность предметной области краеведения, по утверждению Д.С. Лихачева, заключается в облагораживании самого предмета изучения благодаря раскрытию его новых культурно-ценностных качеств, с одной стороны, и, с другой стороны, в облагораживающем влиянии его на личность изучающего благодаря пробуждению ее духовной сущности.

«Краеведение оценивает значительность событий, людей, связанных с этой территорией, ценность архитектурных и археологических памятников, красот пейзажей, редкость и важность природных данных (животных, рыб, насекомых, растений, даже климата и т.д.) С этой точки зрения «моральная отдача» краеведения как науки, воспитательная роль значительно велика. Это — воспитывающая наука, требующая от человека неравнодушного отношения к предмету и выводам своего изучения. В системе наук краеведение занимает исключительное место. Оно учит людей не только любить свои места, но и любить знание о своих (и не «своих») местах»¹.

Духовное измерение краеведения как «воспитательной науки» для Д.С. Лихачева означало непосредственную включенность его в сферу педагогики, которая трактовалась Лихачевым в духе древнерусской концепции «учительности» всей культурной среды, окружающей ребенка. Именно в культурно-педагогической концепции Д.С. Лихачева, по-нашему убеждению, следует искать ключ к пониманию духовно-экологического измерения краеведения как «воспитательной науки».

¹ *Лихачев Д.С.* Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре. М.: Российский Фонд Культуры, 2006. С. 72.

Истоки культурно-педагогической концепции Д.С. Лихачева лежат в глубинах русской народной педагогики, в культурных традициях русского народа. По мнению Д.С. Лихачева, насчитывающие более двух тысяч лет воспитательные традиции Древней Руси «опирались на педагогическую мысль, которая присутствовала во всей древнерусской культуре — устном народном творчестве, живописи, певческом искусстве, бытовых традициях, обычаях, обрядах. Педагогические идеи и воспитательный опыт многих поколений включались в летописи, поучения, жития и т.д.; в древнерусских книгах встречается немало изречений, советов и рекомендаций о воспитании детей. Колыбельные песни, пестушки, потешки, сказки, загадки, пословицы, былины, которые донесла до нас народная память, являются неотъемлемой частью нашего педагогического наследия.

И хотя в Древней Руси не было детской литературы, музыки, книжной графики, общая культура русского народа была в высшей степени педагогична. Древнерусская педагогика большое значение придавала воспитанию таких нравственных качеств, как правдолюбие, миролюбие, трудолюбие, кротость, честность, доброта, уважение к старшим...

Детей учили грамоте примерно с семи лет, и грамотность, как показывают многочисленные находки берестяных грамот, была широко распространена в городах. Но гораздо раньше, нежели человека начинали учить грамоте, его вводили в единый для всех возрастов мир специфически средневековой книжной культуры и учили жить в нем самостоятельно, ответственно и серьезно, наравне со взрослыми. Это мир органически сплоченных вокруг литературы разных видов творчества — музыки, живописи, прикладного искусства, элементов сценического действия, архитектуры. Литература вмещала писаное слово, музыка — человеческий голос — его интонировала, живопись — иконы и фрески — его иллюстрировала. В этом храмовом ансамбле литературы и искусств не делали существенного различия между взрослыми и детьми.

Мудрость и учительность были свойственны всей древнерусской культуре. Но неверно думать, что эти духовные качества исключали практичность и полезность. Напротив, культура дорожила одними, чтобы не потерять другие, не оказаться исчерпанной тем или иным конкретным практическим результатом, но приносить их всегда, оставаясь духовно неисчерпаемой»².

² Лихачев Д.С. Вступительная статья. В кн.: Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV—XVII вв. / Ред. коллегия С.Ф. Егоров и др. М.: Педагогика, 1985. С. 5—8.

Педагогическая концепция Д.С. Лихачева основывалась на этнокультурных и духовных принципах народной педагогики, которая имеет ту особенность, что в ней нет строго сформулированных законов воспитания, точных научных терминов и определений. Это — сокровищница коллективного творчества многих поколений, народная мудрость, которая накапливается веками. Формулируется она в кратких изречениях, заповедях, поучительных пожеланиях, которые выступают как бы в качестве постулатов и аксиом народной педагогики. Именно в этих жанрах написаны были многие педагогические публицистические работы учёного-просветителя и, прежде всего, его знаменитые «Письма о добром и прекрасном»³.

Уникальность педагогической концепции и научно-просветительской деятельности Д.С. Лихачева как раз и заключается в том, что он стремился воспроизвести *этно-педагогическую целостность культуры и мудрости народной педагогики Древней Руси в созидании нового культурного пространства XX века*. Чтобы воплотить эту задачу в современной жизни, как подчеркивал Д.С. Лихачев, «нам нужны вечные ценности, — классическое же искусство — это то, что существует в нашей художественной культуре вечно. Истинная красота — вечна. Ценности красоты в зодчестве, в музыке, в поэзии, в скульптуре — вечны. Никто из людей истинной культуры не объявит отменённой красоту Парфенона, Венеры Милосской, Мадонны Альба Рафаэля, «Троицы» Андрея Рублева, поэзии Пушкина, драм Шекспира, музыкальных произведений Моцарта и Мусоргского... И рядом с красотой вечна нравственность, заветы нравственности: не убий, не укради, чти отца и мать свою, т.е. традиции предков, не лги... Связь красоты и нравственности несомненна, ибо истинная красота никогда не лжет, она правдива по своей сущности — к какому бы стилю она ни принадлежала. Истинная красота никого не «убивает» — у нее нет конкурентной борьбы. Красота, какой бы она ни была, основана на вековых традициях, она чтит прародителей. Вот почему красота — основа нравственности, воспитывает нравственность. Поскольку классика — это то, что обнаруживает себя как вечная красота, она основа духовной оседлости. Духовная же оседлость — это важнейшая черта нравственности. Классика — важнейшая двигательная сила воспитания. Она альтернативно противостоит массовой культуре, вульгарным ее проявлениям»⁴.

³ Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. М.: Детская литература, 1989.

⁴ Лихачев Д.С. Избранное. С. 43.

Однако в осуществлении на практике идеи духовно формирующего культурного пространства — «культуросферы» Лихачев не был утопистом и прекрасно понимал, как трудно удержать и тем более передать молодежи лучшие традиции национальной и мировой культуры, приобщить к духовным ценностям в социальных условиях XX в. Многие культурные памятники были утрачены во время Второй мировой войны, в различных идеологических компаниях в советский период и, наконец, после крушения коммунистического режима в России началась экспансия западно-американской идеологии общества потребления с её гримасами массовой культуры. Педагогическую, культурно-просветительскую и научную деятельность Д.С. Лихачев сконцентрировал на одном необыкновенно важном и не менее трудном стратегическом направлении — сохранении памятников художественной и духовной культуры с активным привлечением к этой деятельности молодежи, тем самым став *основоположником нового междисциплинарного направления в науке — «экологии культуры», в которой одно из ключевых мест было отведено краеведению.*

В своем духовном измерении экология и краеведение у Д.С. Лихачева непосредственно связаны с понятием «духовной оседлости», которая формируется благодаря приобщению каждого молодого человека к ценностям классического искусства и национальной культуры, наиболее эффективной педагогической культуро-созидающей формой которого является краеведческая работа. «Занятие краеведением не только требует знаний в области истории, искусствоведения, литературоведения и пр., но приучает людей всем этим интересоваться и повышать свой культурный уровень, создавать новые и пополнять старые музейные и архивные хранилища, связываться со специалистами, читать научную литературу.

Краеведение вносит в окружение человека высокую степень духовности, без которой человек не может осмысленно существовать»⁵.

Именно поэтому в своих статьях и выступлениях, посвященных вопросам краеведения, Д.С. Лихачев неоднократно подчеркивал, что краеведение в современном мире — это не только междисциплинарное направление гуманитарного знания, объединяющее уже известные науки (географию, этнографию, историю, искусствоведение, природоведение и др.), но и одна из основ совершенно новой отрасли научного знания — духовной экологии культуры.

⁵ Лихачев Д.С. Избранное. С. 72, 73.

«Существует экология биологическая, т.е. экология, необходимая для элементарной жизни, но есть экология культуры, без которой невозможно для человека культурная духовная жизнь — жизнь, воспитывающая в нем нравственность, уважение к окружающему, к прошлому, заботу о будущем»⁶.

Д.С. Лихачев отмечал, что эта область знания практически еще не изучена и требует своего осмысления в контексте современных тенденций развития гуманитарного знания.

Наиболее остро культуро-экологические проблемы ощущаются в настоящее время в развитии современных этнокультурных процессов. В современном мире под воздействием цивилизационных процессов этносы теряют этно-природную замкнутость своей жизнедеятельности и некоторые просто исчезают. Тем не менее, утрачивая архаический синкретизм, появляются и новые этнокультурные формы, такие как фольклорно-этнические ансамбли, театры, фестивали, этнокультурные проекты социального пространства и т.д.

Развитие этно-экологических процессов в этом направлении, причем тесно связанном с краеведческой деятельностью, прогнозировал Д.С. Лихачев: «Музеи — это не кладовые. То же самое следует сказать о культурных ценностях той или иной местности. Традиции, обряды народное творчество требуют в известной мере своего воспроизведения, повторения в жизни... Собранные, но только зарегистрированные — они перестают существовать, разрушаются, утрачивают какие-то (хотя бы маленькие) связи с жизнью. Краеведение как явление культуры замечательно тем, что оно теснейшим образом позволяет связать культуру со строительством музеев, собраний, архивов, педагогической деятельностью, объединением молодежи в кружки и общества, развитием туризма, созданием хоров и кустарных артелей. Культура из лежащей в туне становится действенной и «работающей». Краеведение не только наука, но и деятельность!»⁷

В новых этно-художественных формах сам феномен этничности становится образом искусства, обращаясь к участникам зрелища с посланием своей духовной сущности. В отношениях с природой этническое сознание возвышает экологическую целесообразность до её самых высоких нравственных вершин, проповедуя благоговение перед природой и любовь ко всему живому. В образ целого

⁶ Лихачев Д.С. Избранное. С. 74.

⁷ Там же. С. 87.

современной цивилизации этничность вносит мудрость, связывающую знание и нравственность, планетарное и божественное видение мира.

В широком межкультурном взаимодействии этническое сознание приобретает новое свойство, становясь гранью планетарного самосознания представителя земной цивилизации. Во всяком случае, характерный для современного урбанистического мироощущения людей страх перед вторжением инопланетян, поиски образа врага в космосе совершенно чужды этническому сознанию, признающему высшую справедливость Вселенского Разума, всегда стоящего на стороне сил Добра и Света.

Именно такое планетарное видение современных культурно-экологических проблем было отличительной чертой Д.С. Лихачева: «Земля наш крошечный дом, летящий в безмерно большом пространстве... Сколько обычаев, милых традиций. Сколько всего накоплено, сохранено. Сколько возможностей. Земля вся засыпана бриллиантами. А под ними сколько алмазов, которые еще ждут, что их огранят, сделают бриллиантами... И что перед этой невероятной ценностью все наши национальные амбиции, ссоры, мести личные и государственные! Эрмитаж, несущийся в космическом пространстве!»⁸

Мы приходим к пониманию того, что культурно-экологические проблемы сохранения духовного мира человека в условиях глобализации стали духовным императивом существования современной цивилизации в целом. Именно Д.С. Лихачеву принадлежит идея расширения сферы охраняемого культурного наследия человечества под эгидой ЮНЕСКО за счет включения в него духовно-нравственных ценностей. В преамбуле «Декларации прав культуры», разработанной и представленной Д.С. Лихачевым на суд общественности, было сформулировано новое понятие культурных ценностей: «Под культурными ценностями подразумеваются не только **отдельные объекты** — памятники архитектуры, скульптуры, живописи, письма, печати, археологии, прикладного искусства, музыки, фольклора, которые могут быть отмечены в списках, каталогах и т.п., но и явления, такие как традиции и навыки в области искусства, науки, образования, поведения, обычаев, культурных индивидуальностей народов, групп населения, отдельных людей и т. д.

Живая культура не может быть исчерпана списками, каталогами, описаниями и т.д. Она составляет определенную ценность и

⁸ Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. С. 234, 235.

целостность в своей совокупности, в которую входят как произведения и явления первого разряда, так и второстепенного свойства, кроме обычаев и навыков, явно вредных для окружающих.

Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла»⁹.

В контексте данной проблематики стало очевидным, что в разработанную В.И. Вернадским на рубеже XX в. «ноосферную» концепцию эволюции Земли необходимо введение культурно-экологического измерения. Индустриально-геологическая деятельность человека как планетарный фактор должна рассматриваться в данном аспекте не только во взаимосвязи с расширением научно-образовательного пространства этой деятельности, но и на основе признания приоритета духовно-нравственных ценностей в развитии нашей цивилизации.

Идеи Д.С. Лихачева о ведущей роли духовных традиций в преодолении глобальных кризисов, потрясающих современную цивилизацию, получили свое развитие в культурно-образовательной политике ЮНЕСКО. Генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова в своем выступлении в Санкт-Петербурге по случаю присуждения ей в июне 2012 г. почетного звания доктора образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена подчеркнула: «В облике Санкт-Петербурга нашла свое выражение беспредельная изобретательность человеческого духа. В нем воплощена сама идея «выдающейся универсальной ценности» наследия, которое ЮНЕСКО стремится сохранять»¹⁰. Благородную миссию Д.С. Лихачева по сохранению и развитию духовных традиций человечества, несмотря на все мировые катаклизмы, продолжают в своей порой незаметной, но исключительно ценной деятельности российские, петербургские краеведы, активно привлекающие к этой работе талантливую молодежь.

⁹ Лихачев Д.С. Избранное. С. 88

¹⁰ Выступление Генерального директора ЮНЕСКО г-жи Ирины Боковой по случаю присуждения ей степени почетного доктора образования РГПУ им. А.И. Герцена. // Универсум. 2012. № 2. С. 109.

И.В. Осипова

Городской конкурс творческих работ школьников «Петербург и Отечественная война 1812 года»

В 2012 г. наша страна торжественно отмечала 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. В юбилейный год проводилось множество мероприятий, выставок, конкурсов, снимались фильмы, реализовывались творческие проекты. Не остался в стороне и мемориальный музей «Разночинный Петербург». Для этого музея тема войны 1812 г. — особая. Не будучи ориентирован исключительно на военную тематику, музей изучает историю городского района, где квартировал ряд гвардейских полков. В основной экспозиции музея представлена тема участия лейб-гвардии Семеновского, Егерского, Измайловского, Московского полков в событиях 1812—1815 гг., а также затронута тема формирования Санкт-Петербургского ополчения. Поэтому предметом проекта, посвященного Отечественной войне 1812 года, музей избрал не военные события, а восприятие их жителями Петербурга в исторической перспективе и в современном звучании.

Обширная историческая литература, фонды музея и сотрудничество с другими музеями города позволяли осветить в выставочном проекте сюжеты, связывающие Петербург с войной 1812 г.: действия корпуса П.Х. Витгенштейна, сражение при Клястицах, гибель Я.П. Кульнева, подготовку эвакуации из Петербурга, формирование петербургского ополчения, отклик петербургских театров на события войны, создание дамского патриотического общества, встречу гвардейских войск в Петербурге. Экспонаты выставки давали возможность показать изменения в отношении общества

к этой войне. На выставке были представлены материалы, связанные с празднованием столетнего юбилея победы в войне 1812 г.; посвященные этой войне книги и открытки, изданные в блокадном Ленинграде; сувенирная продукция 1962 г. Партнерами музея в этой выставке стали музей «Нарвская застава», Александринский театр, музей школы № 206, частные коллекционеры. Выставка получила название «Война и мир: Отечественная война 1812 года в представлении петербуржцев».

Но необходимость отразить современный аспект восприятия горожанами событий 200-летней давности заставила превратить задуманную музеем вполне традиционную выставку в более сложный проект.

Летом 2012 г. Фонд Общественное мнение провел социологический опрос, посвященный событиям 1812 г. Менее трети опрошенных россиян смогли правильно назвать императора, правившего Россией в этот период. Выбрать из списка исторических событий то, которое относится к войне с Наполеоном, смогли только 13% респондентов. Стоит отметить, что выбрать было необходимо вовсе не Бородинское сражение, а Тарутинский марш-маневр¹. Другой опрос того же Фонда выяснил, что в отношении Бородинского сражения знания россиян значительно лучше². В основе представлений современных россиян об этой войне, несомненно, лежат знания, полученные в школе. Вот почему музей «Разночинный Петербург» привлек к участию в своем проекте школьников, рассматривая их не только как возможную аудиторию, но и как объект исследования и экспонентов выставки.

В сотрудничестве с Городским дворцом творчества юных и Городским методическим объединением руководителей учреждений дополнительного образования детей музей «Разночинный Петербург» провел конкурс детских творческих работ на тему «Петербург и Отечественная война 1812 года». Конкурс проводился по номинациям «Журналистика, история, краеведение» и «ИЗО и прикладное творчество». Участниками конкурса стали школьники среднего и старшего возраста, занимающиеся в городских отделениях дополнительного образования. В жюри конкурса вошли историки,

¹ Отечественная война 1812 года. Война с Наполеоном. Знания и ассоциации россиян. Сайт ФОМ: <http://fom.ru/Proshloe/10504>.

² Там же. <http://fom.ru/Proshloe/10616>. Обращение после 22.07.2012.

журналисты, художники, педагоги. В конкурсе приняли участие 141 человек из 31 школы и двух учреждений дополнительного образования из 10 районов города. Жюри определило победителей конкурса, лучшие работы в номинации «ИЗО и прикладное творчество» были представлены на выставке детских творческих работ «Отголоски грозы», а лучшие журналистские работы напечатаны в специальном сборнике. Анализ детских работ позволил сделать коррективы в плане задуманной музеем выставки.

Более всего затруднений у авторов журналистских и художественных работ вызвал петербургский аспект темы. Определенное непонимание тема конкурса встречала и у педагогов. Постановка темы требовала от детей некоторых исторических разысканий, сопряженных с личной оценкой выявленных фактов. Эта задача многим оказалась по силам. Из 48 журналистских работ 10 практически не имели петербургского сюжета.

Современные школьники плохо представляют себе период, о котором, пытались рассказать. Дело не в фактических ошибках, мелких или крупных, смешных («гусар-девица Шурочка Агузарова») или досадных («под командованием П. Витгенштейна действовала основная армия»). Удивительно, но крайне редко ребята вспоминали, что описывают почти пушкинское время. Показательно в этом отношении то обстоятельство, что в работе, посвященной стихам о войне, про А.С. Пушкина вообще забыли, тогда как в работах, посвященных Галерее 1812 года без цитаты из знаменитого стихотворения «Полководец» не обходились.

Основным поставщиком информации для авторов журналистских работ стал Интернет. Примерно в половине работ, представленных на конкурс, интернет-источники просматривались достаточно явно, хотя работ, полностью позаимствованных из всемирной паутины, было немного.

Возможно, вследствие неуверенности в своих знаниях большинство авторов стремилось взглянуть на тему глобально, не останавливаясь на мелких сюжетах. Более всего авторов привлекали две темы: военные действия на петербургском направлении и мемориальные объекты, связанные с победой в войне. Последней теме была посвящена почти половина конкурсных работ. Школьники излагали историю появления в Петербурге мемориала Казанского собора, Александровской колонны, здания Главного штаба, Нарвских триумфальных ворот. Но вот обнаружить связь этих памят-

ников с конкретными событиями и личностями той войны авторам конкурсных работ удавалось не всегда.

Действия корпуса П.Х. Витгенштейна и формирование петербургского ополчения рассматривались как совершенно особая тема, не связанная с известным по школьным учебникам описанием хода войны. Эта обособленность сюжета давала авторам возможность уверенно рассуждать о событиях. Большинство авторов завершало свой рассказ отправлением ополчения из Петербурга, даже о взятии Полоцка сообщали немногие. Наличие особого «петербургского сюжета» не позволило участникам конкурса разглядеть петербуржцев среди героев Бородинского сражения, на портретах Галереи 1812 года, увидеть петербургские этапы не только в биографии М.И. Кутузова, но и в биографиях других известных героев войны.

Впрочем, нельзя сказать, что школьники не проявили интереса к личностям, связанным с событиями 1812 года. На конкурс были представлены работы, посвященные Ф.П. Уварову, Н. Дуровой, А.И. Михайловскому-Данилевскому, А.Ф. Фон-дер Бриггену, М.И. Родионову, петербургским адресам героев войны. Не всегда обращая внимание на петербургские сюжеты в биографии героев, авторы работ с трудом удерживались в рамках биографии одного человека. Превратить список чинов и наград в биографию, за которой можно увидеть живого человека — непростая задача и для опытного исследователя. А адаптированная литература для школьников осталась авторам неизвестной.

Это обстоятельство заставило создать на выставке, организованной музеем, сюжетный узел, связанный с биографией С.В. Непейцына (1771–1848). Отставной полковник, ещё в юности потерявший ногу под Очаковым, он все же в 1812 г. вступил волонтером в кавалерийский полк и прославился лихими партизанскими налетами на вражеские позиции под Полоцком. Закончил войну С.В. Непейцын в лейб-гвардии Семеновском полку, скончался в Петербурге и похоронен на Смоленском кладбище. Этому герою посвящена неоднократно переиздававшаяся книга В.М. Глинки «Повесть о Сергее Непейцыне», ориентированная именно на детскую аудиторию³. Обидно, что творчество В.М. Глинки, представляющее собой прекрасное сочетание беллетристики и тщательных научных изысканий, осталось за пределами интересов авторов работ. Даже в

³ Глинка В.М. Повесть о Сергее Непейцыне. М.: Детская литература, 1966.

работах, посвященных Галерее 1812 года, школьники ограничивались описанием и общими словами, словно не заметив альбома с биографиями героев⁴.

Авторы конкурсных работ неизбежно ассоциировали войну 1812 г. с более знакомой им Великой Отечественной войной. Порой такие ассоциации приводили к событийной путанице. Так, одна школьница, описывая сражение при Клястицах, размещает это селение в Ленинградской области. Логика вполне понятна: если существовала угроза городу, значит, сражение, остановившее врага, произошло где-то совсем рядом с ним.

Иногда авторы старались объяснить свои ассоциации. «Мы привыкли вспоминать о войне. Со страхом. С трепетом. С грустью, щемящей в груди тоской, с сожалением, отчаянием и мурашками от ужаса. Но мы привыкли это делать. Несколько раз в год мы славим героев Второй Мировой⁵. Несколько раз в год вспоминаем погибших солдат, которые могли стать дедами наших друзей. Бывает, натываемся на фильмы о войне. Обычно сразу переключаем»⁶.

Иногда они обращали внимание на сходство не только в названии войн, но и в ходе событий. «Общий замысел у Франции был таков: захватить Москву и отрезать Петербург от южных губерний. Эта идея Наполеона была неким прообразом страшного для каждого жителя нашего города слова БЛОКАДА»⁷.

Но чаще всего оценочные характеристики, связанные с Великой Отечественной войной, просто опрокидывались на 1812 г. Так, многие авторы писали о бесчисленных жертвах войны, но никто не удосужился привести какие-то цифры. В уста солдат вкладывались слова о борьбе против всеобщего угнетения, за мир во всем мире. Наполеон в такой интерпретации начинал напоминать Гитлера, особенно когда речь шла о «русском солдате-освободителе». Обра-

⁴ Глинка В.М., Помарнацкий А.В. Военная галерея // Военная галерея Зимнего дворца. 3-е изд. Л.: Искусство, 1981.

⁵ Героев какой же войны мы «славим несколько раз в год»? Опасная подмена понятий, свидетельствующая об уровне преподавания истории в школе. Это ли не пример «экспансии западно-американской идеологии общества потребления с её гримасами массовой культуры», о которой говорил автор предыдущей работы — *Прим. ред.*

⁶ Андриевская М., Макарова Е. Отечественная война 1812 г. в русской поэзии // Городской конкурс творческих работ школьников «Петербург и Отечественная война 1812 года». СПб, 2012. С. 7.

⁷ Гранат М. Петербург и Отечественная война 1812 года. // Там же. С. 6

тив внимание на такую интерпретацию этого образа в детских работах, создатели выставки постарались указать на совершенно иную трактовку образа Наполеона в начале XX в. В юбилейный 1912 г. памятных вещей с изображением Наполеона было выпущено едва ли не больше чем сувениров с изображением русских полководцев.

Если попытаться в целом выявить, интересны ли современным школьникам события 1812 г., то присланные на конкурс сочинения показывают, что отсутствие знаний препятствует развитию такого интереса. В тех случаях, когда авторы работ брали на себя труд более-менее досконально разобраться с каким-то сюжетом, они почти всегда находили в нем почву для проявления своих мыслей и чувств.

«Отечественную войну 1812 года надо знать и помнить, но не просто как исторический факт — надо чувствовать её, переживая в мыслях, понимая, что там гибли люди, защищая Родину, отстаивая национальную самобытность. Отечественная война должна перестать быть только сухими строчками из наших учебников, она должна быть для нас чем-то большим. Надо понимать, что за каждой такой строчкой стоят тысячи людей, миллионы поступков»⁸.

Художественные работы, представленные на конкурс, позволяли анализировать в первую очередь визуальный образ. Ребята в большинстве работ проявили внимание к предметам эпохи и старательность в ее изображении. Видно, что визуально этот период для них очень привлекателен. Но война в их изображении получилась очень нарядной, праздничной. Основой для создания визуальных образов послужили известные изображения. Неудивительно, что черную повязку на глазу М.И. Кутузова можно увидеть на многих детских работах, хотя прижизненные портреты показывают, что он её не носил.

С другой стороны, в художественных работах более ярко проявилось слияние исторических эпох, уже отмеченное нами в журналистских работах. Порою батальные сцены изображались таким образом, что трудно понять, сражаются на них петровские гренадеры или солдаты времен Первой мировой войны. Вот почему создатели выставки приняли решение разместить детские работы рядом с известными изображениями событий Отечественной войны 1812 года.

Выставка состоялась и получила хорошие отзывы. Юбилейный год завершился. Но вопросы, над которыми заставляют нас задуматься детские работы, остались и еще требуют своего разрешения.

⁸ Васильева А. Санкт-Петербург и Отечественная война 1812 года // Там же. С. 20.

В.И. Аксельрод

Имя в истории города. (В.П. Гаевский и его петербургские адреса)

Статья посвящена Виктору Павловичу Гаевскому, некогда видному петербургскому литератору, ближайшему помощнику Н.А. Некрасова в журнале «Современник» в 1850-е гг., одному из основателей Литературного фонда и его руководителю в 1870–1880-х гг., известному сегодня, увы, только узкому кругу историков литературы. Между тем его вклад в развитие литературной и культурной жизни столицы во второй половине XIX в. трудно переоценить. Если биография и литературное наследие В.П. Гаевского достаточно подробно освещены в ряде энциклопедических и биографических словарей, то его петербургские адреса ещё не становились предметом специального изучения.

В.П. Гаевский родился в Санкт-Петербурге 22 января 1826 г. в семье надворного советника, чиновника канцелярии Министерства народного просвещения и цензора Главного цензурного комитета Павла Николаевича Гаевского (1797–1876)¹. Первый выявлен-

¹ Русский биографический словарь. Издание Императорского русского исторического общества. — М., 1914 [Гааг-Гербель]. С. 110.

ный нами адрес Гаевских в Петербурге — Каретная часть, 1 квартал, № 114, по Лиговскому каналу № 57 (современный участок по Лиговскому проспекту, 28). Он установлен по книге адресов Санкт-Петербурга на 1837 г.² Был ли другой, более ранний, адрес у П.Н. Гаевского, не известно. Известно лишь, что в 1832 г. отец определил сына в пансионат Эйнерлинга³. По той же книге адресов удалось установить, что Иван Федорович Эйнерлинг, чиновник Министерства финансов, содержал мужской пансион на Вознесенском проспекте (современный участок дома 38)⁴. Через четыре года Виктора Гаевского перевели в только что открытую на 6-й линии Васильевского острова, 15, 4-ю петербургскую, более известную по имени купца-благотворителя П.Д. Ларина, Лариинскую гимназию⁵.

В этой гимназии Гаевский пробыл до 4 класса, обучаясь там одновременно с будущим известным историком, журналистом и общественным деятелем М.М. Стасюлевичем, а затем был переведен за отличные успехи на казенный счет в Александровский лицей⁶. Как известно, в конце 1843 г. лицей из Царского Села был переведен в столицу, в здание бывшего Александровского сиротского дома, возведенного в 1831–1834 гг. по проекту архитектора Л.И. Шарлеманя на Каменноостровском проспекте в доме 21⁷.

С переездом лицея в Петербург многие его прекрасные традиции, зародившиеся при Пушкине, были сохранены, и это не могло не отразиться на духовном мире его лучших воспитанников, среди которых были будущие государственные и общественные деятели, ученые, писатели, музыканты и художники. Одна из этих традиций состояла в том, что почти в каждом курсе находился воспитанник, который мечтал сделаться наследником великого поэта. В 13-м вы-

Впоследствии П.Н. Гаевский стал директором департамента указанного министерства и в отставку вышел в чине действительного тайного советника.

² Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год. — СПб., 1837. С. 492

³ Русский биографический словарь. С. 106.

⁴ Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год. С. 1242–1243.

⁵ Санкт-Петербург. Энциклопедия. — СПб.; М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. С. 191.

⁶ Русский биографический словарь. С. 106. Информация о М.М. Стасюлевиче см.: Большой энциклопедический словарь, М., 1997 С. 1146.

⁷ Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной: Справочник. — СПб.: Альт-Софт, 2005. С. 454.

пуске место Пушкина занимал М.Е. Салтыков-Щедрин, в 14-м — В.П. Гаевский⁸. Следует отметить, что интерес к истории лицея, его выдающимся выпускникам и их творчеству составили основу литературного наследия Гаевского. В 1850 — начале 1860-х гг. в журналах «Современник» и «Отечественные записки» им были опубликованы историко-литературные труды «Библиографические заметки в сочинениях Пушкина и Дельвига», «Дельвиг», «Празднование лицейских годовщин в пушкинское время», «Пушкин в Лицее и лицейские его стихи». Эти статьи, не потерявшие своей научной ценности и в наше время, позволяют отнести Гаевского к одному из первых отечественных пушкинистов⁹. И еще один удивительный факт, ранее нигде не упоминавшийся: В.П. Гаевский был похоронен на Георгиевском (Большеохтинском) кладбище в одной могиле с Михаилом Вильгельмовичем Кюхельбекером (1840—1879), сыном лицейского друга А.С. Пушкина¹⁰. Виктор Павлович, по-видимому, опекал Михаила, рано оставшегося сиротой. Как и многие лицеисты, Виктор Гаевский в юности писал стихи, а дебютировал он в 17 лет в «Библиотеке для чтения», в 1843 г. переводом стихотворения Ф. Шиллера «Непобедимый флот»¹¹. Как отмечается в биографической справке, хранящейся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома), «по окончании курса в Императорском лицее в 1846 г. с чином 9 класса В.П. Гаевский поступил на службу в Министерство финансов, а затем в Департамент народного просвещения, и, наконец, в 1855 г. в Канцелярию статс-секретаря у принятия прошений на Высочайшее имя приносимых...»¹²

⁸ Павлова С.В. Императорский Александровский (бывший Царско-сельский) лицей. СПб., 2002. С. 53.

⁹ Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1989. Т. 1. С. 510—511.

¹⁰ Петербургский некрополь. Т. 1—4. / Сост. В. И. Саитов. — СПб., 1912, т. 1, С. 522; т. 2. С. 584. Следует уточнить, что М.В. Кюхельбекер был похоронен в могиле М.Е. Гаевской (1805—1864) и П.И. Гаевского, умершего тремя годами ранее Кюхельбекера, а в 1888 г. в этой же могиле был похоронен и В.П. Гаевский. — *Прим. ред.*

¹¹ Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Указ. изд. С. 511.

¹² Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинского дома), ф. 278, оп. 2, № 64. Архив П.В. Быкова. Биографические сведения о В.П. Гаевском без подписи, л. 1. Продвижение В.П. Гаевского по служебной лестнице прослежено нами и по Адрес-календарям за 1846—1866 гг.

При Николае I все учреждения Министерства финансов были переведены в левое крыло здания на Дворцовой площади (д. 8—10), соединенное со зданием Главного штаба величественной триумфальной аркой.

Центральные учреждения Министерства народного просвещения располагались на Театральной улице (ныне ул. Зодчего Росси, 1—3; 1828-1833, архитектор К.И. Росси). В 1835 г. для них была отведена также переданная из удельного ведомства часть зданий по другую сторону Чернышева переулка (ныне улица Ломоносова) и Театральной улицы¹³. В этих стенах В.П. Гаевский провел восемь лет. В 1848 г. недавний выпускник Александровского лицея был назначен чиновником в Археологическую комиссию, которая работала при том же Министерстве народного просвещения. На неё возлагались обязанности по выявлению, изучению и изданию документов по русской истории с древнейших веков до конца XVII в. Пиком карьеры В.П. Гаевского стала в 1863 г. должность старшего помощника директора упомянутой Канцелярии «У принятий прошений на высочайшее имя»¹⁴. Располагалась она в Зимнем дворце. Но благополучная чиновничья карьера была лишь своеобразной ширмой, за которой скрывалась другая, более значимая для Гаевского деятельность. В 1850—1853 гг. он был ближайшим помощником Некрасова в его редакционной работе в журнале «Современник». Тогда редакция этого журнала располагалась в доходном доме княгини Урусовой 19/16 на углу набережной реки Фонтанки и Итальянской улицы¹⁵, совсем рядом с местом службы В.П. Гаевского.

Из просмотренной нами переписки видно, что Некрасов очень ценил деловые качества Гаевского и доверял ему самые деликатные поручения, например, работу с цензором «Современника» А.Л. Крыловым¹⁶. На самом деле на своего сотрудника Некрасов возложил

¹³ Санкт-Петербург. Энциклопедия. С. 520.

¹⁴ Русский биографический словарь. С. 107—108.

¹⁵ Литературные памятные места Ленинграда. — Л.: Лениздат, 1976. С. 514.

¹⁶ В одной из записок Некрасова, датированной летом 1850 г., читаем: «Будьте добры, Виктор Павлович, привезите Крылова в Парголово, взяв коляску (Некрасов в то лето снимал там дачу — В.А.) Я накупил отличных вин и фруктов — во всяком случае, верно то, что можем поесть и выпить отменно» (П.С.С., т. 14, кн. 1, с.141). В другой записке Некрасов приглашает Гаевского на обед с оговоркой, что среди гостей будет тот же Александр Лукич Крылов, «коего мы так привыкли уважать» (П.С.С., т. 14, кн. 1, с.153—154).

огромный объем редакционной текучки: работу с авторами, чтение корректур и рецензирование их, связь с типографией и др. И это при том, что периодически в «Современнике» появлялись собственные статьи и переводы Гаевского, его критические разборы, обзоры выставок в Академии художеств и др. После некрасовского «Современника» в 1854—1855 гг. он заведовал отделом беллетристики «Отечественных записок», издаваемых тогда А.А. Краевским. Редакция журнала располагалась в принадлежавшем ему доме на Литейном пр., 36¹⁷. Образованность, деловые качества, широкие знакомства содействовали хорошей репутации Гаевского в литературной среде. В это время он близко сходитя с А.В. Дружининым, Д.В. Григоровичем, И.И. Панаевым, Г.П. Данилевским, знакомится с И.С. Тургеневым. Особенно близкие отношения сложились у него с Д.В. Григоровичем, о чем свидетельствует их переписка¹⁸. В этом кругу сформировались либеральные убеждения Гаевского, так отличавшие его от крайне консервативного и осторожного отца. Подтверждением этому служит тот факт, что, являясь важным государственным чиновником, он втайне переводил деньги за границу М.А. Бакунину, вёл секретную переписку с А.И. Герценом, встречался с ним в Лондоне, за что был привлечен к следствию «по обвинению в сношениях с лондонскими пропагандистами». В октябре 1862 г. у Гаевского, находившегося в то время за границей, был произведен тщательный обыск, после которого все бумаги были опечатаны и сданы в III отделение (адрес этого ведомства — Фонтанка, 16), а книги запечатаны в сарае. Когда Гаевский в ноябре того же года вернулся из-за границы, он был подвергнут допросу. Через два месяца с него была взята подписка о невыезде из Санкт-Петербурга. Однако 19 марта следующего года Гаевский представил в Сенат обстоятельную записку, в которой ловко и умело, как хороший адвокат, доказывал, что все обвинения против него голосо-

¹⁷ Литературные памятные места Ленинграда. Указ. изд. С. 514.

¹⁸ В рукописных отделах ИРЛИ (Пушкинского дома) и Российской национальной библиотеки хранится большое количество писем В.П. Гаевского к Д.В. Григоровичу и последнего к нему (ф. 82. Архив Д.В. Григоровича за 1852-1853 гг.), из которых следует, что они дружили семьями, вместе отдыхали в Крыму и за границей, обменивались новостями литературной жизни и искусства. Одно из этих писем было послано Григоровичу с Крестовского острова, где Гаевский снимал дачу.

ловны и что следственная комиссия не приняла во внимание обстоятельств, его оправдывающих. Эта записка возымела свое действие: по определению Сената и Государственного Совета, высочайше утвержденному 30 марта 1865 г., он был освобожден от суда¹⁹.

Еще раньше, в самом начале следствия, в 1863 г. В.П. Гаевский вынужден был уйти в отставку в чине действительного статского советника. С этого же времени Виктор Павлович занимался адвокатурой, а по введении новых судебных учреждений поступил в 1866 г. в число присяжных поверенных округа в Санкт-Петербургской судебной палате, сложив с себя это звание только в начале 1886 г.²⁰

Судебная палата располагалась в здании Городского суда (бывшего Арсенала), сгоревшего в марте 1917 г., на участке дома 4 по Литейному проспекту²¹. В рукописном отделе Российской национальной библиотеки в фонде В.П. Гаевского хранится немало копий прошений официальным лицам по делам своих подзащитных. Ему пришлось защищать и по делам политическим. Так, он выступал на процессе Каракозова по делу о покушении на Александра II, в качестве защитника И.А. Худякова, руководителя петербургского филиала ишутинцев²². В 1860-е гг. Гаевский отходит от литературной деятельности, но становится одним из заметных общественных деятелей столицы. К этому времени относится единственная дошедшая до нас фотография Гаевского. С нее на нас смотрит типичный интеллигент-шестидесятник, с высоким лбом, окладистой бородой, пронизательным взглядом глубоко посаженных глаз.

Круг общественных интересов Гаевского был чрезвычайно широк. Он состоял членом Императорских обществ: поощрения художества (с 1877 г. оно располагалось на Большой Морской ул., 38), Географического (в те годы оно ещё не имело собственного дома и

¹⁹ Русский биографический словарь. Указ. изд. С. 107.

²⁰ Там же.

²¹ *Лурье Ф.М.* Петербург. История и культура в таблицах. СПб.: Золотой век, 2001. С.184–185.

²² Большой энциклопедический словарь. — М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 1997, С.1325. В.П. Гаевскому И.А. Худяков был известен как этнограф и фольклорист, издатель сборников русских народных песен, сказок и загадок. Защитительная речь В.П. Гаевского была опубликована в книге «Покушение Каракозова» 1930 года издания.

размещалось в здании Министерства народного просвещения на Чернышевой (ныне Ломоносова) площади, 1–2, Русского музыкального общества (дирекция РМО помещалась в зданиях, занимаемых Консерваторией в 1868–1869 гг. на Загородном пр., 24, в 1869–1890 гг. — в части зданий Министерства внутренних дел на Театральной ул., 3)²³

Еще одной гранью общественной деятельности В.П. Гаевского было его участие в кружке писателей «Биржевых ведомостей Молвы» (в литературном приложении к «Биржевым ведомостям» — «Молве» появлялись статьи самого В.П. Гаевского).

Члены этого кружка раз в месяц собирались на так называемые «редакционные обеды» в ресторане «Медведь» на Большой Конюшенной ул., 27²⁴. Ответственный секретарь кружка П.И. Вайнберг рассылал «повестки» обедов в поэтической форме всем его членам, а те, в свою очередь, отвечали на эти «повестки» тоже стихами. Кроме Гаевского в этот кружок входили известные литераторы Э.К. Ватсон, П.А. Гайдебуров, Н.С. Курочкин, Д.Д. Минаев, В.О. Михневич, А.Н. Плещеев, Я.П. Полонский, А.М. Скабичевский, К.М. Станюкович и др.²⁵

Но главным делом жизни В.П. Гаевского стал учрежденный им вместе с А.В. Дружининым в 1859 г. Литературный фонд (Его официальное название «Общество для пособий нуждающимся литераторам и ученым»). В 1875–1876, 1879–1880 и в 1884 г. В.П. Гаевский избирался председателем этого общества, многие годы был товарищем председателя, а кроме того, негласным его секретарем. С именем В.П. Гаевского связан самый яркий период деятельности Литературного фонда. Благодаря своим многочисленным знакомствам он привлекал в кассу общества большие пожертвования. По его инициативе в концертном зале «Пассажа» на Итальянской ул, 19

²³ Санкт-Петербург. Энциклопедия. Указ. изд., С. 392, 768–764. В рукописном отделе Пушкинского дома хранится письмо В.П. Гаевского, адресованное М.А. Балакиреву: «С особым удовольствием спешу сообщить вам, дорогой Милий Алексеевич, что СПб Отделение Русского Музыкального общества, по моему предложению, избрало Вас сегодня почётным членом за Вашу композиторскую деятельность и особенное содействие успехам музыкального искусства в России. Искренне преданный В. Гаевский».

²⁴ *Лурье Ф. М.* Указ. соч. С. 183.

²⁵ Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинского дома). Фонд П.И. Вайнберга, л. 98.

(ныне Академический драматический театр им. В.Ф. Комиссаржевской), в залах Благородного собрания на Итальянской ул., 9/Михайловской пл., 2 (ныне Большой зал Санкт-Петербургской академической филармонии им. Д.Д. Шостаковича) и Санкт-Петербургского Городского кредитного общества (современный адрес: пл. Островского, 7)²⁶ проводились благотворительные вечера с участием известных писателей и артистов, о чем свидетельствует переписка В.П. Гаевского со многими из них. Из неё видно, что Гаевский вникал во все детали организации этих вечеров (репертуар, афиши, цензура)²⁷. В рукописных делах ИРЛИ и РНБ в фонде Гаевского хранятся десятки писем с обращением в Литературный фонд об оказании материальной помощи нуждающимся литераторам и ответы В.П. Гаевского. Когда фонд почему-либо отказывал просителю в нужном пособии, Гаевский, не задумываясь, если проситель заслуживал сочувствия, жертвовать свои собственные средства, которые он зарабатывал своей адвокатской деятельностью. Значительный период деятельности Литературного фонда, как и самые плодотворные годы жизни В.П. Гаевского, связаны с домом архитектора А.Х. Пеля на Литейном, 46. Этот адрес указан во «Всеобщей адресной книге Санкт-Петербурга» на 1867–1868 гг, где указан и номер квартиры — 12²⁸. Не раз упоминается он и в письмах Гаевского. После постройки в 1865 г., осуществленной по проекту самого домовладельца, появился изящный фасад, за которым открывается большой озелененный двор с многоэтажными флигелями, похожий на уютную усадьбу. Проездная арка напоминает въезд во двор итальянского палаццо эпохи Возрождения²⁹. В квартире Гаевского в правом флигеле дома во время его председательства проходили заседания Комитета Литературного фонда. Частыми гостями в этом доме были Д.В. Григорович и Н.М. Стасюлевич. Виктор Павлович жил здесь вместе с женой Елизаветой Николаевной, урожденной Полевой, дочерью известного писателя, журналиста и историка, а также

²⁶ Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. С. 738, 767, 770.

²⁷ Литературные памятные места Ленинграда. С. 510.

²⁸ Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга на 1867-1868, — СПб., 1867, С.102.

²⁹ Впервые этот дом был перестроен А.Х. Пелем еще в 1843 г., второй раз — в 1865-м. (Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX–начала XX века : Справочник. СПб., 1996. С. 240).

сыном Николаем, лицеистом 49 курса Александровского лицея. В квартире Гаевского была собрана большая библиотека, в составе которой было много редких книг, автографов, интересных рукописей из нового периода русской литературы, художественных произведений, а также ценных вещей, собранных им во время частых его путешествий за границу. Еще за несколько лет до смерти Гаевский доставил в Императорскую Публичную библиотеку сундучок, куда он сложил все свои литературные работы и наверху положил свой дневник, который он просил вскрыть не ранее 100 лет со дня его рождения, именно 22 января 1926 г.³⁰

В знаменитой «Книге Автографов» издателя журнала «Русская старина» М.И. Семевского «Знакомые» содержится заметка, написанная его рукой: «Гаевский Виктор Павлович, скончался в СПб, на Литейном, в доме Пеля (№ 46) 2 марта, в 6 часов вечера 1888 г. Отпевание было в Сергиевском соборе на Литейном же, погребен 5-го марта на кладбище “Большая Охта”»³¹. В.П. Гаевский страдал смертельным недугом (рак желудка), обнаружившимся еще в 1885 г. Несмотря на отчаянную борьбу с ним, консультации видных врачей (С.П. Боткина, В.А. Манассеина и др.), болезнь оказалась неизлечимой. Преждевременная смерть его (ему было 62 года) потрясла литературное общество. Похороны его сопровождалась большой торжественностью³².

К сожалению, сегодня ничто не напоминает нам об этом незаурядном человеке.

Собор Преподобного Сергия Радонежского всей артиллерии, возведенный по проекту Ф.И. Демерцова (Литейный пр., 6) в 1798 г., был закрыт в 1932 г. и через два года частично разобран. С использованием прежних стен на месте собора было возведено административное здание ОГПУ, занятое ныне полицейским учреждением³³. По данным справочника «Исторические кладбища Петербурга», могила В.П. Гаевского на Георгиевском (Большеох-

тинском) кладбище была утеряна³⁴. Сын Виктора Павловича скончался в 1906 г., и род Гаевских на нем прервался³⁵. За их семейным некрополем некому было ухаживать. На доме же, где В.П. Гаевский прожил многие годы и связанным с именами многих выдающихся личностей, бывавших или живших здесь (в их числе был, например, Н.С. Таганцев) нет ни одной мемориальной доски, хотя сам дом с флигелями взят под охрану государства³⁶.

³⁰ Русский биографический словарь. С. 109. Этот дневник, хранящийся в рукописном отделе РНБ, заслуживает особого изучения, так как содержит богатый материал не только о личной жизни самого Гаевского, но и о литературной жизни столицы с 1883 по 1888 г.

³¹ *Семевский М.И.* Знакомые. Т. 3, 1886-1888

³² Русский биографический словарь. С. 109.

³³ *Антонов В.В., Кобак А.В.* Святые Санкт-Петербурга: Энциклопедия христианских храмов. — СПб.: Лики России, Спас, 2010, С. 46-47.

³⁴ Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. — М.: Центрполиграф, 2003. С. 514. О храме сегодня напоминает открытая 28 июня 2004 г. памятная доска.

³⁵ Словник Лицейской энциклопедии. — СПб., 2006, С.23.

³⁶ Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной : Справочник. — СПб.: Альт-софт, 2005, С.754.

Б.И. Антонов

Великосветский балет при коронации Екатерины II

Сразу после свержения и убийства мужа императрица Екатерина Алексеевна отправилась в Москву на коронацию. Состояние новой российской императрицы было тревожным, ведь, по сути, она была преступницей. В этот период она судорожно искала поддержки не только у участников дворцового переворота, но и у российской знати. Зная, что в Шлиссельбургской крепости томится законный государь Иван Антонович, она многих задабривала наградами и пожалованиями. Представители родовитого российского дворянства охотно принимали подарки, в надежде получить впоследствии еще. Вокруг новоявленной императрицы образовался узкий круг особо приближенных лиц из числа придворных, которые всячески пытались оградить ее от тревожных мыслей и подбодрить в столь шекотливый период ее жизни. Для этого использовались всякого рода развлечения в составе коронационных торжеств, одним из которых стала постановка балета силами придворных дам и кавалеров в покоях императрицы 25 января 1763 г.¹

Это был балет «Сражение Любви и Разума» на музыку композитора Шпрингера, поставленный балетмейстером Ф. Гильфердингом в одном действии и 16 явлениях². Судя по перечню исполнителей партий в балете, это были молодые представители фамилий, участвовавших в перевороте 28 июня 1762 г., результатом которого стала гибель императора Петра Федоровича, или это были близкие друзья новой императрицы.

¹ Камер-фурьерский журнал за 1763 г.

² Русский балет: энциклопедия. Электронный ресурс: [http://www.booksite.ru/localtxt/rus/sky/ballet/76/htm]. Обращение 15.09.2012.

Партию «донны Флоры» исполнила 32-летняя Анна Никитична Нарышкина, урожденная Румянцева (кузина полковника Румянцева-Задунайского), супруга Александра Александровича Нарышкина. Она была близкой подругой императрицы со времен своего бракосочетания, состоявшегося в Москве в 1749 г. Тогда еще великая княгиня Екатерина Алексеевна с супругом сопровождали молодых в брачные покои. Впоследствии императрица пожаловала её знаками ордена святой Екатерины, а император Павел Петрович — званием гофмейстерины царского двора. Скончалась Анна Никитична в 1820 г. в возрасте 90 лет и была погребена в Александро-Невской лавре.

Участником спектакля был и супруг Анны Никитичны обершенк императорского двора 36-летний Александр Александрович Нарышкин, исполнивший партию «дона Альварца». В энциклопедии «Русский балет» исполнителем этой роли ошибочно назван А.Л. Нарышкин. Александр Александрович был старшим сыном кузена Петра Великого Александра Львовича Нарышкина, которого великий государь ласково величал «Львовичем»³. Незадолго до дворцового переворота Александр Александрович Нарышкин получил от императора Петра Федоровича, во всем ему доверявшего, знаки высшего российского ордена святого Андрея Первозванного. Нарышкин оставался с государем до самого конца. Впоследствии Александр Александрович стал сенатором. Скончался он в 1795 г. и тоже похоронен в лавре. Екатерина писала в своих «Записках»: «Я очень любила Нарышкиных, которые были общительнее других...»⁴ В Петербурге супруги Нарышкины в жили в собственном доме на Английской наб. (ныне дом 10), известном своим гостеприимством.

Партию «донны Эльмиры» в балете исполнила графиня Варвара Александровна Бутурлина, дочь московского генерал-губернатора генерал-фельдмаршала Александра Борисовича Бутурлина⁵. От него во многом зависела судьба дворцового переворота, от того, как воспримет переворот древняя столица России. Бутурлин принял

³ Русский биографический словарь в 25 т. Т. XI. (Нааке — Накенский — Николай Николаевич Старший). СПб.: тип. Главного управления делов, 1914. С. 80–81.

⁴ Записки императрицы Екатерины Второй. Электронный ресурс: [http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/text_0380.shtm1]. Обращение 15.09.2012.

⁵ Русский биографический словарь в 25 т. Т. III. (Бетанкур — Бякстер). СПб.: тип. Главного управления делов, 1908. С. 537–538.

сторону Екатерины, и она по достоинству это оценила, пожаловав генерал-фельдмаршалу шпагу, усыпанную бриллиантами. Впоследствии она приняла участие в судьбе юной графини Варвары, выдав ее замуж за князя Василия Владимировича Долгорукова.

В спектакле участвовали также сестра Бутурлиной, графиня Екатерина, исполнявшая партию «Пастушки», и ее брат граф Петр, исполнивший партию «дона Родриго». Графиня Екатерина Бутурлина впоследствии вышла замуж за князя Юрия Владимировича Долгорукова — брата мужа сестры, то есть деверя. Этот брак был долгое время тайным, ибо по установлению церкви родные сестры не имеют права выходить замуж за родных братьев и наоборот. Только после смерти бездетного князя Василия Владимировича в 1782 г. его брат князь Юрий стал хлопотать о признании брака и детей от него рожденных. Пришлось обращаться к императрице, и она ходатайствовала за супругов перед Синодом, который не смог ей отказать. Надо заметить, что в 1766 г. графиня Екатерина Бутурлина получила за участие в «Карусели» (конном балете) третий приз — бриллиантовое кольцо⁶ (первый приз получила графиня Наталья Петровна Чернышева, прообраз пушкинской «Пиковой дамы»).

Граф Петр Александрович Бутурлин впоследствии стал российским посланником в Испании. Он женился на Марии Романовне Воронцовой (старшей сестре Е.Р. Воронцовой-Дашковой, активной участнице переворота). Крестной матерью их сына Дмитрия (будущего директора Эрмитажа) стала императрица Екатерина, пожаловавшая ему при крещении чин сержанта гвардии. Дом Бутурлиных находился на набережной Мойки у Красного моста (ныне участок дома 54/18).

Партию «наперсницы донны Эльмиры» в спектакле исполнила 19-летняя графиня Анна Михайловна Строганова, единственная дочь канцлера Российской империи графа Михаила Илларионовича Воронцова, владельца петербургского дворца на Садовой улице (ныне дом 26). Во время переворота император отправил канцлера к супруге, чтобы образумить ее, но граф остался при Екатерине и присягнул ей одним из первых⁷. Крестными дочери канцлера в апреле 1743 г. были императрица Елизавета Петровна и

⁶ *Вилинбахов Г.В.* Карусели // Три века Санкт-Петербурга : энциклопедия. В 3-х т. Т. 1. Осьмнадцатое столетие. В 2-х кн. Кн. первая, СПб.: Филологич. ф-т СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2003. С. 447–448.

наследник престола великий князь Петр Федорович. В 1758 г. она вышла замуж за Александра Сергеевича Строганова, ставшего вскоре графом Священной римской империи. Скончалась графиня Анна Михайловна в 1769 г. в возрасте 25 лет.

Граф Александр Сергеевич Строганов также участник спектакля, где исполнял партию «дона Альфонса». Граф был владельцем дворца на Невском проспекте (ныне дом 17), прославился как строитель Казанского собора (автор проекта архитектор Воронихин, его бывший крепостной), как тонкий знаток и ценитель искусств (был президентом Академии художеств) и как сибарит (его бефстроганов украшает меню многих заведений общественного питания).

Партию «Помещицы» исполнила красавица графиня Елизавета Карловна Сиверс, племянница личного врача императрицы К.Ф. фон Крузе. Впоследствии она вышла замуж за своего кузена генерал-губернатора Новгородской губернии Якова Ефимовича Сиверса, но брак закончился скандальным разрывом с мужем из-за чрезмерной любви супруги к светской жизни в Петербурге. Императрица приняла сторону Елизаветы Карловны, однако детей супруге Яков Ефимович не отдал и занимался их воспитанием сам.

Партию «Любовницы помещициной» исполнила фрейлина Варвара Ивановна Челищева, урожденная графиня Гендрикова, дочь генерал-аншефа графа Ивана Симоновича Гендрикова. Граф во время переворота оказал Екатерине неоценимые услуги, за которые она назначила Ивана Симоновича шефом Кавалергардского корпуса. Должность эта требовала больших расходов на представительство, так как в корпусе служили самые богатые дворяне империи. Граф Гендриков наделал множество долгов и был вынужден просить об отставке. Императрица просьбу его удовлетворила и пожаловала уже бывшему шефу кавалергардов 30 тысяч рублей на погашение долгов⁸.

Накануне спектакля 24 января в тех же покоях императрицы состоялась свадьба Варвары Ивановны с подпоручиком Конной гвардии Алексеем Богдановичем Челищевым. На свадьбе присутствовали все участники и зрители спектакля⁹.

⁷ Знаменитые россияне 18–19 веков. Биографии и портреты. СПб.: Лениздат, 1996. С. 29.

⁸ Русский биографический словарь в 25 т. Т. IV. (Гааг — Гербель). СПб.: тип. Г. Лисснера и Д. Совко. 1914. С. 388–389.

Партию «Второй пастушки» исполнила «умная и любезная женщина, из первейших менуэтных танцовщиц своего времени» фрейлина Анна Алексеевна Хитрово, племянница влиятельнейших вельмож, генерал-фельдмаршалов графов Александра и Петра Шуваловых. Впоследствии Анна Алексеевна «за интригу с одним из иностранных послов» по наущению Григория Орлова была лишена фрейлинского достоинства.

Необходимо отметить, что 25 января 1763 г. в покоях императрицы показывали не только балет. Как гласит Камер-фурьерский журнал (один из наиболее достоверных источников исторических событий): «А в вечеру, в 6-м часу, из внутренних покоев, изволила (императрица) проходить в зал, смотреть играный придворными кавалерами, Фрейлинами и другими знатными персонами, на Российском диалекте, трагедии, балета и нах-комедии (небольшой пьесы, игравшейся в заключение представления). По окончании оной, с кавалерами, дамами, Фрейлинами, изволила проходить в комнаты Графа Григория Григорьевича Орлова и там с означенными персонами изволила кушать вечернее кушание. В продолжении стола играли на разных инструментах».

Участие великосветской молодежи в балетном спектакле не было делом удивительным, ибо в русских дворянских семьях, начиная с царствования Петра Великого, стало обычаем обучать детей бальным западноевропейским танцам, особенно с введением в обиход с 1718 г. так называемых ассамблей. Танцы были обязательным предметом в таких учебных заведениях, как Сухопутный Шляхетный кадетский корпус (Рыцарская академия), Морской корпус (Морская гвардия), Академические университет и гимназия, Пажеский корпус, а впоследствии Смольный институт и другие. Русским дворянам преподавали танцевальное искусство такие выдающиеся танцмейстеры и хореографы того времени, как Жан-Батист Ланде, Франц Антон Кристоф Гильфердинг и другие. Среди их великосветских воспитанников было много талантливых исполнителей. В те времена сценический танец мало отличался от бального, поэтому поставить вполне профессиональный балет силами «аристократической самодеятельности» было вполне реально.

В энциклопедии «Русский балет» сказано о постановке примерно в то же время еще одного балета под названием «Радостное

⁹ Камер-фурьерский журнал за 1763 г.

возвращение к аркадским пастухам и пастушкам богини Весны» с участием великосветской молодежи. Указанный источник сообщает, что спектакль ставился на Масляной неделе в покоях императрицы в Москве. Масляная неделя в 1763 г. состоялась в период с 3 по 9 февраля (ст. ст.). Однако в этот период Камер-фурьерский журнал ни о каком спектакле в покоях императрицы не сообщает, хотя описывает и более мелкие события из ее жизни.

Автор книги «Наш балет (1673–1899)» А.А. Плещеев также упоминает этот балет и, более того, сообщает, что «По возвращении двора в Петербург, в Петергоф, в день восшествия Императрицы на престол, повторили балет, играный в Москве: «Радостное возвращение к аркадским пастухам и пастушкам богини Весны», при участии представителей придворного общества»¹⁰.

В годовщину восшествия на престол 28 июня 1763 г. императрица Екатерина Алексеевна совершила торжественный въезд из Петергофа в Петербург. Камер-фурьерский журнал подробно описывает этот день императрицы. Там были и парад войск, и торжественный молебен, и фейерверк, и пышное застолье, но не было никакого представления, ни балетного, ни какого другого. Как не было балетных представлений ни накануне, ни в ближайшее время после торжественного въезда в Петербург.

Очевидно, что информация о балете, исполненном придворными дамами и кавалерами на Масляной неделе 1763 г. в покоях императрицы, попала в «Энциклопедию» и в книгу Плещеева из книги Я. Штелина «Музыка и балет в России XVIII века»¹¹. Отсутствие упоминания об этом балете в Камер-фурьерском журнале наводит на мысль о том, что автор, описавший это событие через семь лет (в 1770 г.) после его свершения, мог запомнить и ошибиться в сроках постановки. Тем более что и балетмейстер, и исполнители были те же, что и 25 января 1763 г., а об этой постановке Штелин не упоминает вообще. Трудно представить, что Гильфердинг работал над постановкой одновременно двух балетов с одними и теми же исполнителями.

¹⁰ Плещеев А.А. Наш балет (1673–1899). СПб., 1899. С. 48.

¹¹ Штелин Яков. Музыка и балет в России XVIII века. СПб., 2002.

Е.И. Краснова

Первой русской консерватории 150 лет

Первая русская консерватория открылась в Петербурге в 1862 г. в доме представителей семьи уральских промышленников Демидовых на Мойке, угол Демидова переулка (ныне пер. Гривцова). Консерватория была открыта при Русском музыкальном обществе (РМО), созданном в Петербурге в 1859 г.¹

В 1861 г. была напечатана статья А.Г. Рубинштейна «О музыке в России», где он писал, что в русской музыке преобладает дилетантизм, что даже даровитые композиторы не могут без всестороннего образования развить полностью своё дарование. Уроки музыки дороги, и нужно быть богатым, чтобы брать их. Нет русских учителей музыки, и человек, не знающий по-французски или по-немецки, не может брать эти уроки².

Рубинштейн считал, что в России надо создать профессию музыканта, открыть учебное заведение, которое готовило бы к этой профессии, давало бы по окончании его звание «свободного художника»³.

¹ Основой консерватории стали музыкальные классы великой княгини Елены Павловны, размещавшиеся в Михайловском дворце (руководил ими А.Г. Рубинштейн), которые в 1859 г. и были преобразованы в музыкальные курсы при РМО. — *Прим. ред. Здесь и далее примечания музыковеда, редактора музыкально-критического журнала «Скрипичный ключ» Ю.Н. Кружнова.*

² *Рубинштейн А.Г.* О музыке в России // Век. № 1. СПб., 1861. С. 36–37.

³ *Кремлев Ю.А.* Ленинградская государственная консерватория. 1862–1937. М., 1938. С. 19.

Министерство народного просвещения отклонило проект создания Государственной консерватории, мотивируя отказ тем, что с целью «распространения в народе музыкального начала» открытие консерватории «несвоевременно», что она явилась бы «учреждением роскоши» и «пользу от неё ожидать нельзя»⁴.

После отказа открыть государственную консерваторию Совет директоров РМО решил создать консерваторию на общественных началах (государственной консерватория стала только в 1918 г.). Одновременно начали разрабатывать устав будущей консерватории. Вместе с А.Г. Рубинштейном в разработке устава и проекта консерватории участвовали брат искусствоведа В.В. Стасова адвокат Д.В. Стасов, кн. В.Ф. Одоевский и композитор А.С. Даргомыжский. Начался сбор денег. А.Г. Рубинштейн писал: «Мы точно славили Христа, разъезжая по домам и собирая деньги»⁵.

В марте 1862 г. в газетах было помещено объявление о предстоящем открытии «Музыкального училища». Официально название «Консерватория» было разрешено только в 1870-х гг.⁶

При своём рождении консерватория встретила много противников, причём весьма серьёзных. Среди яростных противников был директор капеллы, автор музыки гимна «Боже, царя храни» А.Ф. Львов. Музыкальный критик и композитор А.Н. Серов требование серьёзного образования для музыкантов называл «немецким цеховым педантизмом». Он считал, что музыканты должны развиваться без «школьной указки» и «опираясь на внутреннее влечение» петь, «как поёт птица»⁷. Правда, находились люди, которые считали, что Серов просто был обижен тем, что РМО организовали без него. Брат Дмитрия Васильевича Стасова — Владимир Васильевич тоже считал, что высшая школа полезна для науки, но не для искусства, где она «вмешивается вредным образом в творчество».

Даже много позже В.В. Стасов писал: «Чайковский родился с великим редким талантом, но к несчастью воспитывался в Петербургской консерватории в самую неблагоприятную ее пору, во

⁴ 100 лет Ленинградской Консерватории. Л., 1962. С. 11.

⁵ *Финдейзен Н.Ф.* Очерк деятельности С-Петербургского отделения Императорского Русского музыкального общества. 1859-1909. СПб., 1909. С. 29.

⁶ По предложению Александра II в 1873 г. название было внесено в Устав РМО — *Прим. ред.*

⁷ 100 лет Ленинградской Консерватории.... С. 13.

время неограниченного там владычества и обаяния Антона Рубинштейна»⁸. Сам же Чайковский писал о Рубинштейне: «Я обо- жал в нем не только великого пианиста, великого композитора, но также человека редкого благородства, чести, великодушия. Как учи- тель, он был несравненен»⁹. Враждебно были настроены М.А. Балакирев и Ц.А. Кюи. Многие программы концертов РМО не удов- летворяли представителей «Могучей кучки»¹⁰.

Рубинштейн писал: «Нам скажут, что из консерватории редко выходят великие гении; мы согласны с этим, но кто может отвер- гать, что из консерватории выходят хорошие музыканты? А это именно и необходимо в нашем огромном отечестве. Консервато- рия никогда не помешает гению образоваться вне ее, а между тем каждый год даст русских учителей музыки, русских музыкантов, певцов, которые будут трудиться так, как трудится человек, кото- рый видит в своём искусстве средство к существованию, право на общественное уважение»¹¹.

Несмотря на все трудности, Музыкальное училище (слово «кон- серватория» всё-таки стояло в скобках на официальных бумагах) 8 сентября 1862 г. было открыто. Директором был утверждён А.Г. Рубинштейн, инспектором В.А. Кологривов. Начали работать более тридцати музыкальных классов, где велись занятия по теории музыки, фортепиано, скрипке, другим музыкальным инструмен- там, пению. Среди преподавателей были А.Г. Рубинштейн (форте- пиано), будущий директор Н.И. Заремба — класс теории музыкаль- ного сочинительства, и известные музыканты и педагоги: Ф.О. Лешетицкий (долго работавший в консерватории и потом уехавший в Польшу) — фортепиано; известный польский скрипач и компо-

⁸ *Стасов В.В.* Избранные сочинения. Т. III. М., 1952. С. 745.

⁹ *Асафьев Б.В.* Антон Григорьевич Рубинштейн. М., 1929. С. 106.

¹⁰ Не удовлетворял не только репертуар РМО; это была война двух лагерей, война художественных идеологий — РМО и Бесплатной музыкальной школы, руководимой Балакиревым; против учреждения консерватории системно выступали все деятели «Могучей кучки» и многие сочувствующие им музыканты; консерваторию они считали способом «высушивать таланты», называли ее «профессория»; все это, однако, не помешало Римскому-Корсакову уйти преподавать в кон- серваторию, чем он вызвал упреки и осуждение товарищей по «Могучей кучке». — *Прим. ред.*

¹¹ *Рубинштейн А.Г.* Указ. соч. С. 37.

зитор Г.И. Венявский, Г. Ниссен-Саломан, шведка, учившаяся в Париже, — пение; О.И. Дютш и К.Н. Лядов (отец известного позже композитора А.К. Лядова) — класс элементарной теории; класс виолончели вели умерший вскоре К.Б. Шуберт и оставивший свои воспоминания его помощник И.И. Зейферт, проработавший в консерватории больше 50 лет¹².

Как видно уже из этого списка, русских преподавателей при открытии консерватории почти не было, поэтому вести все занятия на русском языке, как хотел Рубинштейн, не удалось.

Принимали в консерваторию и взрослых, и детей с четырнад- цати лет, имеющих общее образование и не имеющих его. Для последних были открыты общенаучные классы: Закона Божия, рус- ского, немецкого и итальянского языков, истории, географии и математики. Несколько позже были открыты также классы фехто- вания, танцевания и мимики (для оперных певцов)¹³.

Музыкальная подготовка поступавших была очень разной. Тре- бовалось только знание нот. В 1862 г. в консерваторию поступили: будущий композитор П.И. Чайковский, Г.А. Ларош — впослед- ствии крупный музыкальный критик, А.И. Рубец — будущий про- фессор консерватории, основавший при ней Музей музыкальных инструментов. Рубец в 1912 г. опубликовал в газете «Новое время» воспоминания об открытии и первых годах консерватории. К сожа- лению, в Публичной библиотеке еще при его жизни затерялись 43 больших тетради его записок, которые он вёл регулярно, учась в консерватории, и потом передал В.В. Стасову¹⁴.

Всего в первый год было принято 179 человек (102 ученика и 77 учениц). Плата за обучения в первый год была установлена в 50 руб. в полугодие, что не покрывало издержек РМО. В литературе встречается утверждение, что принимали в консерваторию без эк- заменов, однако А.И. Рубец вспоминает, что 1–4 сентября 1862 г. были экзамены. Среди учащихся были так называемые стипенди- аты, за которых вносили плату благотворители.

Кстати, торговцы музыкальными инструментами пошли на- встречу консерватории. Фортепианный мастер Беккер согласился

¹² *Финдейзен Н.Ф.* Указ. соч. С. 30–31; 100 лет Ленинградской консер- ватории С.17–21.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 1. Д. 1.

¹⁴ *Рубец А.И.* Воспоминания // Новое время от 25 июня (8 июля) № 13033.

на рассрочку и с уступкой, а фортепианный мастер Гентч поставил в консерваторию два инструмента на несколько лет бесплатно¹⁵.

Помещение для консерватории было нанято за 2000 руб. в год на углу набережной Мойки и Демидова переулка. Современный адрес — Мойка, 64 или пер. Гривцова, 1. Дом не сохранился. Есть воспоминания Г.А. Лароша, который писал: «Тогдашняя консерватория была маленькой и помещалась во флигеле элегантного барского дома Демидова, ныне уже не существующем. Главное здание с важностью по-московски стояло во дворе, отделённом решеткой от набережной, а с нас довольно было и флигеля, да и тот мы разделяли с “немецким клубом”»¹⁶.

Другой ученик консерватории вспоминал, что семь или восемь комнат во флигеле дома Демидова составляли всё помещение и служили классами. А.И. Рубец помнил подъезд маленького одноэтажного домика с зеркальными окнами и залу довольно большого размера, очень светлую, выходящую на Мойку и Демидов переулоч¹⁷.

К этим описаниям никак не подходит то здание, фотография которого, как первого здания консерватории, помещена в книгах Л. Баренбойма «Антон Григорьевич Рубинштейн» и Н. Бертенсона «Анна Николаевна Есипова», а также в популярной книжке Т. Хопрова о Рубинштейне, выпущенной издательством «Музыка» в 1987 г. Изображение дома Демидовых есть в книге, посвященной Английскому клубу¹⁸, который находился в этом доме с 1830 по 1859 г.¹⁹

В 1862 г. вместо Английского в доме Демидовых был уже Немецкий клуб. На гравюре — вид с Мойки. Основной дом стоит в глубине участка параллельно Мойке (на Демидов пер. выходит боковым фасадом), перед ним два флигеля, на месте которых позже построен большой дом. Судя по приведённым воспоминаниям Рубца, консерватория помещалась в левом флигеле, если смотреть

¹⁵ Отчет РМО за 1862—1863 гг. С. 4.

¹⁶ Пузыревский А.И., Саккети Л.А. Очерк пятидесятилетия деятельности С-Петербургской консерватории. СПб., 1914. С. 17.

¹⁷ Рубец А.И. Воспоминания // Новое время. 1912. 7(20). № 12985.

¹⁸ Столетие Санкт-Петербургского Английского собрания. СПб., 1870. С. 9.

¹⁹ Гравюра из этой книги воспроизведена также в книге Л.М. Ко- нисской «Чайковский в Петербурге» (Л., 1974. С. 81). — *Прим. ред.*

с Мойки. Флигель был угловой, выходил длинным фасадом на Демидов пер. и более коротким — на Мойку. По чертежам, сохранившимся в архиве²⁰, видно, что это был одноэтажный на высоких подвалах дом с подъездом со стороны Мойки (виден и на гравюре).

Усадьба Демидовых была построена в 50-е годы XVIII в. для Григория Акинфиевича Демидова. Она тогда занимала весь квартал от Мойки до Казанской улицы вдоль нечетной стороны Демидова переулка, потом делилась между наследниками.

При открытии консерватории по завещанию полковника Александра Григорьевича Демидова основной дом с флигелями находился в пожизненном владении его вдовы Ольги Александровны урожденной Алединской, которая была фрейлиной покровительницы Русского Музыкального общества Великой княгини Елены Павловны. После смерти Ольги Александровны дом должен был перейти к ее сыновьям. Один из сыновей, Григорий Александрович, ради музыки пожертвовал военной карьерой. В Русском биографическом словаре Половцова говорится, что Рубинштейн ценил Г.А. Демидова как композитора и знатока теории музыки. Писал Демидов в основном романсы и марши. Г.А. Демидов умер рано — в 33 года. С 1866 г. до смерти в 1870 г. Г.А. Демидов по личной просьбе Рубинштейна был инспектором музыкальных классов консерватории и весьма положительно проявил себя в этой должности²¹.

Рубинштейн отдавал консерватории все силы, ежедневно приходил первым и уходил последним. Жил Рубинштейн тут же. Профессор консерватории Зейферт впоследствии вспоминал, что его класс виолончели находился в подвале под квартирой Рубинштейна²². В свободное от занятий время Рубинштейн всегда находился в большом зале, где все могли к нему обращаться²³.

При открытии консерватории были введены главные (специальные) предметы: фортепиано, скрипка, виолончель, контрабас, кларнет, флейта, гобой, фагот, валторна, труба, арфа, орган, пение, теория музыки, литавры — из этих инструментов надо было выби-

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп.102. Д. 3381.

²¹ Краснова Е.И. Инспектор первой русской консерватории // Демидовский временник. Кн. I. Екатеринбург, 1994. С. 163—174.

²² Зейферт И.И. Воспоминания профессора Петроградской Консерватории. Пг., 1914. С. 44.

²³ Рубец А.И. Воспоминания // Новое время. 1912. 21 мая (3 июня). № 12998.

рать; и были обязательные предметы: фортепиано, теория музыки и элементарные классы²⁴ (то есть теория музыки).

Можно было записаться в консерваторию вольнослушателем и изучать и сдавать только музыкальные предметы. Можно было сдавать все экзамены экстерном для получения звания свободного художника. Первым получил это звание сам Антон Григорьевич Рубинштейн.

Рубинштейн боролся за порядок в консерватории. В отчёте РМО за 1862–63 гг. сказано: «по неполному сознанию теоретического образования учащиеся не обращали на оное должное внимание, тем не менее <...> между большей частью учащихся заметно большое рвение на практических занятиях»²⁵. Ученикам консерватории разрешено было бесплатно посещать концерты и репетиции РМО. Еженедельно устраивалась концерты самих учащихся. Рубец позже вспоминал: «Серов и Кюи ругали в газетах концерты и консерваторию, Моцарта и Гайдна. Рубинштейн не отвечал и тем раздражал»²⁶.

Осенью следующего 1863 г. в консерватории было 113 учеников и 113 учениц. Такая малая прибавка объясняется тем, что из первого набора много учащихся выбыло. Во втором приёме была 16-летняя стипендиатка Московского отделения РМО Валентина Семёновна Бергман, но она скоро бросила консерваторию, познакомившись с А.Н. Серовым и выйдя за него замуж. Их сын — знаменитый художник В.А. Серов.

В уставе было сказано о свободном приеме лиц всех классов. Общий состав учащихся — пёстрая толпа. В 1865 г. было 168 православных, 68 католиков, 55 лютеран и 8 иудейского вероисповедания, из них 129 дворян, остальные из других сословий.

К концу 1865 г. обострились разногласия Рубинштейна с Советом профессоров по поводу присуждения дипломов. Антон Григорьевич хотел, чтобы Консерватория давала серьёзное музыкальное образование талантливым людям, а некоторые профессора формально и, с его точки зрения, слишком снисходительно относились к знаниям учащихся. Ухудшились отношения и с высокими покровителями, которые слишком вмешивались в дела консерватории.

²⁴ Отчет РМО за 1862–1863 гг. С. 2.

²⁵ Там же. С. 3.

²⁶ Рубец А.И. Воспоминания // Новое время от 25 июня (8 июля) № 13033.

Рубинштейн писал: «Я разошёлся во взглядах с некоторыми профессорами на самую суть и цель преподавания, притом я, действительно, человек темперамента пылкого, я горячо всё беру к сердцу потому, что люблю самое дело»²⁷. В декабре 1865 г. состоялся первый выпуск консерватории. Семь человек получили диплом свободного художника: Людвиг Альбрехт, Василий Бессель, Герман Гомилиус, Густав Кросс, Рейхардт, Иван Рыбасов и Петр Чайковский.

Поскольку «из-за различного значения, придаваемого профессорами, баллов, возникли недоразумения», то «в предупреждение недоразумений Совет постановил заявить в протоколе заседания, что выводы об успехах воспитанников на экзаменах 1865 г. для диплома на получение звания свободного художника, сделаны были не на основании баллов (цифр), поставленных экзаменаторами, а по совещании профессоров на заседании Совета 20 декабря 1865 г.»²⁸ Несколько человек окончили курс по специальному предмету, получили аттестат с правом получения диплома в том случае, если в течение двух лет сдадут обязательные предметы.

Рубинштейн экзаменами был не очень доволен, выражал несогласие с дирекцией РМО и особенно с Советом профессоров по вопросу экзаменационных программ. Он уже подумывал об уходе из консерватории, но решил остаться, чтобы как-то наладить дела.

Следующий выпуск состоялся в декабре 1866 г. Дипломы получили 17 человек, в том числе Г.Ларош (Рубинштейн подписывал «при особом мнении»). Окончившим по своему главному предмету (теория музыки и композиции у профессора Зарембы) был признан А.И. Рубец, ставший позже профессором консерватории. В декабре 1866 г. по поводу второго выпуска Рубинштейн резко разошёлся во мнении с Советом профессоров, которому писал: «Считаю диплом слишком большой наградой лицам, не вполне зрелым в музыкальном искусстве, желательно избегать накопления посредственностей в искусстве». Он считал, что диплом надо выдать только выдающимся из ряда обыкновенных, а в других случаях заменить его аттестатом²⁹. Дирекция РМО и Елена Павловна не согласились с его требованиями, хотя и признали необходимость «сделать некоторые изменения в правилах о выпуск-

²⁷ Рубинштейн А.Г. Автобиографич. воспоминания. 1829–1889 гг. 2-е изд. [СПб.]: [Ред. журн. «Русская Старина», 1889]. С. 56.

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д.3. Л. 59об.

²⁹ Кремлев Ю. Указ. соч. С. 24.

ных экзаменах и наградах»³⁰. Поручено это было профессору Зарембе и инспектору Демидову.

Инспектор Г.А. Демидов был единственным человеком, кто полностью поддерживал Рубинштейна. Инспектор Демидов написал в «особом мнении», что экзаменаторы ставили отметки двух родов: цифрами по постановлению Совета и словесные по предложению директора, что цифры ставились весьма различно, и «результат, выведенный на цифрах, основан на неверных данных»³¹. Это, как он пишет, «вместе с приведёнными мною выше неточностями и несогласиями, происшедшими в самом производстве, привело меня к окончательному убеждению вполне согласиться с совершенно справедливым и высокодоброевостным требованием А.Г. Рубинштейна подвергнуть все экзамены 1866 года строжайшему пересмотру».

В начале 1867 г. А.Г. Рубинштейн выдвинул ряд условий, на которых он может остаться директором. Условия не были приняты, и Рубинштейн покинул консерваторию, которая в конце 1866 г. переехала в собственный дом на Загородном проспекте (тогда д. 24, сейчас д. 26 — перестроен), где она находилась до 1868 г.³²

В 1887 г. Рубинштейн вернулся в консерваторию и до 1891 г. снова был её директором.

М.А. Кондратьев

Начало деятельности Бесплатной музыкальной школы

Учреждение Бесплатной музыкальной школы¹ состоялось 1 февраля 1862 г. Это подтверждается «Свидетельством, дозволяющим Коллежскому Ассессору [Г.И.] Ломакину², Титулярному Советнику [П.И.] Бларамбергу³, Коллежскому Регистратору [А.А.] Гольде⁴, и дворянину [М.А.] Балакиреву⁵ учредить в Санкт-Петербурге Бесплатную школу музыки и пения»⁶. Первым директором БМШ стал Гаврила Якимович Ломакин. Для сбора начального капитала Бесплатная музыкальная школа совместно с певческой капеллой графа Д.Н. Шереметьева дала два концерта⁷. Сборы были направлены на составление первоначального капитала Школы. Концерты состоялись 11 марта и 11 апреля 1862 г. Публично об открытии Бесплатной музыкальной школы было объявлено 18 марта 1862 г.

¹ Далее в тексте БМШ.

² Гавриил Иоакимович (Якимович) Ломакин (1830–1872) — хоровой дирижёр, педагог, композитор, один из учредителей БМШ. С 1862 по 1868 её директор.

³ Павел Иванович Бларамберг (1841–1907) — композитор и педагог, один из учредителей БМШ.

⁴ Андрей Александрович Гольде — музыкант, один из учредителей БМШ.

⁵ Милий Алексеевич Балакирев (1836–1910) — композитор, педагог, дирижёр, в периоды с 1868 по 1873 и 1881 по 1908 директор БМШ.

⁶ ОР РНБ, ф. 41, ед. хр. 465, л. 1.

⁷ Дмитрий Николаевич Шереметьев (1803–1871) — граф, владелец крепостного хора, который несколько лет сотрудничал с БМШ.

³⁰ *Финдейзен Н. Ф.* Очерк .С. 39.

³¹ ЦГИА СПб. Ф.408. Оп. 1. Д. 32. Л. 42.

³² Затем консерватории были предоставлены помещения в здании Министерства просвещения на Театральной ул., ныне ул. Зодчего Росси, 5. В 1896 г. консерватория получила собственное здание на Театральной пл., 3 (перестроено из здания Большого театра). — *Прим. ред.*

После получения свидетельства учредители школы нашли временное помещение для первых собраний организации. Оно располагалось в зале Медико-хирургической академии (сейчас это Военно-медицинская академия), которая находилась на Нижегородской улице (ныне улица академика Лебедева) в доме № 6. Первое собрание Школы состоялось 18 марта 1862 г., о его проведении было заранее объявлено в газетах. Любопытных явилось множество, с голосами и без голосов. Ломакин обратился к присутствующим с короткой речью о нравственной пользе искусства, коснулся первых правил музыки, самым простым способом попробовал голоса собравшихся, записал фамилии и назначил день следующего собрания⁸.

На следующее собрание пришло также много народу, большей частью студенты и жители окрестных районов. Но занятия в классах пения продолжались недолго, они прервались с наступлением лета. За летний период Школа переехала в здание Городской думы на Невском проспекте, 33. В сентябре явилось ещё больше желающих петь всякого звания: чиновники, люди из купечества, ремесленники, студенты, много дам и девиц-любительниц, не имеющих средств учиться, но обладающих голосом и способностями⁹.

В это время ещё не существовало бесплатных классов пения. Были любительские кружки, недоступные массе; в этих кружках музицировали для удовольствия, не преуспевая в искусстве. Одно из таких обществ любителей инструментальной музыки Милий Алексеевич Балакирев думал присоединить к школе, встать во главе его, учить и дирижировать там, надеясь составить такой оркестр любителей-музыкантов, который был бы в состоянии исполнять сочинения русских композиторов, желающих попробовать и послушать свои творения в исполнении школьного оркестра, прежде чем представлять их на суд публики. Милий Алексеевич Балакирев обладал огромным талантом, жаждал деятельности, стремился принести пользу искусству, но у него не было возможности сладить с любительским оркестром. Оркестр оказался настолько плох в знании музыки, что не мог играть что-нибудь порядочное, а учить каждого отдельно и иметь педагога для каждого инструмента школа была не в силах¹⁰.

⁸ Стасов В.В. Двадцатипятилетние Бесплатной музыкальной школы // Избранные статьи о музыке. Л., 1949. С. 249

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

А.Д. Марголис

«Меркурий» — самиздатский журнал эпохи перестройки

В середине 1987 г. круг ленинградского самиздата пополнился журналом «Меркурий», изданием Совета культурно-демократического движения «Эпицентр». Решение о выпуске журнала было принято 12 мая на учредительном собрании «Эпицентра» в помещении театральной секции Клуба-81 на проспекте Чернышевского, 3. Двадцать пять лет спустя после описываемых событий уже необходимо пояснить значение этих слов.

Днем рождения *культурно-демократического движения* в Ленинграде принято считать 19 марта 1987 г. — события на Исаакиевской площади у бывшей гостиницы «Англетер». Дискуссия вокруг проекта сноса здания гостиницы, где оборвалась жизнь Сергея Есенина, захватила тогда едва ли не весь город. Многие ленинградцы были возмущены не только перспективой уничтожения очередного памятника истории и культуры, но и аппаратным способом принятия решения о сносе. Молодежная группа «Спасение историко-культурных памятников Ленинграда», возглавившая движение за сохранение «Англетера», увлекла за собой сотни горожан, которые три дня несли круглосуточное дежурство на Исаакиевской площади. Городские власти сначала выступили с заверениями об отмене сноса, а затем обнесли обреченное здание забором, оцепили милицией и на глазах пикетчиков взорвали «Англетер». Почти все центральные газеты и журналы откликнулись на англетеровские события, которые оказались в числе главных событий второго года «перестройки».

Спустя несколько месяцев после взрыва редактор «Меркурия» Елена Зелинская напишет: «Поражение у стен «Англетера» обернулось победой... Там, на Исаакиевской, мы нашли друг друга: общественные объединения молодых ленинградцев, клубы творческой интеллигенции, экологические группы, — все, кто считает, что демократизация не может быть спущена сверху...»¹. Уже 21 марта на форуме в память «Англетера» была принята резолюция об образовании культурно-демократического движения (КДД).

Основателями «Эпицентра» считаются представители четырех общественных объединений: Клуба-81², Товарищества экспериментального изобразительного искусства (ТЭИИ)³, Экспериментального товарищества авторов песен (ЭТАП) и Бюро экологических разработок (БЭР)⁴. Вскоре к «Эпицентру» присоединились: иници-

¹ [Зелинская Е.К.]. Время не ждет! «Меркурий», №3, 1 июля 1987. С. 1–2.

² Неформальное творческое объединение литераторов «Клуб-81» было основано в ноябре 1981 по инициативе И.А. Адамацкого, Б.И. Иванова и Ю.В. Новикова. «Клуб-81» объединял представителей независимой культуры, авторов самиздата (М.Ю. Берг, А.Т. Драгомощенко, Б.И. Дышленко, В.Б. Кривулин, О.А. Охупкин, С.Г. Стратановский, Е.А. Шварц, Э.М. Шнейдерман и др., всего около 70 человек). Клуб включал секции прозы, поэзии, критики, перевода, музыки (С.А. Курехин, Б.Б. Гребенщиков) и театр-студию Э.Г. Горошевского. Проводил литературные чтения, конференции, симпозиумы, концерты в помещении клуба на ул. Петра Лаврова, 5, кв. 4 (не сохр.). Здесь же с 1987 г. собирались Совет по экологии культуры, экологическая организация «Дельта», проходили первые собрания организации «За Народный фронт», «Общества христианского просвещения», позже размещался информационный центр Ленинградского Народного фронта. В конце 1988 г. деятельность клуба прекратилась.

³ В разные годы творческое объединение ленинградских неофициальных художников имело разные названия и формы. В 1981–1991 — Товарищество экспериментального изобразительного искусства (ТЭИИ). Когда в 1989 художники заняли помещения на Пушкинской, 10 и создали там культурный центр «Ковчег 21 века», ТЭИИ переросло в Гуманитарный фонд «Свободная культура» во главе с С.В. Ковальским и Ю.А. Рыбаковым.

⁴ Самодетельная группа «Бюро экологических разработок» (БЭР) возникла в 1986 с целью «обеспечить участие общественности в решении экологических вопросов государственными учреждениями и органами власти». Группа (15 человек, лидер — Ю.С. Шевчук) инициировала и осуществила разнообразные природоохранные акции в Ленинградской области.

ативная группа межпрофессионального клуба «Перестройка»⁵, экологическое объединение «Дельта»⁶, объединение добровольцев-реставраторов «Новый мир» и другие группы неформалов. Таким образом, Совет культурно-демократического движения «Эпицентр» представлял собой содружество объединений ленинградской интеллигенции самых разных интересов и направлений — от природоохранного до социально-культурного. По мнению председателя Правления Клуба-81 Б.И. Иванова, деятельность Совета должна была «компенсировать отсутствие в распоряжении общественности средств массовой коммуникации»⁷.

Печатный орган Совета — самиздатский журнал «Меркурий» — возглавила Елена Константиновна Зелинская (урожд. Шопотова). Редактор «Меркурия» окончила факультет журналистики ЛГУ (1978), работала в различных газетах, была переводчицей, библиотекарем в средней школе. С 1980 г. публиковалась в самиздате (в журналах «Часы», «Молчание», «Митин журнал» и др.), в 1986–1987 гг. издавала первый в ленинградском самиздате детский журнал «ДиМ» («Девочкам и мальчикам»)⁸. Помеща-

⁵ Ленинградский межпрофессиональный клуб «Перестройка» образовался в мае 1987. Помещался в ДК им. Ленсовета (Кировский пр., 42). Среди организаторов — А.Н. Алексеев, А.Г. Голов, Е.К. Зелинская, В.Н. Монахов, В.Г. Рамм, П.С. Филиппов, А.Б. Чубайс и др. (всего около 70 действительных членов и свыше 100 кандидатов). При клубе были созданы и действовали 14 секций и рабочих групп (по вопросам производственного самоуправления, подряда, системы Советов, защиты активистов перестройки, межнациональных отношений, народного образования и др.). Клуб проводил политические дискуссии, занимался экономическими и социологическими разработками, готовил законопроекты. В 1988 члены клуба активно включились в деятельность новых демократических организаций, и в 1989 он прекратил существование.

⁶ Экологическое объединение «Дельта» было создано в апреле 1987 для борьбы против строительства дамбы в Финском заливе. Численность 30–40 человек, лидер — П.В. Кожевников. Объединение провело несколько научных конференций в ДК им. Ильича (Московский пр., 152) и митингов, организовало сбор подписей под воззванием против строительства дамбы.

⁷ Б.И. Комментарий к Положению о Совете культурно-демократического движения. «Меркурий», № 2, июнь 1987. С. 5–6.

⁸ Вышло пять номеров «ДиМ»а, каждый объемом 60–150 страниц машинописного текста. На специальных вставных листах были помещены рисунки школьников, на цветной обложке — рисунок мамонтенка,

ла в нем свои стихи и переводы с английского (в соавторстве с Ю. Галецким сделала свободный перевод «Дерева» Р. Брэдбери и «Ветра в ивах» К. Грэхема). Яркий общественный темперамент, широта интересов и несомненные организаторские способности Зелинской в полной мере проявились в деле издания «Меркурия». Она была не только главным редактором, но и главным автором, а также неутомимым распространителем журнала. Одна из лучших статей Зелинской «Пепел Клааса стучит в мое сердце», посвященная 50-летию «большого террора»⁹, была сразу перепечатана парижским журналом «Синтаксис».

Поскольку Совет КДД к концу 1987 г. объединял уже 15 групп ленинградских неформалов, его печатный орган был призван отражать различные интересы и ценностные ориентации участников движения. Именно в этом тематическом и жанровом разнообразии материалов «Меркурия» заключается его главное отличие от иных периодических изданий ленинградского самиздата 1987–1988 гг. («Вестник Совета по экологии культуры», «Эксол», «Рабочий путь», «Демократия и мы», «Красный щедринец», «Обводный канал», «Митин журнал» и др.).

В состав редколлегии, возглавляемой Зелинской, входили четыре человека: лидер экологического объединения «Дельта» П.В. Кожевников, один из ведущих членов клуба «Перестройка» В.Н. Монахов, исполнительный секретарь Совета по экологии культуры¹⁰ М.Г. Тала-

прозванного Димой. Публиковались стихи Даниила Хармса, Л.Л. Аронзон, Ю. Галицкого (Ю.В. Ушаков), О.Е. Григорьева, А.А. Илина (Шеберштейн), И. Ратушинской, О. Цехновицер, Е.А. Игнатовой, Вл. Эрля (В.И. Горбунов), рассказы и повести Ю. Галецкого, С.А. Завьялова, М.С. Кузьмина, Н. Линко, И. Охтина, И. Ратушинской, А.М. Тиранина, сказки Е.А. Игнатовой, С.Б. Низовского, Н.Л. Подольского, М. Облаковой, Ф.Б. Чирскова, переводы с польского О.И. Абрамович, историко-краеведческие очерки М.Г. Талалая. В некоторых номерах в рубрике «Аппендикс» помещались стихи и рассказы детей, в разделе «Вы нам читали» школьники делились своими впечатлениями о прочитанных им Е.К. Зелинской материалах журнала. В мае 1988 г., выступая на дискуссии «Гласность и печать», Зелинская говорила: «Детский журнал «ДиМ» выходил смехотворным тиражом в 40 экземпляров. До сих пор он служит предметом моей личной гордости» («Меркурий», № 16, ноябрь 1988. С. 2).

⁹ «Меркурий», № 4, август 1987. С. 1–4.

¹⁰ Информационно-координационный центр «Совет по экологии культуры» (СЭК) возник в конце 1986–начале 1987 (лидер — М.Г. Талалай). В начальный период деятельности СЭК организовал несколько

лай, издатель самиздатской «Роман газеты» Р.М. Игнатъев. Вместе с ними в числе наиболее активных авторов «Меркурия» следует назвать Ю.А. Рыбакова (ТЭИИ), П.С. Филиппова, В.Г. Рамма, А.Н.Алексеева, П.Б. Шелища (все — клуб «Перестройка»), В.Д. Гущина (Общество охраны природы), В.А. Веретенникова (объединение «Новый мир»), поэта В.Б. Кривулина. По нашим подсчетам, в общей сложности на страницах журнала опубликованы различные материалы около 100 авторов из Ленинграда, Москвы, Новороссийска, Иркутска, Риги, Вильнюса и т.д.

«Меркурий» выходил чуть более полутора лет. С мая 1987 по январь 1989 г. вышло 18 номеров. Объем издания колебался от 6 (№ 1) до 132 (№№ 12–13) машинописных страниц на тонкой бумаге, без переплета.

Журнал чутко реагировал на бурные события общественно-политической и культурной жизни города и страны. Здесь публиковались протесты против строительства дамбы в восточной части Финского залива, страстные статьи П.С. Филиппова в защиту полного хозрасчета и самофинансирования предприятий, отзывы о выставках художников-неформалов, обращение в Верховный Совет СССР о создании памятника жертвам сталинского террора, суждения о фильме Т. Абуладзе «Покаяние», протесты против разрешительного порядка организации митингов и уличных шествий, репортажи об угрожающей экологической обстановке в Киришах; специальный выпуск, посвященный присуждению Нобелевской премии Иосифу Бродскому; отчет об общественной экологической конференции «Балтика-88», стенограмма дискуссии в клубе «Перестройка» по статье Нины Андреевой, сообщения о постепенной ликвидации спецхрана, свидетельства о ходе выборов делегатов на 19-ю партконференцию; специальный выпуск, посвященный тра-

семинаров по истории города в ДК им. Ильича. 21 марта 1987 провел массовый митинг на Исаакиевской площади за сохранение памятников истории и культуры. В апреле 1987 часть участников движения выделилась из СЭК и создала Совет культурно-демократического движения «Эпицентр». В составе СЭК, примкнувшего к ЛО Советского фонда культуры, существовали научный, художественный и общественный секторы. Основная форма работы — еженедельные собрания для обмена информацией и согласования совместных действий. Издавался информационный бюллетень «Вестник Совета по экологии культуры», раз в месяц проводился его устный выпуск в ДК им. Ильича.

гическим событиям в Нагорном Карабахе и Сумгаите («Армения в сердце»), обзор дискуссии по афганской проблеме, материалы Форума активистов движения за демократическую перестройку, проходившего под Ленинградом 26–28 августа 1988 г.; спецвыпуск, посвященный самиздату (с текстами выступлений на дискуссии «Гласность и печать»), стенограмма митинга «Памяти» в Румянцевском саду, отчет о встрече Б.Н. Ельцина с коллективом Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ и т.д. и т.п. Кроме того, в отдельных номерах публиковались литературные произведения: стихи А. Галича, А. Башлачева, В. Шинкарева, М. Генделева, В. Кривулина, глава из романа А.И. Солженицына «Октябрь Шестнадцатого»...

Эта удивительная «полифония» «Меркурия» — отражение подлинного «шума времени». Журнал Зелинской и её команды является ценным источником для историка общественно-политической жизни Ленинграда второй половины 80-х гг.

В 1989-м на смену культурно-демократическому движению и «Эпицентру», рупором которого был «Меркурий», пришел Ленинградский народный фронт (ЛНФ) — самое массовое общественно-политическое объединение Ленинграда периода «перестройки». Печатным органом ЛНФ стал информбюллетень «Северо-Запад», издававшийся тиражом около 10 тыс. экземпляров. Эпоха самиздата подходила к концу.

В ноябре 1988 г. в спецвыпуске «Меркурия» (№ 16) была опубликована статья М.Г. Талалая под характерным названием «Король умер, да здравствует король!»¹¹ Главный редактор самиздатского «Вестника Совета по экологии культуры» (последний номер этого журнала вышел в декабре 1988-го) писал: «Самиздат, который содействует перестройке, содействует реформам в политике, культуре, экономике, — он скоро должен перейти в новое, типографское качество. И в прежней форме должен умереть. Самиздат, каким мы его привыкли видеть..., умер. Да здравствует общественная независимая пресса!» Действительно, после 18-го номера (январь 1989-го) выпуск «Меркурия» был прекращен. Независимое общественное движение и независимая пресса Ленинграда вступили в новый этап своей истории.

¹¹ Фрагмент выступления М.Г. Талалая на дискуссии «Гласность и печать» 13 мая 1988 года («Меркурий», № 16, ноябрь 1988. С. 51).

А.А. Москвина

Петербургские светописные общества рубежа XIX–XX веков

В Россию искусство фотографии, или, как тогда говорили, светописы, пришло практически одновременно с появлением его во Франции. Первое упоминание об изготовлении дагерротипных снимков в России относится к 1839 г. Российская академия наук тщательно следила за развитием науки и техники в Европе, и уже в 1839 г. ординарный академик по части технологии Иосиф Христианович Гамель, в обязанности которого входили регулярные поездки за границу с целью получения сведений о различных изобретениях из первых рук, отправил в Академию несколько снимков и подробное описание метода калотипии (в переводе с греческого «прекрасный отпечаток»). Эти образцы до сих пор хранятся в архиве Академии.

В том же году в свет вышла первая брошюра, посвященная дагерротипии. По сути, это был первый учебник по фотографии. Называлась она «Описание практического употребления настоящего дагерротипа, изобретенного Дагером». В мае 1839 г. на Совете Академии наук химик Юлий Федорович Фрицше сделал доклад о произведенных им отпечатках по методу Гальбота. Этот доклад считается первой в России научной работой по фотографии. Новый вид искусства развивался быстро и так же быстро осваивался на российской земле. Информация о новых изобретениях доходила до нашей страны практически незамедлительно. Несмотря на то, что тогда, как, впрочем, и теперь, занятие светописью было достаточно дорогим удовольствием и позволить его могли себе люди обеспеченные, интерес к новому изобретению возрастал очень бы-

стро, и в апреле 1878 г. при Императорском Русском Техническом Обществе (ИРТО) был создан V Светописный отдел. Новый отдел был призван проводить исследования по фотографии, изучать отечественные и зарубежные новинки, устраивать выставки как фото-работ, так и различных достижений в области фотографии. Это было первое объединение фотографов в России. Кроме перечисленного, в задачи Светописного отдела входило взаимное общение ученых и фотографов, создание музея, распространение научного образования в области светописи и устройство лекций. Члены V Отдела также трудились над проектом закона о защите авторских прав на произведения фотографии, был создан проект специального училища по фотографии и фотомеханическим процессам, к сожалению, не воплощенный. Однако, несмотря на известные трудности, все больше людей стремились научиться фотографировать, к 1892 году при Отделе были созданы первые теоретические и практические курсы светописи, где можно было получить необходимое минимальное образование в данной области и овладеть техникой фотографии. Курс состоял из 17 лекций и практических занятий в группах по шесть человек. Лекции читали такие корифеи светописного искусства, как Вячеслав Измайлович Срезневский и Александр Константинович Ержемский — автор первого популярного самоучителя фотографии, изданного в 1904 г. В книге излагались базовые приемы овладения техникой светописи, которые помогали начинающему фотолюбителю делать первые шаги более осознанно и уверенно. К 1910 г. в Отделе насчитывалось 73 члена, в 1912-м были открыты более основательные курсы, состоявшие из 71 лекции, которые окончили 12 человек, в том числе две женщины.

О большом интересе к фотографии вообще и к деятельности Светописного отдела в частности можно судить по высказываниям в прессе: «Деятельность V отдела настолько возбуждает интерес, что собрания его постоянно посещаются значительным числом членов и гостей», также отмечается факт, что «не проходит ни одного собрания, чтобы не было желающих поступить в число его сочленов».

V Светописный отдел просуществовал до 1919 г., когда деятельность его была приостановлена, и возобновил свою работу в 1921 г. под названием «фотополиграфический».

Кроме V Светописного отдела, который, к сожалению, не мог вместить всех желающих, в Петербурге существовало множество более или менее крупных кружков и обществ, посвященных заня-

тиям светописью. Так, в 1897 г. под покровительством великого князя Михаила Александровича было основано Санкт-Петербургское фотографическое общество, имевшее своей целью содействовать развитию светописи и ее применений, «облегчать занятия светописью своим членам и способствовать взаимодействию фотографов». Общество размещалось в здании Института инженеров путей сообщения на Забалканском пр., 9. Вступительный взнос в общество составлял 5 рублей, ежегодный членский взнос — 10 рублей. При обществе проводились выставки и конкурсы как всероссийские, так и международные. Самым заметным событием стала выставка 10 апреля 1903 г., разместившаяся в четырех залах Пассажа и объединившая 197 экспонентов из 8 стран. Также в 1905–1906 гг. Общество проводило конкурс позитивов и диапозитивов для проекционного фонаря, победителем и обладателем серебряной медали стал киевский фотограф А.М. Губчевский, чьи работы были оценены высшими баллами.

В разное время возникли Союз фотографов-работников, Всероссийский профессиональный союз фотографов-работников, Первый профессиональный союз служащих фотографических ателье. Кроме профессиональных, существовали многочисленные любительские кружки — при Технологическом и Горном институтах.

Отдельно следует упомянуть открывшийся 2 ноября 1897 г. Дамский фотографический кружок, насчитывавший 25 членов. Он находился на Спасской ул., 40/18¹ и руководила им Наталья Борисовна Нордман-Северова, подруга И.Е. Репина, разносторонне одаренная женщина, фотолюбитель, призер нескольких фотографических выставок. Она окончила фотографические курсы при ИРТО, о ней говорили и как о «талантливой и даровитой любительнице светописи». Известно, что Наталья Борисовна была активной защитницей прав женщин, мечтавшей об их самореализации помимо домашней работы и материнства. По этому поводу журнал «Фотограф-любитель» иронизировал, что «общество образуют дамы самостоятельно, будут ли в него допущены мужчины, сказать не беремся».

Кружок был основан при Русском Женском взаимно-благотворительном обществе и ставил своей целью распространение

¹ Адрес приведён в статье А.П. Попова «Фотографические общества в России» в журнале «Фото&техника. Потребитель» № 7 за 2004 г. — *Прим. ред.*

практических и художественных знаний, относящихся к фотографии, путем лекций, технических бесед, обмена опытом с русскими и зарубежными обществами, составление коллекций из особо успешных работ, устройство собственной лаборатории и съемочного павильона, организацию экскурсий и выставок. Клуб предполагал наличие курсов фотографии, оказание помощи и советов по фотографии, а также изготовление и раскрашивание диапозитивов для благотворительных целей. Клуб существовал недолго, но вполне успешно до 1901 г., и сам факт его возникновения примечателен и достоин внимания.

В 1900 г. был образован Фотографический клуб студентов Санкт-Петербургского университета, занимавшийся изучением светотехники с научной точки зрения, проводивший исследования по теории проявления, съемки с использованием радиоактивных веществ, а также активно изучавший различные виды оптики и фотобумаги. Работами руководил Николай Эммануилович Сум, действительный член Химического и Светописного отделов ИРТО. Он же был секретарем фотографической секции при Русском обществе любителей миропознания, созданной 9 апреля 1913 г.

Также стоит упомянуть о деятельности Всероссийского профессионального союза фотографов-работников, организованного на рубеже 1905–1906 гг. (правление располагалось в квартире ретушера Федора Денисова на 7-й Рождественской ул., 27)². В 1907 г. при Союзе было основано Бюро труда фотографов-работников. Оно размещалось на Невском пр., 108, и занималось сбором и распространением информации о рынке труда в области фотографии. 19 мая 1906 г. в Соляном городке в помещении ИРТО было проведено совместное заседание, на которое были приглашены все владельцы фотографических заведений. На заседании обсуждалось улучшение условий труда работников фотоателье, в частности, воскресный отдых, ограничение времени работы при искусственном освещении и нормированный рабочий день. Программа была выдвинута главой союза Л.Н. Вульфсоном и одобрена В.И. Срезневским.

Кроме упомянутых, в Петербурге на рубеже XIX–XX вв. действовало много клубов и обществ, объединявших людей, которые хотели заниматься фотографией на любительском или профессиональном уровне — Северное фотографическое общество, Общество взаимопомощи любителей фотографии, фотоклуб при

² Адрес установлен редактором сборника.

Санкт-Петербургском технологическом институте. Какие-то из них были более успешны, какие-то — менее, но сам факт их возникновения свидетельствует о высоком интересе публики к искусству фотографии и желании как-то реализовать себя на этом поприще. После 1917 г. многие из обществ прекратили свое существование, некоторые были преобразованы, некоторые — созданы вновь. Так, Петроградское общество деятелей художественной и технической фотографии было образовано в 1923 г. и объединяло, главным образом, профессиональных фотографов Петрограда, желающих повысить технический и художественный уровень. Одной из задач общества было развитие любительской фотографии. Общество насчитывало более 80 членов, проводило выставки, имело научно-техническую и художественную секции. Главой общества был В.И. Срезневский. Общество стало фактическим преемником Санкт-Петербургского фотографического общества. К сожалению, в 1930 г. общество, как и многие другие, было закрыто. Так фактически закончилась великая эпоха Русской Светотехники.

О.С. Пантелеймонова

Участие моего прадеда в V Олимпийских играх

В 1912 г. столицей V Олимпийских игр стал Стокгольм. Физическая культура в самой большой скандинавской стране — Швеции развивалась гигантскими темпами. Шведы желали и придавали этим Играм характер особого торжества, поэтому подготовка проходила на высоком уровне. По проекту архитектора Торбена Грута был построен из красного кирпича новый, хорошо оборудованный стадион, который был назван «Королевским». Стадион был хорош тем, что его украшали две большие башни, выполненные в скандинавском стиле, трибуны располагались в виде подковы, а под трибунами находились помещения для участников игр, их раздевалки, душевые и служебные помещения. Впервые были использованы электронные часы. В этих Играх принимали участие спортсмены со всех пяти континентов. Стадион принял 2 407 спортсменов, приехавших из 28 стран. На Играх было разыграно 102 комплекта наград.

В первый и последний раз приняла участие официальная команда Российской империи. Ранее царское правительство пренебрегало вопросами спорта. А в данный период Олимпийский комитет и императорские чиновники возлагали на спортивные успехи надежду, что смогут упрочить репутацию империи на международной арене. Победы в Швеции могли добавить торжества, так как в 1912 г. отмечался 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года, а в 1913 г. в стране готовились отметить 300-летие династии Романовых.

Торжественное открытие V Олимпиады состоялось 6 июля 1912 г. На церемонии присутствовал король Швеции Густав V. Три-

буны стадиона, вмещавшие 32 тысячи зрителей, были забиты до отказа.

Российская империя направила в Стокгольм многочисленную команду из 178 человек. Империя надеялась на получение высоких наград. Даже был подготовлен специальный «переходящий» призабрата имени Его Величества государя Императора Николая II. Приз был изготовлен знаменитым ювелиром Карлом Фаберже. Братина представляла собой настоящее произведение искусства, имела вид ладьи викингов, была выполнена из золота и серебра, украшена драгоценными камнями¹.

Официальным представителем России на Олимпиаде был избран близкий к императору кадровый офицер, в прошлом командир лейб-гвардии Гусарского полка генерал-майор Свиты его величества Владимир Воейков. Это был чрезвычайно независимый и энергичный человек, в лексиконе которого выражение «не могу» отсутствовало. Для него слово «нужно» означало слово «есть». Олимпийский комитет получил поддержку от военного руководства страны, поэтому в составе российской команды было много военных — 85 человек².

Российский олимпийский комитет, созданный накануне V Олимпиады, был по сути своей бездеятельным, некомпетентным в организации и подготовке к соревнованиям международного уровня. Правительство, обещавшее всевозможную поддержку, в итоге обещаниями и ограничилось. Даже Устав Российского олимпийского комитета утвердили за месяц до отправления на Игры. Сборы олимпийской команды были хлопотными и сложными. Именно стараниями В. Воейкова были выделены средства на поездку русских спортсменов.

Вопрос о перевозке русских спортсменов был решен не сразу. Вначале для перевозки команды было предложено военное госпитальное судно «Монголия», однако Морское министерство затягивало принятие решения. В итоге организаторы обратились к частной Восточно-Азиатской компании и арендовали четырёхмачтовое океанское судно — пароход «Бирма», курсировавший из Либавы в Нью-Йорк³.

¹ Олимпийские игры в Стокгольме // Нива. 1912. № 19. С. 380

² Обьедков И.В. Русские офицеры на Олимпийских играх // Военно-исторический журнал. 1990. № 1. С. 88–89.

³ Забелин Ф. На Королевском стадионе // Физкультура и спорт. 1956. № 4. С. 35–36.

12 июня 1912 г., вечером, около 9 часов, «Бирма» с участниками Олимпийских игр прошла мимо Кронштадта, взяв курс на Стокгольм. Пароход был украшен флагами и производил необычайно яркое впечатление. На нем имелось сто кают первого класса, обставленных весьма комфортабельно. В каждой каюте помещались два человека. Во втором классе 250 кают, кроме того, были помещения и для третьего класса на 1200 человек. К услугам спортсменов — читальня, курительная, телефон, почтовое отделение и громадная столовая⁴.

Участников Олимпийских игр провожал весь спортивный Петербург. Яхта императора нагнала спортсменов в пути, и Николай II с дочерьми и царевичем Алексеем благословил будущих победителей на успех. Через густой туман за две ночи и один день олимпийская команда благополучно прибыла на окраину шведской столицы, где пароход «Бирма» превратился для команды в гостиницу.

6 июля 1912 года на торжественном открытии игр V Олимпиады по Королевскому стадиону прошла команда России, 13-й по счету. Во главе делегации со штандартом в руках шел поручик Раевский. Наша команда была одета в брюки черного цвета и белые рубашки.

Представители русской команды выступали почти во всех видах спорта. В ее составе было много военных — 85 человек, из них 20 стрелков. Стрельба являлась важнейшим из военных искусств. На Олимпийских играх было представлено 18 видов стрелковых упражнений. Российская команда стрелков была довольно сильной и имела много шансов на победу. В стрелковых состязаниях участвовал и Н.А. Панин-Коломенкин, разносторонний спортсмен, слышавший первоклассным стрелком, который делил свой спортивный талант между стрельбой и коньками. Он состязался в стрельбе из револьвера на 50 метров, но в призы не попал.

Состязаться пришлось в дождливую погоду. Для выступления шведских стрелков был специально натянут защитный навес, а для стрелков из других стран, в том числе для русских, такой навес сооружен не был. Всем участникам было заметно, что шведы, создавая благоприятные условия, стараются помочь своим. Во время дождя, под открытым небом, русские стрелки синхронно выпускали пулю за пулей. Они пропустили вперед только шведов. В результате шведские стрелки завоевали больше всех медалей — 17, из них 7 золотых, 6 серебряных, 4 бронзовых.

⁴ Бриль Б. Кронштадтцы-олимпийцы // Кронштадтский Вестник. 2011. № 1. С. 8.

Особенно всем запомнился шведский стрелок Оскар Свин, который стал самым пожилым победителем Игр за всю историю, ему шел 65-й год (он победил в командных соревнованиях в стрельбе по бегущему кабану).

В русской команде удачливее Н.А. Панина-Коломенкина оказались его земляки, петербургские офицеры, показавшие второй результат. «Серебряный» квартет из Петербурга составляли капитан Амос Каш, хорунжий Павел Войлошников, подпоручики Николай Мельницкий и Георгий Пантелеймонов. Все они были из гвардейских частей. Командовал стрелковой дружиной штабс-капитан 2-го Стрелкового полка Григорий Шестериков, шефом которого являлся сам император. Можно усомниться в организаторских способностях штабс-капитана, но факт остается фактом — гвардейцы стреляли метко. Они выполнили упражнение «дуэльная» стрельба, представляющее собой скоростную стрельбу из однозарядного пистолета по появляющейся силуэтной мишени. Вся четверка набрала 1091 очко (максимум 1200 очков, шведы получили 1145 очков).

Это был первый и единственный успех русских спортсменов в командных соревнованиях на высшем уровне до революции. В отважной четверке, получившей «серебро», находился 27-летний Георгий Пантелеймонов. Это мой прадед, происходивший из дворян Киевской губернии. Г.М. Пантелеймонов окончил Александровское военное училище⁵, в 1904 г. вошел в лейб-гвардии Московский полк, в котором прослужил всю жизнь. Казармы полка располагались на Большом Сампсониевском проспекте и сохранились до настоящего времени.

О прадеде долгое время в нашей семье ничего не было известно. В домашнем альбоме чудом сохранилась его фотография, на которой он снят в военной форме. Занимаясь изучением жизни прадеда по книгам, я нашла в книге С.В. Волкова «Белое движение. Энциклопедия гражданской войны» его вторую фотографию. Через два года после выступления на Олимпийских играх прадед стал участником Первой мировой войны. В совершенстве владея искусством стрельбы, будучи начальником пулеметной команды, штабс-капитан Г.М. Пантелеймонов вместе с бойцами отбил атаки австро-германцев у деревни Тарнавка, предотвратил обход нашего флан-

⁵ Дарков С.К. Биографический справочник «Российские кадеты». М. 2005. С. 270.

га, удержал взятые с боем более 40 орудий, за что 14 июня 1915 г. был награжден орденом святого Георгия 4 степени и именован оружием⁶. Из архивных источников мне стало известно, что имя Георгия Михайловича Пантелеймонова занесено в список известных людей, служивших в лейб-гвардии Московском полку.

В конце Первой мировой войны прадед был начальником Петергофской школы прапорщиков⁷, в 1917 г. он получил звание полковника⁸. Позже, оставаясь верным присяге, он вступил в Добровольческую армию, где был начальником обороны Токманского района, командиром сводно-гвардейского полка. В бою у города Дубоссары в феврале 1920 г. он был ранен осколком снаряда в лицо, но не сдал командование полком. Затем прадед был интернирован в Польше, эвакуирован в Галлиполи, а переехав в Королевство сербов, хорватов и словенцев, в Белграде мой прадед возглавил группу объединения лейб-гвардии Московского полка⁹. Находясь в Сербии, Г.М. Пантелеймонов мечтал вернуться в Петербург на 4-ю линию Васильевского острова, где остались его двое малолетних детей. В 1934 г. он умер и был с почестями захоронен на Новом кладбище Белграда¹⁰.

Из книг, журналов, газет и архивных источников я узнала и рассказала своему сыну, который мечтает продолжить династию военных и заняться стрелковым спортом, что Георгий Михайлович Пантелеймонов всю свою жизнь посвятил служению Родине. А невероятные испытания судьбы не сломили его спортивный дух и воинскую честь.

По завершению V Олимпиады всех офицеров, принявших участие в Играх, обязали составить свои сообщения и доклады о прошедших состязаниях, чтобы в дальнейшем учесть ошибки и промахи в новых соревнованиях. И я надеюсь, что мне удастся найти отчет о соревнованиях, написанный моим прадедом.

⁶ Шабанов В.М. Военный орден св. Великомученика и победоносца Георгия. Именные списки 1769-1920 гг. Библиографический справочник. М. 2004. С. 369, 782.

⁷ Шмаглит Р.Г. Белое движение. 900 биографий крупнейших представителей русского военного зарубежья. М. 2006. С. 205.

⁸ Танин С.Ю. Русский Белград. М.: Вече, 2009. С. 249–250.

⁹ Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2002. С. 395.

¹⁰ Незабываемые могилы, российское зарубежье некрологи. 1917–1997 / сост. В.Н. Чуваков М.: РГБ, 2007. С. 333.

Взять Стокгольм наскоком русской команде не удалось. По итогам Олимпиады российская команда заняла 15 место. Ни один спортсмен не смог завоевать золотую медаль. Было получено всего пять медалей — две серебряные и три бронзовые. Неудачное выступление русских спортсменов в Стокгольме россияне восприняли болезненно. Писатель Александр Куприн выступление русских спортсменов образно назвал «Спортивной Цусимой», по аналогии с катастрофой русской Тихоокеанской эскадры в недавней войне с Японией. Однако один только факт первого участия нашей страны в Играх имел огромное значение для популяризации спортивного и олимпийского движения во всей стране. «Урок» пошел на пользу. Через год российские соревнования показали резкое повышение мастерства спортсменов, вскрыв огромный потенциал. В 1913 г. в Киеве прошла I Российская Олимпиада с участием 600 спортсменов, а в 1914 г. в Риге, под грохот артиллерийской канонады начавшейся войны, была проведена II Российская Олимпиада, в которой участвовали более тысячи спортсменов.

А.А. Погонщикова

Николай Ильич Архипов — хранитель, реставратор, краевед. (К 125-летию со дня рождения)

Музей-заповедник «Петергоф» знают и любят миллионы людей. Каждый год туристы приезжают сюда, чтобы полюбоваться парками и фонтанами, посетить музеи. Гуляя по великолепным паркам и любуясь панорамными видами, они не задумываются, что их приезд сюда стал возможен благодаря непрерывному труду работников заповедника.

Сейчас трудно представить, что заповедник был таким не всегда. После 1917 г. все Петергофские дворцы были национализированы, и долго решался вопрос об их дальнейшей судьбе. Лишь выступление видного деятеля искусства и жителя Петергофа Александра Николаевича Бенуа помогло сохранить эти места почти нетронутыми и создать здесь музеи. Сейчас немногие знают, кто именно в послереволюционные годы создавал музейный комплекс в заброшенной императорской резиденции.

После создания музея председателем Петергофской художественно-исторической комиссии и руководителем музея был назначен известный художник и скульптор Федор Густавович Беренштам. Однако лишь в 1924 г. Петергоф обрел директора, который заложил основу научной и выставочной деятельности музея. Им стал Николай Ильич Архипов.

Н.И. Архипов родился 1 ноября 1887 г. в Пскове в крестьянской семье. Вскоре семья переехала в Петербург. С юных лет Николай Ильич проявлял интерес к истории древнего мира и языкам. Свой трудовой путь он начал в двенадцать лет, давая частные уроки

в помощь семье. В 1912 г. Архипов окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1912 по 1923 г. он работал преподавателем истории и географии в Реальном училище гор. Вытегра Олонецкой губернии. Архипов приехал туда вместе с женой Таисией Павловной (в девичестве Соколовой)¹. В Вытегре он познакомился с известным поэтом Николаем Алексеевичем Клюевым, который стал его близким другом и крестным отцом его сына Ильи.

В 1923–1924 гг. Архипов заведовал школой рабочей молодежи в Московско-Нарвском районе Петрограда. А осенью 1924 г. получил назначение на должность директора объединенных Петергофских и Ораниенбаумских музеев. С 1924 по 1937 г. жизнь Николая Ильича была посвящена Петергофу. С 1926 г. он одновременно исполнял обязанности начальника управления Государственного музейного фонда и начальника управления пригородных дворцов-музеев Ленинграда.

Одним из главных достижений Архипова на директорском посту стало создание дружного коллектива единомышленников, в который вошли К. Большева, С. Гейченко, М. Измайлов, Т. Сапожникова, Н. Удаленков, А. Шеманский и др., которые, как и он сам, любили Петергоф и преданно служили ему.

Николай Ильич проводил работу сразу по нескольким направлениям. Прежде всего, была проведена тщательная инвентаризация всего музейного имущества, созданы описи. Впоследствии, после Великой Отечественной войны, именно по этим описям удалось воссоздать многие элементы дворцово-паркового ансамбля.

В 1925–1928 гг. по плану, разработанному под руководством Архипова, были отреставрированы: фонтаны «Самсон», «Римские», «Террасные», «Солнце», «Пирамиды», «Наяды», каскад «Шахматная гора»; фонтаны-шутихи «Елочки» и «Дубок»; ковш Большого каскада. Была проделана колоссальная работа, поскольку последняя реставрация в Петергофе была проведена еще в первой половине XIX в.

Необходимо подчеркнуть, что эти работы велись по архивным документам, которые Гейченко и Архипов случайно нашли в одном из Фрейлинских домов². Найденные материалы легли в основу му-

¹ Раскин А., Уварова Т. Возвращение имени: Николай Ильич Архипов (1887–1967) // Псковский букет. Альманах. Вып. 21. Псковичи в Петербурге. СПб., 2011. С. 50.

² Раскин А., Уварова Т. Указ. соч. С. 55.

зейной работы и были использованы Николаем Ильичом при создании путеводителей по дворцово-парковому ансамблю.

После окончания реставрационных работ Архипов ставит перед коллективом задачу расширения музейного пространства Петергофа. К 1929 г. открылись новые музеи: Ольгинская половина Большого дворца, Екатерининский корпус, Коттедж в Александрии.

Не забывает Николай Ильич и об экскурсоводческой деятельности. В 1930 г. он написал «Сады и фонтаны Петергофа. Путеводитель по Нижнему и Верхнему садам», а в 1936-м — «Сады и фонтаны XVIII века в Петергофе». Эти путеводители стали результатом длительной архивной работы. Оригинальная подача материала и живой язык делали их увлекательными для широкого круга читателей. Помимо исторической справки и описания всех элементов парка, в путеводителях содержится полезная информация для посещения музеев. Об этих работах Архипова до сих пор высоко отзываются краеведы и сотрудники музея: «Счастье, что у нас был Николай Ильич Архипов, — не уставал повторять Вадим Валентинович Знаменов, хранитель, директор, а ныне президент ГМЗ «Петергоф», и пояснял: книги, изданные в Петергофе до революции, носили общеознакомительный характер. С приходом же Архипова пошел материал по-настоящему архивный, интересный. Ему был присущ особый дар, дар историка от Бога: осознавать, выстраивать цепочки фактов через архивные материалы. В этом отношении он остается непревзойденным и по сей день. Николай Ильич пишет серию небольших, но очень ценных по тем временам брошюр «Сады и парки Петергофа. XVIII век»³.

Несмотря на упорный труд и несомненные успехи на своем поприще, Архипов имел недоброжелателей среди коллег и начальства. В 1937 г. по ложному доносу одного из них его арестовали и осудили на пять лет заключения в исправительно-трудовом лагере в Молотовской (Пермской) области. Через некоторое время были арестованы и получили крупные сроки его коллеги А. Шеманский и С. Гейченко. Распался дружный коллектив единомышленников, так много сделавших для Петергофа.

Следующие пять лет станут самыми трагичными в жизни Николая Ильича. В 1937 г. от переживаний скончалась его супруга

³ *Помтеев Ю.* Петергоф: история создания музея. СПб.; Петергоф, 2005. С. 5.

Таисия Павловна, а в 1942 г. при обороне Ленинграда погиб его единственный сын Илья⁴.

Однако даже в самые тяжелые времена Архипов не забывал о Петергофе. В годы войны, после отбывания срока заключения, находясь на поселении в селе Верхние Муллы, он не теряет жизненного оптимизма и желания трудиться. В переписке со своим другом и бывшим коллегой С.С. Гейченко Николай Ильич строит творческие планы совместной работы в Петергофе. В письме от 11 апреля 1944 г. он пишет: «... Я пока не теряю надежды поработать вместе с Вами в Петергофе. Когда встретимся, обсудим планы жизни»⁵, а через четыре месяца, уже определившись с планами, он ставит перед собой серьезную задачу: «... Видно по всему, что моё намерение (если судьбе угодно будет направить нас на берега Невы) обосноваться с тобой в инспекции по охране — правильно. Будем с тобой готовить материалы для реставрации (подумай только, сколько нового мы можем дать журналам, а, может быть, напишем историю Петергофа?!!)»⁶

К сожалению, надежды Архипова на совместную работу с Гейченко так и не сбылись. В 1945 г. он был вызван в Ленинград Государственной инспекцией по охране памятников для восстановления разрушенных памятников архитектуры. Сначала Архипов был назначен старшим научным сотрудником Гатчинского музея, однако уже через год, в феврале 1946 г. он становится директором музея.

Работая в другом месте, Архипов продолжает интересоваться историей Петергофского дворцово-паркового ансамбля. В 1946—1948 гг. Николай Ильич работает в архивах ГИОП. Результатом этой работы стали исторические исследования: «История строительства Монплезира»; «Реконструкция фасадов Кунсткамеры в XVIII веке»; «История строительства Марлинского дворца в Петергофе»; «Картинное и бытовое убранство Монплезира при Петре»; «Новые материалы об архитектуре Леблona»⁷.

В 1952 г. Архипов знакомится с молодым искусствоведом, сотрудником Петергофского музея Абрамом Григорьевичем Раскиным. Очень

⁴ *Тонаж Х.И.* Петергоф: Забытые имена. Книга 1. СПб., 2009. С. 35.

⁵ Материалы XIII Февральских научно-музейных чтений памяти С.С. Гейченко «Вещи имеют свою судьбу. Музейная коллекция: изучение, экспозиция, публикация» (12—14 февраля 2010). Сборник статей / Пушкинский заповедник. Сельцо Михайловское. Пушкинский заповедник, 2010. С. 135.

⁶ Там же. С.143.

⁷ *Тонаж Х.И.* Петергоф: Забытые имена. Книга 1. С. 35.

скоро их знакомство перерастёт в творческий союз. В соавторстве они создадут несколько работ по истории Петергофа⁸. А в 1961 г. в свет выходит путеводитель «Петродворец», который можно назвать вершиной их совместного творчества. Этот фундаментальный труд и сегодня считается одной из лучших работ по истории Петергофского дворцово-паркового ансамбля. Сбылась давняя мечта Николая Ильича написать историю Петергофа. О лучших сторонах своей работы авторы пишут уже во введении: «Предполагаемая вниманию читателей монография написана в результате многолетнего изучения материалов в архивах, музеях и библиотеках Ленинграда и Москвы, а также памятников Петергофа в натуре. Накопленные к настоящему времени данные позволяют выяснить основные этапы формирования петровского ансамбля, проследить историю создания парков, дворцов, фонтанов, каскадов, скульптуры, а также дать их художественный анализ и выявить роль отечественных и иностранных архитекторов и мастеров»⁹. К несомненным плюсам работы также отнести большое количество планов, рисунков и фотографий всех памятников дворцово-паркового ансамбля.

Николай Ильич Архипов скончался в 1967 г. и похоронен на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга.

Память о нём до сих пор живет в Петергофе. Сейчас в фондах музея-заповедника хранятся 58 рукописных исторических справок Архипова об истории и строительстве резиденции, которые не утратили своей научной актуальности. В 2009 г. член общества «Возрождение Петергофа» Хасан Топаж выпускает справочник «Петергоф: Забытые имена. Книга 1», где опубликованы биография, личное дело и редкие фотографии Архипова¹⁰. Не забывают краеведа и жители Петродворцового района. В октябре—ноябре 2012 г. в Стрельнинской библиотеке им. Ю. Инге проходила выставка, посвященная 125-летию со дня рождения Н.И. Архипова, экспонатами которой были его опубликованные труды, редкие фотографии и рукописи, переданные А.Г. Раскиным. Также была переиздана монография Архипова и Раскина «Петродворец», однако уже под названием «Петергоф»¹¹. Смена названия произошла с согласия одного из авторов книги, Абрама Григорьевича Раскина, поскольку в 2009 г. городу Петродворец было возвращено его историческое название Петергоф.

⁸ Архипов Н.И., Раскин А.Г. Петродворец. Л.;М., 1958.; Архипов Н.И., Раскин А.Г. Петродворец. М.;Л., 1959.

⁹ Архипов Н.И., Раскин А.Г. Петродворец. Л.;М., 1961. С. 6.

¹⁰ Топаж Х.И. Указ. соч. С. 33–52.

¹¹ Архипов Н.И., Раскин А.Г. Петергоф. СПб, 2012.

В.В. Скурлов

Франц Петрович Бирбаум (1872–1947). К 140-летию со дня рождения

«... Я всё же изгнанник в своём отечестве, бывают же такие».

Из письма Ф.П. Бирбаума акад. А.Е. Ферсману,
Швейцария, 22 февраля 1921 г.

Что вынудило Франца Петровича Бирбаума сделать такое горькое признание? Какое отечество он считал «своим»? Россию или Швейцарию? И кто даст ответы на эти вопросы? Наверное, эти вопросы из разряда тех, на которые нет ответа. Кто для тебя мать? Та, что родила, или та, которая вскормила, воспитала и помогала всю жизнь? Почему у себя дома швейцарец Бирбаум чувствовал себя изгнанником?

Его оторвали от родины, «матушки-России», где он прожил счастливые 35 лет, и бросили в изгнание... «Возвратили к месту прописки». Легко ли пережить такое человеку в 48 лет, главному мастеру и художнику крупнейшей и лучшей, по всеобщему признанию, ювелирной фирмы мира. Он не вернулся на родину, как его великий предшественник и земляк, придворный ювелир Екатерины Великой Иеремия Позье, на «заслуженный отдых». Ему ещё рано было отдыхать. Он был весь в творческих планах. Очевидно, он держал в уме идею очередного императорского пасхального сюрприза к Пасхе 1918 г. Увы! Этим идеям не суждено было сбыться.

Он стремился найти забвение на горных склонах швейцарских Альп, но память упрямо возвращала его в Петроград, на Морскую улицу, в «дом Фаберже», как все звали этот дом в столице. Иногда он вспоминал себя в двухэтажном деревянном доме на Лодейнопольской улице на Петроградской стороне, где он снимал квартиру с русской женой Екатериной Яковлевной. Этот дом принадлежал

мастеру-ювелиру фирмы Фаберже Александру Петрову. Здесь же, на Лодейнопольской, вместе с сыновьями Петрова — Николаем и Дмитрием продолжались опыты по изготовлению эмалей. Тех самых эмалей, которые принесли славу фирме Фаберже. Жена, которую он высмотрел ещё в конце 1890-х гг. среди выпускниц Центрального училища барона Штиглица, скончалась в голодном Петрограде 1 июля 1918 г.

1918 год. Мастерские фирмы уже не работали. Франц Петрович продавал на аукционах броши собственного изготовления. Какой-нибудь обладатель подобной броши, купленной, или скорее обмененной на продукты в 1918 г., и не подозревает, что её исполнил ювелир, через руки которого прошло большинство императорских пасхальных яиц. Подвернулась преподавательская работа на Петергофской гранильной фабрике (теперь «бывшей Императорской»). Здесь Бирбаум встречался с Александром Евгеньевичем Ферсманом, которого, разумеется, знал и раньше, как автора первой в России монографии по кристаллографии алмазов. Два великих знатока и любителя камня нашли друг друга. Долгими вечерами они беседовали о красоте и поэзии камня. Бывший советский читатель знает одного знатока камня — академика Ферсмана. Между тем, последний, будучи человеком честным как в жизни, так и в науке, признавал превосходство Бирбаума в знании камней... Мы же о Франце Бирбауме не знаем почти ничего. Как же получилось такое? Не потому ли, что он покинул Россию в мае 1920 г. с последним пароходом швейцарских репатриантов. Но разве мог он считаться эмигрантом, о котором нельзя было упоминать?

Историю жизни Бирбаума можно разделить на три части. Первая — это 1872—1886 гг.: Швейцария, учёба на ювелирном отделении Фрейбургского политехникума. Вторая — 1886—1920 гг.: Россия, учеба в Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств, фирма Фаберже с 1893 до 1918 г. и последние два года: Петергоф. Этот период охватывает 34 года. И наконец, вновь Швейцария: 1920—1947 гг., 27 лет. Этот период жизни менее известен. Известно только, что в 1925 г. Франц Петрович развёлся со своей второй женой Евгенией Петровной Илинской и в том же году женился на швейцарской гражданке Гортензии-Маргарите Дюпертюи. Скорее всего, вступив в брак с Е.П. Илинской в феврале 1920 г. в Петергофе, Франц Петрович просто помог талантливой художнице фирмы Фаберже, дочери действительного статского советника, выпускнице и парижской пенсионерке Училища барона Штиглиц-

ца, покинув Россию, избежать репрессий. Биограф Фаберже Г.Ч. Бэйнбридж сообщает, что в конце жизни Франц Петрович варил сыр. Наверное, это у него получалось прекрасно, ведь за что бы ни брался этот мастер, всё у него выходило по высшему классу. Он не мог иначе. Такова была школа Фаберже, таковы были строгие требования фирмы. Надо сказать, что и сам Карл Густавович, по свидетельству того же биографа, был большим кулинаром и гастрономом. Ведь чувство композиции одинаково необходимо художнику-ювелиру и хорошему повару. К сожалению, мы не знаем сорта сыра «бирбаум», но все знают, что швейцарский сыр и швейцарский шоколад являются мировыми эталонами качества.

«Русский швейцарец» Франц Петрович Бирбаум умер в Эгле (Aigle), Швейцария, 14 октября 1947 г. в возрасте 75 лет. Он прожил на один год больше своего учителя Карла Густавовича Фаберже.

Родился Франц Петрович Бирбаум 6 сентября 1872 г. во Фрейбурге, небольшом швейцарском городке с населением около 10 000 чел. Фирма Фаберже в Петербурге уже существовала 30 лет, именно в этом году к её руководству пришёл 26-летний энергичный купец и золотых дел мастер Карл Фаберже.

Как познакомились Карл Густавович и молодой Франц? История об этом умалчивает. Можно предположить, что в Рисовальную школу Общества поощрения художеств приходил сам Карл Фаберже выбирать помощников для быстро разрастающегося дела. Ведь 1887 г. открылось отделение, главному ювелиру Хольмстрёму было много за 60 лет, а здесь не только способный специалист с политехническим образованием, но и прекрасный художник. Ученик Ивана Шишкина. Такое сочетание бывает очень редко. Говоря современным языком, Франц Петрович выполнял на фирме обязанности главного инженера, будучи в то же время в ряду первых художников фирмы, причём «художником-композитором» (термин Бирбаума, художником, сочинявшим композиции вещей, иначе говоря, дизайнером) и художником-миниатюристом. Кроме того, он выполнял обязанности геммолога и главного технолога. Его доклады по эмалевому производству и технике литья характеризуют Франца Петровича как зрелого технического специалиста. Но ведь Франц Петрович не заканчивал Горного института, Технологического института и Академии художеств вместе взятых. Как же он успевал разбираться в последних технических новинках и рисовать проекты изделий, и писать серьёзные статьи по проблемам развития ювелирного искусства?

Остаётся восхищаться не только многогранным дарованием Франца Петровича, но интуиции, искусству Карла Фаберже в подборе себе помощников и единомышленников. Именно окружение таких талантливых людей создавало славу фирме. Поистине фирма была одна «большая семья». Многие художники, работавшие для фирмы, стали впоследствии профессорами: Б.С. Фрэдман-Клюзель, Г.И. Малышев, К.Ф. Цейдлер, Л.Г. Стрих, А.К. Тимус, Академиками были или впоследствии стали: Р.Р. Бах, А.Н. Бенуа, Л.Н. Бенуа, Л.Х. Маршнер, А.Л. Обер, М.В. Рундальцев, Ф. Грюнберг-Залкалнс, Г.К. Савицкий, Ф.П. Шехтель, К.К. Шмидт. Созвездие имен!

Сам Франц Петрович никогда, наверное, не задумывался, нужно ли ему звание академика или профессора. Ему некогда было заниматься этим тщеславным делом. Он работал во славу фирмы 25 лет, с 21-летнего возраста. Он уверенно чувствовал себя среди облечённых званиями. Тот же Г.Ч. Бэйнбридж ставил Бирбаума «...на первое место после Карла Фаберже; никто, кроме Фаберже, не выносил решающего суждения о форме и цвете изделий».

«Когда я думаю о нём, продолжает Бэйнбридж, я представляю себе довольно хрупкого человека среднего роста с усами и вандейковской бородкой, спокойного мягкого человека с тонким юмором, как бы сделанного по эскизу самого Фаберже».

Бэйнбриджа поражала товарищеская атмосфера в фирме, поражало, что все сотрудники обращаются друг к другу и к Карлу Густавовичу по «имени-отчеству». Такое невозможно в английской фирме, говорил Бэйнбридж.

«Стоило посмотреть, — пишет Бэйнбридж, — как Бирбаум входил к Фаберже со своими эскизами. Он вовсе не входил в святая святых или в логово льва; в его приходе и в во всём последующем поведении не было ничего от «сэра» и начальника».

«Франсуа Бирбаум, главный дизайнер, и те, кто работал с ним (Карлом Фаберже — В.С.) отвечали за многое, но они непременно подавали проекты на рассмотрение главе Дома, и работа продолжалась до завершения окончательного эскиза с обсуждением деталей».

Из воспоминаний самого Франца Бирбаум и Бэйнбриджа можно сделать вывод о тесном творческом сотрудничестве Бирбаума и Карла Фаберже, который был для него учителем, другом и только в последнюю очередь хозяином. Самыми тёплыми словами описывает Франц Петрович в своих записках учителя, приводя примеры галльского остроумия Карла Густавовича. Добрым словом вспоми-

нает Бирбаум безвременно ушедшего из жизни младшего из братьев — Агафона Густавовича, талантливого художника.

Почти 15 лет Франц Петрович состоял казначеем Русского Художественно-промышленного общества. Деятельность этого общества, объединявшего художников декоративно-прикладного искусства, в основном бывших штигличан, заключалась в повышении квалификации своих членов, организации конкурсов и выставок. Первым председателем Общества был архитектор И.А. Гальнбек, старший библиотекарь Училища Штиглица. В 1917 г. в обществе состояло 93 человека, в том числе 17 чел. — сотрудники и художники фирмы Фаберже: Ф.П. Бирбаум, И.А. Гальнбек, Ф.А. Грюнберг, М.В. Мусселиус, М.Д. Раков, Г.К. Савицкий, А.К. Тимус, К.Ф. Цейдлер, Г.Г. Эберг, Е.Э.Якобсон, Я.А. Армфелдт, Г.Э.Вигстрем, А.А. Хольмстрем, П.М. Кремлёв, В.Г. Николаев, Н.А. Петров и Е.К. Фаберже. Общество с 1908 г. состояло под высочайшим покровительством великого князя Георгия Михайловича, известного коллекционера-нумизмата, управляющего Русским музеем.

Русское Художественно-промышленное общество устроило в 1912 г. конкурс рисунков имени придворного ювелира К. Фаберже, очевидно, в честь 40-летия руководства фирмой Карлом Густавовичем и 70-летия со дня её основания. Франц Петрович получил на этом конкурсе первую премию за рисунок наперсного креста. Хороший подарок сделал себе художник к 40-летию.

В архиве академика Ферсмана находим характеристику, выданную Бирбауму в двухлетнюю годовщину Октябрьского переворота. Вот её текст: «Франц Петрович Бирбаум, прослушал курс во Фрейбургском политехникуме (Швейцария) и состоял в течение 26 лет главным руководителем художественно-ювелирных мастерских фирмы Фаберже. Самые крупные произведения этой фирмы были исполнены по рисункам Ф.П. Бирбаума, который неоднократно на конкурсах художественной промышленности получал высокие награды. В настоящее время состоит старшим мастером Петергофской гранильной фабрики и сотрудником Отдела драгоценных камней Комиссии производительных сил России при Академии наук.

Подлинное подписал А.Е. Ферсман. 7 ноября 1919 г.»

Характеристика за подписью Ферсмана требовалась для зачисления на новое место работы — заведующим отделом в Институт архитектурной технологии Академии материальной культуры. Одновременно с Бирбаумом заведующими других отделов были избраны В.Ф. Левинсон-Лессинг (будущий академик), акад. А.Е. Ферсман,

проф. М.В. Фармаковский, проф. Н.Н. Качалов (будущий академик). Таков был уровень квалификационных требований. С этого места работы Бирбаум выехал на родину и 28 мая 1920 г. академик А.Е. Ферсман сообщает, что «в связи с выбытием Ф.П. Бирбаума на родину», следовало бы найти ему замену и предлагает войти в переговоры с Агафоном Карловичем Фаберже и Александром Францевичем Котлером, крупными специалистами в вопросах ювелирной техники, обладающими научной подготовкой и большим практическим опытом». Рекомендую, Ферсман не знал, что с 30 мая по 9 сентября 1920 года Агафон Карлович Фаберже сидел в тюрьме ЧК.

Организуя в составе Института архитектурной технологии ювелирную и камнерезную мастерскую, Ф.П. Бирбаум прилагает героические усилия по спасению оборудования фабрики К.Ф. Верфеля и мастерских Фаберже. Однако с фабрики Верфеля станки уже были переданы Совнархозом на различные предприятия, а в мае 1920 г. на заседании Совета Академии Франц Бирбаум сообщает, что не удастся получить и оборудование мастерских Фаберже — нет разрешения Совнархоза. Ещё сентябре 1919 г. для руководства вновь создаваемой мастерской предполагалось пригласить мастера Ньюкяна. Нет ли здесь ошибки в протоколах Академии? Скорее всего — это Габриэль Ньюкянен.

Осенью 1919 г. Франц Петрович неумоимо работает. В октябре вновь открыта под руководством Бирбаума и Илинской художественно-ремесленная школа при Петергофской гранильной фабрике. Кажется невероятным, но при наступлении Юденича на Петроград художники занимаются подготовкой кадров камнерезного искусства. В голодном Петрограде Франц Петрович читает популярную лекцию с эпидиаскопом на тему «Камень в искусстве», в которой высказывает ряд программных идей. Обработку цветных и драгоценных камней Бирбаум рассматривает не только как отрасль, создающую материальные богатства, но отрасль, где камни становятся объектами художественного творчества, служат средством выявления народных художественных сил и приобретают таким образом значение народного богатства. В свою очередь, искусство является и производительной силой, двигающей разнообразные производства и тем способствующей народному благосостоянию.

Ещё одну характеристику Бирбауму мы находим вновь у акад. А.Е. Ферсмана. Анализируя в 1919 г. состояние российского камнерезного производства, Ферсман указывает, что «наиболее нормальные условия наблюдались на наших крупных каменных фабриках,

например, у Верфеля, и особенно в последние годы у Фаберже, где благодаря талантливому и вдумчивому Бирбауму за последние 10 лет научились сочетать «несочетаемое» и дать гармонию камня и кожи, камня и бронзы».

Сейчас сложно отвечать на вопрос, как принял Бирбаум революцию. Его критическое отношение к высочайшему двору видно из записок 1919 г. Там же мы видим его уважительное отношение к передовым представителям буржуазии, признающем в художнике творца. Два ведущих сотрудника фирмы Пауль Бломериус и Константин Огваздин входили в состав Адмиралтейского районного комитета партии конституционных демократов. В поддержке «кадетов» был замечен и известный киевский ювелир Иосиф Маршак, что, очевидно, и помешало ему получить звание придворного поставщика. Видимо, окружение ювелира Карла Фаберже устраивала британская модель монархии, поскольку ювелиры получали большие заказы Кабинета его величества и царского двора. В мае 1916 г., в связи с преобразованием собственного предприятия Карла Фаберже в Товарищество (600 паев по 5000 руб. каждый), Франц Петрович становится его акционером (с паем 5000 руб.), членом Правления. Торговля идёт неплохо. Даже после Февральской революции магазин на Морской, 24 полон. Покупатели — революционные матросы с мешками денег, новоиспечённые богачи, разбогатевшие на военных поставках, новые комиссары.

И вдруг всё рухнуло. Октябрь 1917 г. Мог ли он быть доволен такой властью? Национализируются дома, дачи и крупные предприятия. Смерть жены. Бирбаум теряет стабильный доход, не успев воспользоваться преимуществами акционера, в мае 1919 г. его арестовывают, он проводит в тюрьме 32 дня. Во время обыска в доме Фаберже среди прочих вещей изъята коробка с драгоценными вещами самого Франца Петровича. 15 января 1918 г. грянул знаменитый «Декрет о золоте», согласно которому гражданам запрещалось владеть более чем 16 золотниками (67 г) золотых изделий (треть веса золотого портсигара), а всё производство переводилось на металл 36-й пробы. Более высокая проба запрещена. «Это катастрофа» — реагировали на это решение властей золотых дел мастера. В России не умели работать с металлом такой пробы (соответствует 375 метрической), изделия кородировали, не было технологии литья, штамповки и припоя. Бирбаум находит в себе силы работать с недрагоценными металлами, эмалью по меди, с применением полудрагоценных камней. Драгоценных камней в России нет с на-

чала войны. Творческая активность Бирбаума переключается на общественную деятельность. В апреле 1918 г. Франца Петровича избирают кандидатом в члены Исполкома Союза деятелей искусств, такого прообраза Министерства культуры, вопрос об учреждении которого ставился ещё до революции. Вместе с ним в секцию «Прикладное искусство» вошли такие известные деятели, как А. Головин, М.П. Добужинский, Д.И. Иванов, В.С. Щербаков и В.В. Эмме.

Качественный состав других секций Исполкома понятен при перечислении фамилий: композитор К.А. Глазунов, скульптор Л.В. Шервуд, художники Ю.Л. Анненков, И.И. Бродский, К.С. Петров-Водкин, писатели М. Горький, Л.Н. Андреев, Д. Мережковский, артист Ю.М. Юрьев, искусствоведы А.Н. Бенуа, граф В.П. Зубов.

Для Союза деятелей искусств Франц Петрович готовит доклад по проблемам развития художественной промышленности. Он вновь выступает в защиту прикладного искусства: «До самого последнего времени у нас было принято делить искусство на чистое и не чистое, то есть прикладное. Последнее считалось чем-то низшим. Нужно ли указывать, насколько подобный взгляд ошибочен. Художественность произведения зависит от вложенного в него элемента творчества, вне зависимости от материала, из которого оно исполнено, а в зависимости от того, как оно исполнено».

«Многие керамики, как старинные, так и современные — художественные произведения, а многие картины, украшающие гостиницы — произведения антихудожественные. Нужно признать равноправие прикладного искусства, принимать лучшие его произведения на художественных выставках. Одновременно необходимо привлечь к участию в художественных произведениях лучшие художественные и научно-технические силы».

В декабре 1918 г., посетив по заданию Отдела художественной промышленности Петергофскую гранильную фабрику, Бирбаум готовит свои предложения по восстановлению её работы. В тот же период им подготовлена докладная записка по вопросу объединения Детскосельских бронзолитейной, золото-серебряной, ювелирной и эмальеровочной мастерских в одну «Мастерскую художественной обработки металлов» с приложением проекта Устава, проекта и смет мастерских. Мастерские намечалось открыть в Феодоровском городке Царского села. Записка направлена в Подотдел художественной промышленности Отдела изобразительных искусств — знаменитый ИЗО. При подготовке этого материала Франц Петрович использовал свой дореволюционный организа-

торский опыт, когда в составе комиссии из художников, фабрикантов и ремесленников по заданию Русского Художественно-промышленного общества разработал проект Учебных мастерских для воинов-инвалидов. Так Бирбаум видел свою помощь фронту.

В начале 1918 г. Франц Бирбаум пишет статью «Прикладное искусство и художественная промышленность» (впервые опубликована в книге «Фаберже и петербургские ювелиры». СПб., 1997): «Художественная промышленность России, которая всегда была в состоянии отсталости и прозябания, сейчас разрушена вихрем («политических» — зачёркнуто Бирбаумом — В.С.) событий. Перед нами задача её воссоздания. При этом необходимо избежать те дефекты её организации, которые явились причиной её прозябания. Нужно ли указывать, что теперь, когда искусству суждено стать («достоянием народа» — зачёркнуто Бирбаумом — В.С.) ближе народу, роль прикладного искусства как вернейшего проводника художественной культуры в массах приобретает особое значение. Изделия его проникают всюду и, смотря по своим качествам, вносят художественную культуру или приучают к внешнему безобразию».

Примечательны зачёркнутые Бирбаумом в рукописи слова. Как и многие члены Союза деятелей искусств, он отмежевывается от политики (зачёркнуто слово «политический»). Искусству, пишет он далее, суждено стать ближе народу (а не «достоянием народа»). Что получилось, когда предметы искусства стали «достоянием народа», Бирбаум мог убедиться сам: загородный дом Агафона Фаберже с его коллекционной обстановкой был полностью разграблен, вывезено всё имущество и обстановка из дома Карла Фаберже на Морской ул., 24.

До революции общей тенденцией работы с камнем как предметом прикладного искусства было стремление вносить камень не в саму жизнь, а рассматривать его как предмет роскоши, убранств, как безделушку. С этой тенденцией боролся Фаберже, и не безуспешно. Ф.П. Бирбаум в той же статье о художественной промышленности правильно отмечает, что «объектами художественной промышленности должны стать преимущественно предметы обихода и что искусство должно вносить элементы красоты в те предметы, которые мы постоянно видим и употребляем. (...) Но несомненно такой переход из области предметов роскоши к предметам обихода связан с массовым фабричным производством. Это тоже опасно. В немецкой камнерезной промышленности массовое производство убило индивидуальность творца, отдалило художника от изделия».

Чтобы не впасть в эту крайность, Бирбаум предлагает ряд мер, интересно мотивируя их: «Русская художественная промышленность находится в первой стадии своего развития, и в ней ремесленное производство ещё преобладает над фабричным. С художественной точки зрения такое положение благоприятно, так как ручная работа всегда носит отпечаток индивидуальности мастера; массовое же фабричное производство лишено этого отпечатка, с художественной стороны весьма ценного».

С развитием фабричного производства, помимо общих мер поднятия культуры, необходимо снабжение фабрик образцами, выработанными первоклассными мастерами и государственными художественными мастерскими. Современные механические усовершенствования дают возможность воспроизводить модели с факсимильной точностью, и мы будем, следовательно, в состоянии снабжать рынок художественными репродукциями с первоклассных оригиналов».

Идеи Франца Бирбаума весьма актуальны, но история на тот момент не востребовала мыслителя и идеолога художественной промышленности. Будучи в Швейцарии, Бирбаум предлагал свои услуги в качестве представителя российских гранитных и фарфоровых фабрик, давал предложения по их развитию. Ответа от акад. Ферсмана он так и не получил.

Ещё до революции 1917 г. Франц Петрович неоднократно выступал на страницах журналов «Искусство и жизнь» и «Ювелир». Интересны суждения художника по поводу развития русского стиля: «Пора взглянуть более серьёзно на задачи прикладного искусства. Если национальному стилю суждено возродиться, то, конечно, только в более культурных формах».

Художник борется за функциональность предметов русского стиля: «Когда создаются предметы, мы вправе требовать, чтобы они соответствовали нашим потребностям, а не одним только декоративным целям. (...) Стиль создаётся сочетанием двух факторов: национально-художественного творчества и культурных потребностей эпохи. Создаётся он не одним человеком, а целыми поколениями. Национальный стиль не выработается у нас, пока не будет художников, проникнутых русских художественным духом и современной культурой».

Эти рассуждения позволяют понять специфику стиля Фаберже. Стиль Фаберже, по Бирбауму, это не стиль одной фирмы Фаберже, это стиль русской национальной ювелирной школы после-

дней трети XIX — начала XX в. Этот стиль не создан одним человеком — Карлом Фаберже. Он дал только название стилю. Этот стиль выработался в результате творчества ювелиров таких знаменитых российских фирм, как «Никольс и Плинке», «Сазиков», «Хлебников», «Овчинников», «Болин», «Морозов», «Братья Грачёвы», «Курлюков», «Рюкерт», «Маршак» и других прекрасных мастеров и наиболее последовательно выражен в творчестве художников фирмы «Фаберже».

Даже короткое прикосновение к литературному наследию Франца Петровича показывает, насколько это незаурядная личность. Необходимо собрать все статьи Франца Петровича и издать их отдельной книгой. Мы надеемся, что читатели и исследователи найдут новые, неопубликованные литературные произведения главного мастера фирмы Фаберже.

Полное имя Бирбаума: Франц-Петер. У него, как у Петера-Карла Фаберже, второе имя Петер означает «камень». Знаменательное совпадение! Таким он был и в жизни. Мягкий, добрый человек в жизни и камень в отстаивании эстетических принципов, которым он присягнул, поступая молодым человеком на службу в фирму Фаберже. Этот принцип можно определить как «ДОБРО И КРАСОТА».

Может быть, он был в чём-то наивен, надеясь, что красота спасёт мир...

Е.П. Сизёнов

Колпино в год Большого террора

Три четверти века отделяют нас от 1937 года — года Большого террора. Каким был этот год для города Колпино, крупного промышленного пригорода, в 1936 г. получившего статус района Ленинграда. Население Колпина составляло около 38 тысяч человек, и почти каждая семья была связана с Ижорским заводом, в то время крупным заводом военно-промышленного комплекса.

С конца 1920-х гг. в стране шла ускоренная индустриализация. Реконструировался и значительно расширялся Ижорский завод, осваивалась новая продукция. У завода были не только достижения, но и многочисленные проблемы. Их обострение было предопределено самим политическим курсом и экономической системой того времени.

Решались проблемы путём чисток, проработок, кампаний «критики и самокритики». Упущения в работе рассматривались, как правило, с политических позиций, объявлялись вредительством, саботажем. Над всеми, особенно над руководителями и техническими специалистами завода, довлел страх наказания. Виновных «разоблачали», снимали с работы, а в 1937 г. всё чаще стали отдавать под суд.

С сентября 1935 г. разворачивалось стахановское движение. Имевшее характер кампанейщины, оно многочисленных проблем завода не решило. Увеличение индивидуальной выработки отдельных рабочих из-за плохой организации взаимодействия подразделений не приводило к соответствующему увеличению производительности завода в целом. Показной характер, который приобрела кампания по переходу на стахановские методы, борьба за рекорды ради рекордов приводили к отрицательным последствиям для про-

изводственного процесса. Чтобы освоить новые, стахановские нормы, приходилось отступать от чертежей, нарушать технологический процесс. Это приводило к росту брака, а перевыполнение плана на изношенном оборудовании — к выходу его из строя. Технический персонал не приветствовал стахановские методы труда. В результате многие инженеры были арестованы. Весьма частое обвинение тех лет — зажим и саботаж стахановского движения.

Один за другим меняются директора Ижорского завода. Судьба некоторых сложилась трагически. Был расстрелян снятый в 1936 г. А.В. Белов. Сменивший его по переводу с Кировского завода К.М. Отс проработал в должности директора менее года. Он был арестован и расстрелян.

После убийства Кирова 1 декабря 1934 г. в парторганизациях Ленинграде и Ленобласти прошла кампания чистки. Как заявил в 1936 г. секретарь парткома Ижорского завода И.И. Соловьёв, «процент исключённых из партии при проверке партдокументов очень большой».

Газета «Ижорец» писала о засевших в заводеуправлении врагах народа, о не расчищенных до конца гнёздах вредителей и даже об отсутствии коммунистов в ряде ключевых служб (бухгалтерия, планово-экономический отдел).

За призывами «шире разворачивать критику и самокритику» зачастую стояли требования разоблачать врагов народа. В такой атмосфере даже правильная критика по существу, направленная на выявление и преодоление действительных недостатков, приобретала свойство доноса, т.к. всегда могла для НКВД стать основанием для ареста. Яркий пример — конфликт директора А.В. Белов с группой молодых металлургов во главе с А.С. Завьяловым. По сути, они были правы, вскрыв низкое качество ижорской брони. Их уволили, но они получили поддержку А.А. Жданова, после чего было созвано заседание Совета труда и обороны с участием Сталина. На нём были приняты необходимые решения. Основания для снятия с работы А.В. Белова были. Но вслед за этим тогда последовали репрессии в отношении ряда специалистов.

Атмосфера в обществе была пропитана шпиономанией и доносительством. В цехах завода и на собраниях домохозяйек проводились политдни на соответствующие темы, устраивались коллективные слушания доклада А.Я. Вышинского «О некоторых методах вражеской работы». Каждый «большой» московский процесс над врагами народа сопровождался проведением митингов, призывами

к бдительности, принятием заявлений и новых повышенных трудовых обязательств.

Происки иностранных разведок и вредительство «врагов народа» тогда виделись во всех проблемах завода. Такой подход задавался всей системой партийного руководства. Весьма характерен анализ проблем Ижорского завода в выступлении секретаря горкома А.А. Кузнецова на совещании ИТР в октябре 1938 г.: «На заводе до сих пор не только не ликвидируются последствия вредительства, но вредительство продолжается. В системе безответственности, расшатанной трудовой дисциплины враги народа продолжают творить свои гнусные дела... Вредители занижали производственные возможности завода, разрушали оборудование, старались сорвать технологию... В заводе происходят аварии, однако ни одна из них не квалифицирована политически». К тому времени масштаб репрессий действительно значительно сократился, но психологическая готовность к ним сохранилась, поскольку в эффективности других методов партийное руководство, по-видимому, сомневалось. Поэтому завод работать лучше не стал, что и вызвало недовольство Кузнецова (в 1949 г. он сам станет жертвой репрессий).

В 1937–1938 гг. кампаниями по выявлению «врагов народа» были охвачены все колпинские предприятия и организации. Например, комсомол. Как писал «Ижорец», в районной организации ВЛКСМ «долгое время орудовали враги народа». Райком был обвинён в притуплении большевистской бдительности. Что вменялось в вину комсомольцам? «Бывшая комсомолка, педагог 4-й школы Евдокимова при разоблачении троцкиста Иоансона, ведшего школу к развалу, встала на его защиту. Молодой специалист, инженер термического цеха К.И. Иванов (сейчас исключённый из комсомола) неоднократно на собраниях молодёжи выступал с антипартийными взглядами о перерождении комсомола».

Были репрессированы многие профсоюзные активисты Ижорского завода, 12 оркестрантов заводского оркестра народных инструментов.

1937 — год изучения Конституции и первых выборов в Верховный Совет СССР, и вся агитационная кампания сопровождалась выявлением «врагов народа». По выборке, сделанной на основе памятных книг общества «Мемориал», и из других источников, нам известно о 306 репрессированных в период с 1936 по 1938 г. 229 приходится на 1937 г., 65 — на 1938-й, 12 — на 1936-й. Всё первое полугодие 1937 г. аресты носили единичный характер. Массовыми

они стали с июля — 21 арест. Пик — в августе и сентябре 1937 г.: соответственно 57 и 51 арест, в октябре — 37.

В январе 1938 г. в свете решения очередного Пленума ЦК ВКП(б) начало приходить понимание, что не обошлось без перегибов. Секретарь райкома М. Кудрявцев в статье «Исправить допущенные ошибки» писал, что парторганизация района, проделав большую работу по очищению партийных рядов, допустила ряд серьёзных ошибок. Отмечался легкомысленный подход к исключению из партии, бездушное отношение парторганизаций к судьбе отдельных коммунистов. Ряд неправильных решений об исключении из партии был отменён. Значительно сократилось число арестов.

Но в феврале 1938 г. — новый всплеск: 22 ареста, а связан он главным образом с «делом немцев» (12 человек). Как, например, звучало обвинение в адрес одного из них — Мартына Риттера, рабочего Ижорского завода, жителя Второй немецкой колонии? С 1933 г. являлся участником контрреволюционной германской шпионской и диверсионной организации на Ижорском заводе. В 1936 г. в цехе лично вывел из строя путём поломки два токарных и труборезных станка. Проводил среди немцев-колонистов и рабочих Ижорского завода контрреволюционную националистическую и террористическую пропаганду, призывал к убийству руководителей советского правительства. Приговор — расстрел, как и всем остальным.

Из 306 арестованных по ст. 58 УК РСФСР колпинцев и рабочих завода расстрелян был 291 человек. Практически все — на Левашовской пустоши. Кроме того, были те, кого направили в лагеря, некоторых из них расстреляли уже там. Очень немногие (известно четыре фамилии) были освобождены до суда.

Проведём анализ репрессированных по ряду основных анкетных данных.

По месту работы. 75% работало на Ижорском заводе, 3% — на железной дороге. Есть и служащие других учреждений.

По социально-профессиональному статусу. Рабочих — 44%, ИТР и руководителей нижнего звена — 35%, руководителей среднего звена — 5%, младшего обслуживающего персонала — 8%, служителей культа — 3%.

В числе репрессированных — начальники цехов и инженеры Ижорского завода, рабочие разных специальностей. И это когда перед заводом стояли сложнейшие задачи, а он испытывал дефицит в технических специалистах и рабочих кадрах!

В числе служителей культа — весь причт церкви Святителя Николая на кладбище, настоятель Свято-Троицкого собора Сергей Брудинский, члены общины евангельских христиан.

Представляет интерес национальный состав. Доля русских среди репрессированных составила 40%. Поляки — 20%, белорусы — 13%, немцы — 9%, латыши — 6%, эстонцы — 4%, финны — 3%. Отметим, что в Колпине с XIX в. было польское землячество, недалеко от Колпина находились немецкие колонии и финские деревни, жители которых работали на Ижорском заводе. Но доля представителей национальных меньшинств, особенно поляков и белорусов, среди репрессированных значительно превышает их удельный вес в численности населения и в трудовых ресурсах Колпина. Заметим и то, что наиболее пострадали представители тех наций, государства которых СССР в своей военной доктрине рассматривал в качестве потенциальных врагов. Напомню, что Латвия и Эстония до 1940 г. были самостоятельными государствами. Но столь высокая доля белорусов для колпинских краеведов остаётся необъяснимой.

По партийности. 81% — беспартийные, 11% были членами или кандидатами в члены ВКП(б), либо были исключены из партии в период, предшествовавший аресту, ещё 3% — бывшие члены ВКП(б), исключенные в ходе партийных чисток двадцатых — начала тридцатых годов, 3% — бывшие эсеры. Итак, абсолютное большинство репрессированных — беспартийные. Это опровергает распространённую в последнее время точку зрения, что репрессии 1937–1938 гг. коснулись главным образом партийных и государственных руководителей. В Колпине треть репрессий приходится на долю беспартийных рабочих Ижорского завода и почти четверть — на долю беспартийных ИТР.

Конечно, не только репрессиями запомнился 1937 год колпинцам. Но атмосферой страха было пронизано всё. Страх в обществе нагнетался всей государственной политикой, он нашёл отражение во всех значимых событиях 1937 г. Было ощущение нахождения в осаждённой крепости, внутри которой также орудуют враги. Сама работа на крупном заводе военно-промышленного комплекса развивала мобилизационное сознание и психологию вражды, в т.ч. в отношении коллег.

А что за пределами завода? Были закрыты Свято-Троицкий собор и польский костёл. Открыт роддом, но нельзя не вспомнить, что сама необходимость в ускоренном строительстве столь нужного

учреждения была вызвана запретом аборт в СССР в 1936 г. Развивался спорт, но в первую очередь его военно-прикладные виды. Развивалась физкультура, но в первую очередь в связи с нормами ГТО и ГСО (Готов к санитарной обороне). Проводится принудительная подписка на «Займ обороны СССР». Развивалась культурная жизнь, но и здесь преобладала вполне определённая направленность. Проводились встречи с героями (лётчиками, папанинцами), но их основной задачей было поддержание мобилизационной готовности людей. А надпись-посвящение на памятнике рабочим-красногвардейцам, установленном 6 ноября 1937 г., утверждала: «Никогда не умрёт память о Вас в Советском народе, никогда не погаснет наша ненависть к врагам народа».

Большой террор и все пронизывающий страх стали главным содержанием 1937 года. И в стране, и в Колпине.

СТРОИТЕЛИ, ИНЖЕНЕРЫ, УПРАВЛЕНЦЫ, ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

Л.Д. Бурым

Владимир Хорват. (Забывшие имена петербургской промышленности)

Колпинский район известен своим промышленным потенциалом. В поселке Понтонный успешно работает Усть-Ижорский фанерный комбинат, основанный инженером-технологом Владимиром Леонидовичем Хорватом. «Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне устройство деревообделочного завода близ села Усть-Ижоры», — так начиналось прошение на имя Санкт-Петербургского губернатора, написанное Хорватом 26 мая 1909 г.¹ С этого документа началась история предприятия, которое в январе 2011 г. отметило столетний юбилей.

Завершив карьеру чиновника Министерства путей сообщения, В.Л. Хорват переселился в столицу и здесь, близ Петербурга, решил открыть свое дело. Место для фабрики было выбрано со знанием дела: на берегу реки Малой Ижоры рядом со станцией Понтонная Северной железной дороги. Участок земли был взят в долгосроч-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 29. Д. 54. Л. 1. Даты до 14 февраля 1918 года даны по старому стилю.

ную аренду у крестьян села Усть-Ижоры. К прошению Хорват приложил удостоверение Земской управы «о неимении препятствий в санитарно-техническом отношении», проект завода, пояснительную записку и генеральный план участка земли².

После одобрения губернатором А.Д. Зиновьевым последовало заключение строительного отделения Санкт-Петербургского губернского правления, утвердившее представленные документы. Строительство шло весьма энергично, и уже в сентябре 1910 г. Хорват просил губернское начальство назначить комиссию для осмотра новой фабрики. Однако специалисты нашли фабрику не до конца оборудованной, и только 8 декабря 1910 г. новая комиссия признала «заведение... удовлетворяющим требованиям общественной безопасности и благоустройства»³.

В Протоколе осмотра отмечалось, что завод предназначен для изготовления фанеры и изделий из дерева, расположен в деревянном одноэтажном здании, котельное отделение — каменное, оснащено «турбо-динамо в 95 индикаторных сил»⁴ и двумя паровыми насосами. Фабрику оборудовали тремя котлами для распаривания древесины, тремя лущильными станками, четырьмя сушильными и двумя клеевыми прессами, круглыми и ленточными пилами, токарным, сверлильным и шлифовально-фанерным станками и другими необходимыми механизмами. Станки Хорват приобрел иностранные, проект энергоснабжения фабрики разработали специалисты машиностроительного завода Ф. Виганда (г. Ревель, ныне — Таллин, Эстония). В жилом доме для служащих владелец разместил приемный покой для рабочих, где постоянно работал фельдшер. Свидетельство на открытие фабрики, выданное Хорвату, имеет две даты: 22/23 декабря 1910 г. (по старому стилю; 4/5 января 1911 — по новому)⁵.

Фанерное производство в России начала XX в. переживало невиданный расцвет. Первые листы отечественной фанеры-переклейки были получены в 1874 г. в Риге. К началу Первой мировой войны в стране работало 46 фанерных заводов, расположенных в

² Там же. Л. 24–33.

³ ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 29. Д. 54. Л. 54.

⁴ Динамо-машина — устаревшее название электрического генератора постоянного тока или преобразователя постоянного тока в механическую энергию.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 29. Д. 54. Л. 53.

основном в западных и юго-западных губерниях. Разные сорта фанеры применялись в столярном и строительном деле, производстве мебели и экипажей, особенно широко как упаковочный материал. До 80% фанеры лучших сортов уходило в Англию, открытую для беспошлинного ввоза русской фанеры.

На рассвете 7 августа 1913 г. на фабрике Хорвата случился пожар. Журнал «Лесопромышленник» писал: «Пожар возник в одном из жилых строений и быстро перешел на главный корпус завода. К месту пожара, представлявшему огромную огненную площадь, были созваны пожарные обозы всех окрестных поселений, по Неве прибыли из Петербурга пожарные пароходы, но отстоять завод и склады леса не удалось. Всё было уничтожено огнем, бушевавшим до полудня. Сгоревший завод имел значительные заказы. Убыток достигает 300000 рублей»⁶.

2 января 1914 г. В.Л. Хорват подал прошение об утверждении генерального плана отстраиваемой после пожара фабрики. Уже 3 мая комиссия осмотрела новое каменное одноэтажное здание с оборудованием и механизмами. Фабрика вновь заработала. Теперь это было каменное одноэтажное здание, расположенное на участке, площадь которого увеличилась до 5,2 гектаров. Работало до 75 человек, выпуская клееную фанеру. Для проживания рабочих Хорват построил три деревянных дома⁷.

Средняя производительность фабрики В.Л. Хорвата — 80 кубических метров фанеры в год. Это меньше выработки одной смены Усть-Ижорского фанерного комбината в наши дни. Пользуясь своими обширными связями в Министерстве путей сообщения, Хорват получал государственные заказы. Среди покупателей 1917 г. значатся Управление Северных железных дорог и Служба пути Северо-Западной железной дороги, 1-я Петербургская макаронная фабрика АО «М. Иванов и М. Гольдберг» из-за Московской заставы, граммофонный синдикат братьев Иссерлин, известный военный инженер и архитектор И.А. Балбашевский (в Подъездном переулке в Санкт-Петербурге сохраняется построенный им комплекс зданий Военно-автомобильной школы), инженер М.А. Токарский — владелец усадьбы Заветное в Новгородской губернии, известный исследователь Арктики ученый-гидрограф А.И. Варнек. Вме-

⁶ Журнал «Лесопромышленник». 1913. № 33. С. 727.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 32. Д. 19.

сте с известным предпринимателем, главой акционерного общества Русских кабельных и металлопрокатных заводов Михаилом Михайловичем Подобедовым Хорват наладил в Усть-Ижоре производство вулканизационной фанеры, которая успешно продавалась потребителям⁸.

Проблемы отечественной фанерной промышленности начались в годы Первой мировой войны. Большая часть фанерных заводов оказалась в зоне военных действий и прекратила производство. К 1917 г. работали только 11 заводов, резко упали экспортные поставки. В то же время фанера требовалась военному ведомству для устройства передвижных барачных бань и в качестве кровельного материала.

В 1917 г. фабрика Хорвата вновь горела и вновь отстраивалась, а поэтому полноценно работала только два месяца. На 1 января 1918 г. на ней числилось 15 рабочих (13 мужчин и две женщины) и пять служащих. Весной 1918 г. из-за отсутствия заказов закрылось множество лесопильных и деревообделочных заводов. Бухгалтер Л.И. Иванов, исполнявший обязанности управляющего фабрикой, 7 февраля 1918 г. по распоряжению Хорвата, находящегося тогда уже за пределами Петрограда, закрыл предприятие, выдав персоналу двухмесячное жалование. Очевидно, тогда же Хорват решил продать производство. 17 апреля 1918 г. на заседании правления Акционерного общества «Северные фанерные и деревообделочные заводы «Русская фанера»» слушали вопрос «о поступившем к Обществу предложении приобрести от нынешних владельцев фанерный завод Хорвата»⁹. Такая формулировка позволяет предположить, что В.Л. Хорват сначала продал фабрику кому-то другому, а уже новые владельцы перепродали ее обществу «Русская фанера». Однако документальные свидетельства сделки не найдены.

5 июля 1918 г. Совет народного хозяйства Северного района наложил на предприятие секвестр, 8 июля было назначено правительственное правление, которому предстояло запустить уже почти полгода не работающие машины¹⁰. И в истории фанерной фабрики началась новая, советская, глава. А основатель фабрики, как и вся большая семья Хорватов, уехал в эмиграцию.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 1715. Оп. 2. Д. 14. Л. 7, 15.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 13. Л. 32.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 1715. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

Владимир Леонидович Хорват происходил из семьи служилых дворян. И хотя российское дворянство Хорваты получили по указу Сената только в 1845 г., далекие предки Владимира Леонидовича восходили к сербскому дворянскому роду и оставили след в европейской, а затем и отечественной истории. Известно, что в 1689 г. Хорваты были пожалованы императором Священной Римской империи Леопольдом I «дипломом на дворянство и гербом». Иван Хорват (Куртиц) в 1751 г. переселился с сербской колонией в Россию, основав первое военно-земледельческое поселение в Новороссии. Его сын генерал-лейтенант Иосиф Хорват в 1790-х гг. занимал посты наместника в Воронеже и Екатеринославе. По материнской линии Хорват приходился внучатым племянником полководцу М.И. Кутузову.

Герб российских Хорватов в шестой части Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи описан так: «В щите, имеющем золотое поле, изображен пеликан на гнезде, стоящий с распростертыми крыльями, который кровью своею питает трех птенцов. Щит увенчан дворянским шлемом и короною, на поверхности которой видна рука в латах с мечом. Намет на щите золотой и серебряный, подложенный красным и голубым».

Владимир Леонидович Хорват родился 1 января 1864 г.¹¹ в Херсонской губернии в семье поручика Леонида Николаевича Хорвата и его жены Марии Карловны. Он был вторым ребенком в семье, где, кроме него, росли старший брат Дмитрий и сестры Любовь, Екатерина и Ольга. В 1889 г. окончил химическое отделение Санкт-Петербургского Практического Технологического института и вернулся на родину, в родовое имение Ревовка Александрийского уезда Херсонской губернии.

Весной 1892 г. Владимир Леонидович начал службу в Министерстве финансов. Через три года, не без влияния старшего брата, сделавшего успешную карьеру в Министерстве путей сообщения, младшего Хорвата переводят помощником начальника участка службы пути Харьковско-Николаевской железной дороги. В 1902 г. Владимир Леонидович переехал во Владивосток, где получил место в правлении Уссурийской железной дороги. Сначала он — начальник службы пути и сооружений, затем — помощник и первый заместитель начальника дороги.

¹¹ РГИА. Ф. 229. Оп. 19. Д. 4181. Дата указана в Послужном списке В.Л.Хорвата. Ряд источников указывают годом рождения 1863-й.

Эхо столичного «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. прокатилось по всей стране. Революционные настроения затронули и Уссурийскую железную дорогу, где был создан Союз служащих. В начале декабря 1905 г. Союз призвал сослуживцев присоединиться к Всероссийской стачке и потребовал отставки начальника дороги полковника Н.И. фон Кремера, решительно пресекавшего попытки захватить власть на железной дороге, перевозившей, в частности, и соединения действующей армии, воевавшей на фронте русско-японской войны. Когда 19 декабря 1905 г. перешедший на сторону стачечников главный врач Уссурийской дороги В. Ланковский объявил Кремера «психически ненормальным», В.Л. Хорват, как первый заместитель начальника, взял на себя управление дорогой¹².

За этот поступок он был отстранен от должности и предан военному суду, который после двух разбирательств вынес вердикт: «подписание протокола о вступлении в должность начальника дороги инженера Хорвата не было устранением полковника фон Кремера от распорядительной деятельности». Владимир Леонидович сумел доказать, что, не имея возможности проверить утверждение компетентного доктора о невменяемости фон Кремера, действовал в соответствии с «Временной инструкцией местным управлениям казенных железных дорог». Наказанием Хорвату стало отстранение от должности. Он обращается к императору. 29 июля 1907 г. следует высочайшее повеление о помиловании В.Л. Хорвата «с освобождением от последствий назначенного ему судом наказания — отрешения от должности»¹³. Однако на прежнее место службы он не вернулся.

Осенью 1907 г. Хорват с семьей переехал в Петербург. Он по-прежнему числился по Министерству путей сообщения; в 1909 г. дослужился до чина коллежского советника, в 1911-м стал статским советником. Впервые В.Л. Хорват упомянут в справочнике «Весь Петербург» в 1909 г. жившим в Литейной части на Бассейной ул. (ныне ул. Некрасова), 26 в кв. 7. Этот адрес стал его единственным столичным адресом вплоть до эмиграции.

Кроме фанерной фабрики, Хорват открыл в 1911 г. небольшую (всего двое рабочих) мастерскую «для сбивки ящиков» в Рождественской части Петербурга, на Тверской улице¹⁴.

¹² РГИА. Ф. 229. Оп. 19.

¹³ Там же. Л. 216.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 32. Д. 1845.

В семье Владимира Леонидовича и его жены Анастасии Владимировны росли два сына: Леонид (1890 г. р.) и Дмитрий (1901) и три дочери: Елизавета (1892), Мария (1894) и Любовь (1896). Сын Леонид учился в Санкт-Петербургском Политехническом институте; в 1913 г. он женился на Ольге Красновой — дочери архитектора высочайшего двора Н.П. Краснова¹⁵.

В Петербурге проживало много родственников Владимира Леонидовича. Некоторые занимали привилегированное положение при дворе. Так, Лили Ден (Юлия Александровна, урожденная Хорват) была близкой подругой императрицы Александры Федоровны. Самый известный представитель рода Хорватов — старший брат Владимира Леонидовича — генерал-лейтенант Дмитрий Леонидович Хорват (1859—1937) был женат на Камилле Бенуа — представительнице замечательной семьи архитекторов, художников, декораторов. Благодаря собирательской деятельности специалистов Музея семьи Бенуа Государственного музея-заповедника «Петергоф» в их коллекции оказались не только рисунки К. Хорват-Бенуа, но и фотографии, письма братьев Хорватов.

С 1902 по 1918 г. Дмитрий Леонидович служил управляющим Китайско-Восточной железной дороги и завоевал на этом поприще огромный авторитет. Летом 1918 г., стремясь воспрепятствовать революционному пожару, Дмитрий Хорват объявил себя «Временным верховным российским правителем», а затем стал уполномоченным Верховного Правителя А.В. Колчака по Дальнему Востоку. Вероятно, в годы гражданской войны в советских газетах писали о Хорвате — «приспешнике Колчака», и на Усть-Ижорской фанерной фабрике решили, что это их бывший хозяин сбежал в стан белого адмирала. Только так можно трактовать упоминания об отъезде В.Л. Хорвата к Колчаку, встречающиеся в документах фабрики 1918—1919 гг.

На самом деле эмигрантские пути братьев разошлись: Дмитрий Леонидович жил в Пекине; Владимир Леонидович осел с семьей в Белграде и служил в Министерстве общественных работ. Некоторые письма Хорвата старшему брату 1930—1932 гг. написаны на фирменных бланках с угловым штампом: «Вл.Л. Хорват. Дипломированный инженер. Белград. Новосадская, 4». Сегодня письма хранятся в архиве Музея семьи Бенуа, сотрудники которого предоставили возможность с ними познакомиться.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 473. Оп. 3. Д. 7135.

Владимир Леонидович Хорват умер 5 июля (22 июня по ст.ст.) 1939 г. Похоронен на Новом кладбище Белграда. Там же покоится его жена¹⁶. Дочь Мария Иванжина (Хорват) скончалась в Париже 29 апреля 1973 г. и похоронена на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа¹⁷. Судьбу других детей Хорвата установить не удалось.

Имя Владимира Хорвата — основателя одного из самых успешных современных предприятий Санкт-Петербурга — было забыто на многие десятилетия. По инициативе руководства ОАО «Усть-Ижорский фанерный комбинат» к столетнему юбилею была проведена большая работа по сбору материалов по истории предприятия. Вышла в свет книга «Дорога длиною в век». Усилиями историков в краеведение Колпинского района вернулось это имя — Владимир Хорват. Вернулось из забвения для того, чтобы, надемся, уже не исчезнуть никогда.

¹⁶ Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917—1999 гг. Том 6. М., 2007. С. 86.

¹⁷ Там же. Том 3. М., 2001. С. 12.

А.М. Жданов

Герой Отечественной войны 1812 года генерал А.П. Никитин. (Биография в портретах)

Кто не знает о Военной галерее Зимнего дворца, где с портретов в золоченых рамах на нас глядят мужественные лица генералов русской армии, отличившихся в Отечественной войне 1812 г. На одном из портретов в артиллерийском вицмундире, на темной ткани которого сверкают воинские награды, изображен генерал-майор Алексей Петрович Никитин. Родился будущий генерал 2 мая 1777 г., рано остался «круглым сиротой» и по повелению Екатерины II определен в Артиллерийский и инженерный кадетский корпус. Военную службу начал штык-юнкером в 3-м бомбардирском батальоне.

На летних учениях 1797 г. точной прицельной стрельбой привлёк внимание императора Павла I, за проявленное отличие произведён в капитаны и назначен командиром роты, а чуть позднее удостоен ордена св. Иоанна Иерусалимского.

Войну 1812 г. А.П. Никитин встретил полковником, командиром конно-артиллерийской роты. За оборону Смоленска награждён золотой шпагой с надписью «За храбрость», затем в составе арьергардных войск сдерживал неприятеля у Колоцкого монастыря, давая тем самым нашим основным силам занять оборону у села Бородино. В Бородинском сражении принял участие в знаменитой контратаке генерала Ермолова на батарею Раевского, захваченную французами. Раненый в ходе боя неприятельским ядром в обе ноги, Алексей Петрович Никитин до конца сражения оставался в строю. Не имея возможности стоять, он продолжал командовать лежа,

прислонившись к лафету. Наградой за Бородинское сражение стал Георгиевский крест 3-й степени.

Но особо отличился Никитин под Красным, где его рота нанесла серьезный урон корпусу маршала Даву, оборонявшему город, что заставило французов отступить под защиту городских стен. И тогда Алексей Петрович посадил своих канониров на лошадей и погнал французов по городским улицам, захватив при этом множество трофеев и пленных. После этого поражения началось паническое, беспорядочное отступление армии Наполеона к Березине. За свои подвиги Никитин получил чин генерал-майора, а за отличие под Красным — Аннинскую ленту. Всей его роте пожалована уникальная награда — золотые петлицы на офицерские мундиры.

В 1854 г. ученик Академии художеств М.О. Микешин, будущий автор памятника тысячелетию России в Великом Новгороде, по заказу дочери А.П. Никитина Елизаветы Алексеевны написал картину «Подвиг батареи полковника Никитина в сражении под Красным». За эту картину художник получил большую серебряную медаль. Сам Никитин высоко оценил это произведение и в знак благодарности подарил Микешину свой портрет. До революции картина хранилась у дочери Никитина и её наследников, а затем находилась в частных собраниях. Сестры Шелаховы-Ремизовы, большие почитатели таланта Микешина, сохранили картину в суровые дни блокады. Пятьдесят лет назад полотно было показано на юбилейной выставке в Музее А.В. Суворова и приобретено у владельца московским Музеем-панорамой «Бородинская битва», где находится до настоящего времени.

В январе 1813 г. начался Зарубежный поход русской армии, впереди были новые сражения, ранения и награды и, наконец, торжественное вступление в Париж 19 марта 1814 г. Конные артиллеристы Никитина разместились лагерем на Марсовом поле, а сам генерал получил почетное задание принять и учесть трофеи, хранившиеся в парижских арсеналах.

В Петербурге на окраине города для встречи победителей возводятся триумфальные Нарвские ворота. На российских предприятиях изготавливались тарелки, блюда, вазы, кружки с портретами героев недавних сражений, а на Императорском стекольном заводе были сделаны бокалы с изображением генерала Никитина.

По возвращении в Россию А.П. Никитин назначается начальником артиллерии Гренадерского корпуса. Вскоре состоялась свадьба Алексея Петровича и Елены Сергеевны Яковлевой, внучки зна-

менитого купца-миллионера Саввы Яковлева. Семейное счастье оказалось недолгим: 7 августа 1817 г. при рождении дочери Елизаветы Елена Сергеевна умерла.

В начале 1820-х гг. английским портретистом Джорджем Доу написан портрет генерала Никитина для Военной галереи 1812 г. Русские военачальники позировали Доу в отведенной ему огромной мастерской в Шепелевском дворце, находившемся на месте Нового Эрмитажа. Посещая Государственный Эрмитаж, обязательно обратите внимание на портрет А.П. Никитина, в Военной галерее он находится справа от портрета Александра I в четвертом вертикальном ряду.

В 1829 г. А.П. Никитин назначен командиром резервного кавалерийского корпуса, а в 1840-м — инспектором всей резервной кавалерии. К этому времени относится его портрет работы польского художника Каневского, хранящийся в Тверской областной картинной галерее. Ян Ксаверий Каневский с 1842 по 1846 г. жил и трудился в Петербурге, он автор многочисленных портретов членов царской семьи, в том числе императора Николая I, а также портретов фельдмаршала Паскевича, президента Императорской Академии наук Уварова, министра народного просвещения Ширина-Шихматова и других.

В Тверскую картинную галерею портрет Никитина поступил в 1923 г. из усадьбы Боровно Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, принадлежавшей роду Манзей. Здесь нужно вспомнить, что хозяин усадьбы Боровно Николай Логгинович Манзей являлся свяком Алексею Петровичу Никитину, они были женаты на сестрах. Вероятно, поэтому некоторые вещи и попали в Тверскую губернию.

В фондах Тверской областной картинной галереи также хранится литография портрета графа А.П. Никитина, выполненная французским художником П.Э. Демезоном, с дарственной надписью модели генерал-майору Н.Л. Манзею. В галерею она поступила в 1937 г. из краеведческого музея и, скорее всего, ранее также находилась в усадьбе Боровно. Нетрудно определить, что литография выполнена с портрета работы Каневского, но с некоторыми изменениями. Возможно, экземпляр именно этой литографии подарил Никитин художнику Микешину в знак благодарности за картину о сражении под Красным.

А совсем недавно был обнаружен еще один портрет генерала А.П. Никитина. В сентябре 2011 г. один из московских антикварно-аукционных домов выставил на продажу портрет безымянного ге-

нерала работы неизвестного художника середины — второй половины XIX в. Большого интереса портрет не вызвал, и его продали какому-то частному коллекционеру за первоначальную цену 150 тысяч рублей. Информация о торгах и изображение портрета, размещенные на сайте антикварного дома, привлекли внимание знатоков и любителей искусства. В мае 2012 г. в Интернете сразу на двух форумах, военно-историческом и форуме коллекционеров, развернулась оживленная дискуссия по поводу того, кто изображен на портрете. Основой для поиска послужили ордена на генеральском мундире.

Знатоки сразу отметили, что манера ношения наград соответствует концу царствования Николая I или началу времени Александра II. Одет генерал в мундир образца 1855 г., на портрете можно различить украшенную алмазами звезду ордена св. Андрея Первозванного, что являлось наградой очень редкой, ведь даже прославленные фельдмаршалы Кутузов и Барклай де Толли не были ею удостоены. И уж совсем немногие из доживших до 1855 г. генералов имели орден св. Иоанна Иерусалимского, существовавший при Павле I. В результате после обсуждения в списке кандидатов осталось только одно имя — Алексей Петрович Никитин. Сравнение с портретом работы Каневского, хранящимся в Тверской областной картинной галерее, развеяло последние сомнения. Это действительно Никитин!

Трудно найти другого генерала, имевшего столько наград самого высшего достоинства, как Никитин. Иногда даже можно встретить утверждение, что Алексей Петрович являлся кавалером всех российских орденов высших степеней. На самом деле это не совсем верно, он не имел орденов св. Станислава и св. Екатерины, последним удостоивались только женщины (единственное исключение — сын А. Меншикова Александр). Кроме того, орден св. Георгия у Никитина был 3-го класса. Зато он трижды награждался золотой шпагой и получил иностранные ордена: прусский орден Красного Орла 2-й степени и австрийский орден Леопольда 2-й степени. И еще одну очень редкую и высочайшую награду можно увидеть на портрете — двойной миниатюрный портрет императоров Николая I и Александра II в рамке, украшенной бриллиантами и увенчанной императорской короной. Таким двойным портретом за всю историю Российской империи награждены всего лишь несколько человек.

Автор найденного портрета остается неизвестным, высказывалось предположение, что им мог быть М.О. Микешин, но это очень

спорный вывод, портрет явно написан зрелым мастером и не соответствует особенностям ученических работ М.О. Микешина. Возможная дата создания картины — 1857 г. Никитин почти три десятилетия прослужил на Украине и вернулся в Санкт-Петербург только в конце сентября 1856 г., а умер в феврале 1858-го. Не исключено, что портрет писался в Коломягах, в усадьбе, полученной его дочерью Елизаветой Алексеевной (в замужестве Орловой-Денисовой) в наследство от деда.

В наши дни имя Алексея Петровича Никитина носят 1-я и 2-я Алексеевские и Никитинские улицы в Коломягах. В 2012 г., когда в нашей стране отмечалось 200-летие победы над Наполеоном, официальное имя получил безымянный мост-плотина у Графского пруда, в результате чего образовался новый топонимический куст: Никитинский мост находится рядом с Никитинской усадьбой и по нему проходит 1-я Никитинская улица.

А. Ф. Векслер

Генерал В.П. Свиридов. (К 70-летию полного освобождения Ленинграда от блокады)

Шёл 1943 год, который позже историки назовут годом решительного перелома хода Великой Отечественной войны: в результате побед под Сталинградом и на Кавказе, в Курской битве и на Днепре стратегическая инициатива на всех участках советско-германского фронта перешла к советским вооружённым силам. После прорыва в январе 1943 г. блокады Ленинграда, восстановления сухопутной связи со страной значительно улучшились условия жизни и боевой деятельности героических защитников города, функционирования его промышленности. Существенно изменялась и обстановка на Ленинградском фронте.

«В начале сентября штаб Ленинградского фронта начал получать сообщения о начавшейся эвакуации тыловых объектов из ряда занятых противником районов Ленинградской области, — пишут в своей книге “Боевые действия по деблокаде Ленинграда. 1941—1944” военные историки А.И. Бурлаков и А.В. Похилук. — В директиве штаба... командующим 42, 55, 67, 23, 2 ударной армий, Приморской оперативной группы, командующим КБФ и 13 воздушной армии 2 октября сообщалось о том, что “в сентябре месяце немцы приступили к экономической эвакуации Волосовского, Красногвардейского, Лужского, Псковского и других районов Ленинградской области. По показаниям пленных, ведется подготовка к отводу части сил 18 армии. Одновременно противник начал восстанавливать тыловые рубежи: 1. Ропша, р. Ижора; 2. Копорье,

Волосово, Вырица; 3. По реке Мга; 4. Ульяновка, Тосно; 5. По реке Оредеж; 6. Реке Луга»¹.

Из этих сообщений в директиве штаба фронта был сделан вывод, что в зависимости от общей обстановки на фронте противник может быть вынужден к частичному ослаблению сил или изменению линии фронта на ленинградском направлении путём последовательного отвода сил на подготовленные рубежи. На основе этого вывода директива приказывала армиям Ленинградского фронта, одновременно с подготовкой операции прорыва, по установлению подготовки противника к отходу быть готовыми, не ожидая готовности по операции прорыва, не позволить противнику оторваться, уничтожить его прикрывающие части, перейти в решительное наступление для разгрома северного крыла 18 армии противника»².

Так начиналась разработка плана наступательной операции по освобождению Ленинграда от блокады, получившей в дальнейшем названия «Нева-2», «Январский гром».

Для героя настоящей статьи командующего 55-й армией генерал-лейтенанта В.П. Свиридова и командующего 67-й армией генерал-лейтенанта М.П. Духанова операция «Нева-2» началась с ряда организационных забот, связанных с предпринятым командованием Ленинградского фронта с ведома Ставки Верховного Главнокомандующего расформированием полевого управления 67-й армии и подчинения его полковому управлению 55-й армии: 23 декабря 1943 г. обе армии, выполнившие свои задачи по обороне города и прорыву блокады Ленинграда, преставали существовать как армии «подвижной обороны», и создавалась наступательная 67-я армия второго формирования, в задачу которой входило освобождение Ленинграда и разгром противника на территории Ленинградской области с выходом на территорию прибалтийских республик. Командующим новой 67-й армии назначался В.П. Свиридов, а М.П. Духанов был назначен заместителем командующего войсками 8-й гвардейской армии 3-го Украинского фронта.

¹ Директива № 0050/Оп (ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 2186. Л 129–133) цитируется по кн.: Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / Под ред. Н.Л. Волковского. М.; СПб.: Полигон. 2005. С. 373–376.

² *Бурлаков А.И., Похилюк А.В.* Боевые действия по деблокаде Ленинграда. 1941–1944. СПб.: ЭкспоМедиа, 2010. С. 170–171.

Биографию Владимира Петровича Свиридова (1897–1963), как и историю 55-й армии, которой он командовал с 17 ноября 1941 г., по архивным документам, воспоминаниям современников и самого Свиридова восстановили краеведы из современного микрорайона Рыбацкое, старого приневского села, где 2,5 военных года находились штаб и некоторые подразделения 55-й армии и где на Казанском кладбище покоятся погибшие в боях воины этой армии³.

В.П. Свиридов (при рождении Филимон Свирид) родился в белорусской деревне Козуличи. Белорусский юноша окончил учительскую семинарию, где готовили преподавателей начальных школ, но учителем стать не успел — началась Первая мировая война, и он поступил в Виленское юнкерское училище, получил офицерский чин в октябре 1916 г. и принял боевое крещение командиром пехотного взвода в тяжелейших боях под Барановичами. Когда прапорщика Свирида откомандировали на артиллерийские курсы, он ещё не оставлял мечты об учительском деле, но судьба распорядилась иначе, определив для него выбор военной специальности на многие годы. В феврале 1918 г., после распада Российской армии молодой офицер поступил в Могилевский педагогический институт. Едва окончив первый курс, был мобилизован в Красную армию и участвовал в польской кампании. Затем — служба в строевых частях и учеба в академии: обычная биография красноармейского командира. Большинство таких биографий трагически оборвалось в конце 1930-х гг. Филимону Свириду, ставшему к этому времени Владимиром Свиридовым, в этой дьявольской лотерее повезло. Он уцелел — возможно, потому, что в самое страшное время, приняв имя Владимира Свиридова, учился в Академии Генерального штаба.

К началу Великой Отечественной войны он в звании генерал-майора командовал артиллерией Ленинградского военного округа. Как заместитель командующего Ленинградским фронтом Свиридов стал одним из организаторов обороны Лужского рубежа. В те дни немцы неожиданно для всех споткнулись о сопротивление группировки, основу которой составили около 200 тысяч вооруженных горожан. Благодаря героизму ополченцев и умелому управлению войсками общая неудача немецкого наступления на Ленинград была предпрещена в ожесточенном сражении, которое разыгралось между рекой Лугой и южными окраинами города в конце лета 1941 г.

³ Герои нашей армии. Выпуск третий / Сост. А.Ф. Векслер. СПб.: Рыбацкое. 2010.

«Сам не понимаю, как нам это удалось», — признавался отставной генерал через много лет. Тем не менее, высшее командование заметило мастерство и мужество военачальника, наградив его одним из первых полевых командиров (тогда преимущественно награждались лётчики и танкисты) орденом Красного Знамени.

17 ноября 1941 г. Свиридова назначают командующим 55-й армией, которая занимала участок фронта от Ивановских порогов на Неве до окраины города Пушкина. У Свиридова хватило мужества правильно оценить обстановку и, рискуя по меньшей мере карьерой, отдать приказ о переходе к обороне. 55-я армия — «армия подвижной обороны», как называют такие армии в военной теории, была хорошо известна в блокадном Ленинграде и регулярно пополнялась добровольцами — жителями города и области, приходившими на сборный пункт в один из домов на окраине Рыбацкого. Многие воины соединений 55-й армии стали героями городских радиопередач, радио передавало выступления хора и солистов армейского агитвзвода, молодёжный танцевальный ансамбль армейского политотдела давал концерты в частях и соединениях Ленинградского фронта, выходила армейская «Красноармейская газета». Редакция газеты подготовила и издала в 1942 и 1943 гг. два выпуска книги «Герои нашей армии».

Осенью 1943 г. в звании генерал-лейтенанта он принял командование 67-й армией, вступив в тяжелые бои за Горбовскую переправу между Псковом и Островом. Его солдаты двигались через Лугу и Струги Красные на Псков, в обратном направлении линии немецкого главного удара лета 1941 г. Приняв командование 67-й армией, генерал-лейтенант Свиридов вместе с назначенным начальником штаба генерал-майором А.С. Цветковым (бывшим начальником штаба 55-й армии), членами Военного совета генерал-майорами А.Е. Хмелем из 67-й армии и Г.П. Романовым из 55-й тщательно формировал командный состав полевого управления соединения, имея возможность выбора наиболее способных офицеров из числа служивших в обеих армиях. Так, командование артиллерийскими силами 67-й армии второго формирования осуществляли гвардии полковник Леонов и его заместители подполковники Козлов и А. Рассказов, должность начальника разведывательного отдела сохранил полковник А.П. Костров, начальника политотдела — генерал-майор Ф.Н. Воронин, начальником тыла армии стал генерал-майор интендантской службы Е.Е. Цуканов, бывший заместитель командующего 55-й армией. Начальником инженерной

службы на первом этапе формирования новой 67-й армии оставался полковник С.И. Лисовский, а с его переходом в Войско Польское инженерные войска армии возглавил генерал-майор С.Ф. Чепуров. Химической службой продолжал руководить подполковник А.А. Сумиков. Начальником отдела и войск связи был назначен опытный военный радист из 55-й армии полковник П.В. Корпяков.

По сообщению автора книги по истории 67-й армии Г.Г. Мирошниченко⁴, в штабе тыла 67-й армии второго формирования на ранее занимаемых должностях оставлена часть офицеров 67-й армии. «Таковыми были: интендант армии полковник И.П. Тищенко, начальник медицинского отдела подполковник медицинской службы А.А. Асатурян, начальник автомобильного отдела подполковник В.И. Коробков, начальник отдела снабжения горюче-смазочными материалами инженер-подполковник В.А. Иерусалимский, начальник военных сообщений подполковник Г.Г. Мирошниченко и другие, которым было поручено укомплектовать свои отделы и службы офицерскими кадрами за счёт отделов и служб двух формирований армии с учётом их деловых качеств...».

Первоначально в состав обновлённой 67-й армии были включены 13-я, 46-я и 376-я стрелковые дивизии из 55-й армии, объединённые в 116-й стрелковый корпус, 124-я, 128-я, 268-я стрелковые дивизии из 67-й армии (118-й стрелковый корпус), отдельная 291-я стрелковая дивизия, войска 14-го укрепленного района из 55-й армии, артиллерийские и бронетанковые части, входившие в состав обеих армий и в резервы Главного командования и командования Ленинградского фронта, четыре отдельных инженерных батальона, 84-й отдельный полк связи, 8-й отдельный огнеметный батальон⁵. Столь мощная наступательная армия формировалась для решения первой задачи — освобождения Ленинграда от блокады и разгрома немецких войск на территории Ленинградской области. В дальнейшем состав армии менялся в зависимости от поставленных перед ней конкретных тактических задач.

Командарм Свиридов был хорошо знаком с командирами всех соединений и офицерами штаба своей новой армии. Это были опытные военачальники, сражавшиеся под его командованием в 55-й

⁴ *Мирошниченко Г.Г.* Рождённая блокадой. СПб., 2001. С. 180.

⁵ Боевой состав Советской армии. Часть IV (январь–декабрь 1944 г.) / Военно-научное управление Генерального штаба. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1966. С. 9.

армии (многих он представлял к высоким воинским наградам за их мужество и самоотверженность, проявленные при выполнении воинского долга) или выполнявшие схожие боевые задачи на стыках с 55-й армией в составе 67-й, 42-й, 8-й и 2-й Ударной армий Ленинградского фронта. В директивах штаба фронта 55-я и 67-я армии почти всегда упоминались вместе, если шла речь о решении какой-либо стратегической задачи.

В архивах Министерства обороны нам удалось найти награжденные документы многих упомянутых выше офицеров и хотя бы частично восстановить их биографии, чему помогли и сведения, публикуемые многочисленными исследователями обороны Ленинграда на интернет-форумах, относящихся к истории Вооружённых сил СССР.

Не имея возможности привести здесь выявленные нами биографии многих офицеров 67-й армии второго формирования, расскажем о двух вполне легендарных личностях.

Это, прежде всего, начальник политотдела армии Федор Николаевич Воронин (1900–1980), Теодор-Николай Айлей, подлинная фамилия Мак-Доннах. Его предки в XVIII в. были вынуждены бежать с Гебридских островов (Шотландия) в Россию, где за успешную службу пожалованы землями на территории Польши, Восточной Белоруссии и в Угличской губернии. После 1917 г. большинство представителей семьи оказалось в Европе, а Теодор-Николай, приняв имя Федора Николаевича Воронина, поступил в Красную армию, стал членом ВКП(б), участвовал в гражданской войне, в военных действиях на реке Халхин-Гол⁶. Окончил Военно-политическое училище. Великую Отечественную войну встретил политработником в Одессе. Награжден медалями «XX лет РККА» и «За оборону Одессы», орденами Красного Знамени и Красной Звезды. В 1942 г. начальник политуправления 57-й армии Южного фронта. 6 декабря 1942 г. Ф.Н. Воронину присвоено звание генерал-майора, а в ноябре следующего года он назначен начальником политотдела 67-й армии Ленинградского фронта. «Повседневно связан и хорошо знает состояние работы политорганов, — сказано в представлении Ф.Н. Воронина к награждению орденом Красного Знамени в августе 1944 г. — Часто выезжает в

⁶ Сведения с сайта «Невыдуманные истории о Второй мировой войне» www.world.war.ru (обращение 01.06.2013). Остальные сведения из ОБД «Подвиг народа в Великой Отечественной войне. 1941–1945».

действующие части и непосредственно на местах помогает политорганам налаживать партполитработу. Своевременно влияет на выполнение задач, поставленных командованием задач. В боевой обстановке тверд и решителен, требователен к себе и к подчиненным». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1944 г. награжден орденом Отечественной войны I степени (номер записи в ОБД «Подвиг народа...»: 18963343).

Георгий Тимофеевич Земляков (род. в 1900) участник военных действий против Деникина и Махно в 1918–1920, участник подавления антоновского мятежа на Тамбовщине в 1912 г. В мае — октябре 1919 г. находился в плену у Деникина, откуда бежал и поступил в РККА. Великую Отечественную войну встретил в звании бригадного комиссара в Таллине, где в течение 35 дней как военный комиссар руководил отрядом моряков Пярнуского направления. 22 августа вывел отряд из окружения, прикрывая его отход с группой в 18 человек, с которой с боем прорвался к своей части. Заместителем начальника Политуправления КБФ представлен к награждению орденом Красного Знамени, которым и был награжден приказом командующего КБФ (номер записи в ОБД «Подвиг народа...»: 50043985). После сентября 1941 г. служил в политотделе 55-й армии, с ноября 1943-го — заместителем по политчасти начальника штаба 67-й армии. «Имея большой опыт партийно-политической работы, мобилизует коммунистов и комсомольцев штаба на превращение его в действенный орган управления войсками», — записано в его наградном листе. Приказом командующего Ленинградским фронтом от 10 марта 1944 г. № 0320/н награжден орденом Отечественной войны I степени (номер записи в ОБД «Подвиг народа...»: 28975042), приказом командующего 3-м Прибалтийским фронтом от 28 августа 1944 года № 0313 награжден орденом Красной Звезды (номер записи в ОБД «Подвиг народа...»: 28655420). Награжден орденом Знак Почёта (1941) и медалью «За оборону Ленинграда» (1943).

После освобождения Ленинграда от блокады части 67-й армии двигались через Лугу и Струги Красные на Псков. За зимнюю кампанию 1944 г. Свиридов получил высшую из своих наград — платиновую звезду ордена Суворова I степени (другие командармы Ленинградского фронта давно ходили в Героях Советского Союза). В ночь на 4 марта 1944 г. у деревни Подборье «виллис» командарма подорвался на mine. Генерал был тяжело ранен и контужен. Ещё находясь в госпитале, с благословения медиков, сделавших всё,

чтобы последствия ранения не угрожали жизни, он принял командование 42-й армией, которая вскоре освободила Псков. 12 октября 1944 г. 42-я армия вышла к предместьям Риги и готовилась освободить город от врага (за освобождение столицы союзной республики командарму присваивалось звание Героя Советского Союза), но решением Ставки Верховного Главнокомандующего на Ригу с другого участка фронта были переброшены войска под командованием генерала И.И. Масленникова из НКВД, недавно назначенным заместителем командующего Ленинградским фронтом. Видимо, очередь В.П. Свиридова ещё не пришла. Но вот строки из представления нашего героя к награждению за действия вблизи Риги, подписанные командующим войсками 2-го Прибалтийского фронта генерал-полковником М.М. Поповым и членом Военного совета генерал-лейтенантом В.Н. Богаткиным:

«Войска 42 Армии под командованием Генерал-лейтенанта СВИРИДОВА, выполняя поставленную перед ними задачу, успешно провели операцию по освобождению столицы Советской Латвии г. Рига.

На всем протяжении операции Генерал-лейтенант СВИРИДОВ проявлял личное мужество и умело руководил боевыми действиями частей армии.

За умелое и успешное руководство войсковыми соединениями армии Генерал-лейтенанта СВИРИДОВ заслуживает награждения орденом ЛЕНИНА».

После долгих и, скорее всего, нелюбимых объяснений генерал-лейтенант В.П. Свиридов Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 г. (!) был награждён орденом Кутузова II степени (номер записи в ОБД «Подвиг народа...»: 46483480).

Незадолго до конца войны Свиридов был направлен в Будапешт заместителем председателя Союзной контрольной комиссии. Номинальный председатель комиссии К.Е. Ворошилов неотлучно находился в Москве, и его заместитель фактически был советским наместником в Венгрии. Так генерал Свиридов стал дипломатом.

В 1947 г., после расформирования Контрольной комиссии в Венгрии, он становится командующим Отдельной армией в Румынии, а ещё через год — главнокомандующим Центральной группой войск и верховным комиссаром СССР по Австрии. В течение самого острого периода «холодной войны», оставаясь в относительно скромном звании генерал-лейтенанта, он фактически управлял оккупированной Австрией, а заодно командовал войсковым объеди-

нением, занимавшим ключевое положение в центре Европы. В Австрии он прослужил до 1952 г.

После возвращения из Австрии генерал Свиридов несколько лет служил в командовании ПВО под руководством своего фронтового начальника маршала Л.А. Говорова. Министром обороны в то время был Г.К. Жуков. Они хорошо знали друг друга еще по довоенной службе и по событиям под Ленинградом в 1941 г. После смерти Говорова Жуков предложил Свиридову занять маршальскую должность командующего ПВО страны, однако генерал Свиридов отказался от назначения и подан рапорт об отставке. Случилось это весной 1957 г. Вскоре отправился в отставку и Жуков. Опальный генерал поселился в скромной, полученной еще до войны ленинградской квартире на четвертом этаже в доме без лифта. Когда тяжело заболела жена, единственный раз в жизни обратился к властям: попросил предоставить любое жилье на первом этаже, но получил отказ. Писал книгу, над которой работал вместе с генералом Якубовичем, когда-то командовавшим дивизией в армии Свиридова, и военным журналистом Василенко. Генералы хотели оставить воспоминания с профессиональным анализом боевых действий, собственноручно вычертили тактические схемы, но книга «Битва за Ленинград»⁷ вышла в свет полностью лишенной мемуарного оттенка. Из нее была изъята, например, глава, посвященная окружению и разгрому 2-й ударной армии. В этой главе Свиридов пытался разобраться в том, что тогда произошло. Настоящих воспоминаний генерал Свиридов написать не успел. Он скоропостижно скончался весной 1963 г.⁸

После выхода в марте 1944 г. за пределы освобожденной от врага Ленинградской области и ранения В.П. Свиридова 67-ю армию под командованием генерал-лейтенанта В.З. Романовского передали во вновь сформированный III Прибалтийский фронт. Хотя боевой путь 67-й армии второго формирования формально описан в упомянутой выше книге Г.Г. Мирошниченко, её история ещё требует изучения с привлечением архивов Министерства обороны, над чем сегодня работают краеведы Рыбацкого и Колтушей — мест, откуда начинался победоносный боевой путь соединения к берегам Рижского залива.

⁷ Свиридов В. П., Якутович В. П., Василенко В. Е. Битва за Ленинград. 1941—1944. Л.: Лениздат, 1962.

⁸ Дм. Шарипо. Владимир Петрович Свиридов / Герои нашей армии. Выпуск третий. Указ. изд. С. 231—233.

В.И. Карлик

Петербург — кузница кадров президентов США

Из истории России известно, что к управлению государством приходили выходцы из Скандинавии, Германии, люди, не один год прожившие за рубежом. В то же время к руководству многих стран или в царствующие дома, например, Франции, Великобритании, попали те, кто ранее проживал в России. Среди них несколько президентов США, часть жизни проработавших в нашем Петербурге.

С 1825 по 1829 г. шестым президентом США, и первым «питерским», был республиканец Джон Куинс Адамс (1767–1848), сын будущего второго президента США Джона Адамса.

Первая дипломатическая миссия Соединенных Штатов была организована в России, в Санкт-Петербурге, в 1780 г. В 1781 г. Джон Куинс впервые был направлен в Россию переводчиком вместе с дипломатом Ф. Дейне, поскольку юный Джон свободно владел французским языком, языком дипломатии. Считается, что он успел поучиться в Петербургском университете. Джон К. Адамс учился в Гарварде, знал несколько классических и европейских языков, был профессором Гарвардского университета.

5 ноября 1809 г. Джон Куинс представил верительные грамоты императору Александру I и стал первым настоящим «полномочным министром» США в России, получившим на это право от американского сената. Послом Адамс служил в России во время наполеоновских войн, включая период Отечественной войны 1812 г. Адамс активно работал в Петербурге и содействовал упрочению российско-американских отношений. У него сложились особые личные

отношения с Александром I, с которым они часто встречались на прогулках. Джон Куинс покинул Петербург в 1814 г. потому, как он написал президенту Мэдисону, что не мог нести расходы, которые налагала на него работа.

Супруга первого посла Америки в России Луиза Адамс была настоящей светской львицей, её изящные манеры, игра на арфе, умение принять сторонников способствовали карьере мужа. Как и мать мужа, она сыграла огромную роль в «женской истории» Белого дома. Верные соратницы своих мужей определили образ жены президента, которому старались следовать другие первые леди. В петербургской земле у Адамсов осталась умершая от болезни дочь.

В 2004 г. в память о жизни и деятельности Джона К. Адамса в Петербурге на фасаде дома на набережной реки Мойки, 66 была открыта памятная доска.

В 1815–1817 гг. Адамс был посланником США в Англии, с 1817 по 1824 г. работал государственным секретарем. Адамс был одним из главных авторов знаменитой американской внешнеполитической «доктрины Монро», оправдывавшей претензии США на американский континент. Умер Джон Куинс Адамс в феврале 1848 года¹.

Следующим «питерским» президентом США был избранный в 1856 г. демократ Джеймс Бьюкенен, пятнадцатый президент США с 1857 по 1861 г. Он родился в апреле 1791 г. в Пенсильвании. Сначала юный Бьюкенен обучался на дому, а потом посещал деревенскую школу. Позже, в 1809 г., окончил колледж. В этом же году переехал в Лэнкэстер, штат Пенсильвания и приступил к изучению права. По окончании обучения начал практическую деятельность в Лэнкэстере.

Джеймс Бьюкенен одним из первых записался добровольцем в армию США во время англо-американской войны 1812–1814 гг. и участвовал в обороне Балтимора. В 1814–1815 гг. Бьюкенен был

¹ Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1969–1977. Т. 1. [Адамс К. Джон. С. 214]; Т. 16. [Болховитинов Н.Н. Доктрина Монро. С. 541]; Трубочев Б. Первый посланник, шестой президент // С.-Петерб. ведомости. 2007. 6 марта; Черемушкин П. Шестой президент США был тоже «питерский» // Известия. 2008. 16 янв. С. 6; Выставка «Российско-американские отношения: 200-летняя история дипломатии». СПб. [Музей-усадьба Г.Р. Державина]. 2009, ноябрь.

членом Палаты представителей штата Пенсильвания, с 1821 по 1831 г. избирался конгрессменом.

С 1832 по 1834 г. он служил «чрезвычайным посланником и полномочным министром» в России Николая I. Бьюкенен должен был заключить договор и Конвенцию о нейтральных правах на море и понимал, что выполнить задачу будет весьма непросто. Поэтому он старался убедить российское правительство, что подписание Конвенции будет выгодно обеим сторонам. Американский посланник завел в России много друзей, часто появлялся в свете с целью изучения обстановки.

Вначале все складывалось удачно, Конгресс одобрил законопроект о снижении пошлин. Но внезапно Николай I отказал американскому посланнику в подписании конвенции. Дело в том, что в те годы министром иностранных дел Российской империи был Канкрин, придерживающийся протекционистских взглядов. Бьюкенену, подчеркнувшему значение черноморской торговли, удалось добиться в декабре 1832 г. подписания договора, который предусматривал свободную торговлю жителей обеих стран вдоль побережья. Бьюкенен выполнил свою первую задачу. Что же касается договора о морском нейтралитете, то он не был заключен.

Бьюкенен был первым американским посланником, который не жаловался на климат. В своих письмах сестре он отмечал, что в России его окружают очень интересные и доброжелательные люди, хотя с сожалением говорил, что ему тяжело жить в стране, где полностью отсутствует свобода печати и общественного мнения. Ему удалось наладить отношения между нашими странами и оставить о себе благоприятное впечатление: Николай I просил передать президенту Джексону, чтобы новый американский посланник оказался бы таким, каким был Бьюкенен.

Вернувшись из России, Бьюкенен избирался сенатором по 1845 г., в 1845–1849 гг. занимал пост государственного секретаря, стал одним из организаторов американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. До избрания президентом работал послом в Великобритании.

В 1854 г. Бьюкенен принял участие в подготовке Остендского манифеста — секретного плана (оставшегося нереализованным), предложенного руководителями трех американских дипломатических миссий в Европе. Их план предусматривал насильственный захват Кубы, принадлежавшей в то время Испании, в случае отказа последней от продажи ее США. Авторы манифеста считали, что иначе возможное восстание рабов на Кубе дестабилизирует ситуа-

цию на Юге США. Однако присоединение Кубы привело бы к появлению еще одного рабовладельческого штата.

Укрепив свои позиции на Юге, Бьюкенен сумел добиться выдвижения своей кандидатуры, а затем и избрания в 1856 г. президентом. На посту президента он препятствовал деятельности сторонников отмены рабства и, напротив, добивался исполнения Закона о беглых рабах 1850 г., по которому предусматривалось их преследование на территории свободных штатов. Бьюкенен поддерживал сторонников рабства на территории Канзас, где решался вопрос о вступлении Канзаса в Союз в качестве свободного или рабовладельческого штата.

Историки обвиняют Бьюкенена, что 15-му президенту США не удалось предотвратить гражданскую войну в стране. По их мнению, Бьюкенен не предпринял достаточно усилий, чтобы выступить против Юга. Более того, после победы А. Линкольна на президентских выборах 1860 г. Бьюкенен использовал последние месяцы пребывания у власти для усиления военной мощи Юга.

Дж. Бьюкенен, по слухам, очень гордился маленьким размером своей ноги, хотя был весьма крупным мужчиной. Он стал первым и остался единственным холостым хозяином Белого дома. После ухода с президентского поста он отказался от политической деятельности, до самой смерти 1 июня 1868 г. жил в своем имении в Пенсильвании².

Очередной «питерский» президент США был избран в XX в. В августе 1874 г. в небольшом городке штата Айова в семье кузнеца родился Герберт Кларк Гувер. В 1895 г. по окончании Стэнфордского университета он приобрел специальность горного инженера.

В 1892–1893 гг. были открыты богатейшие месторождения в Западной Австралии, которые разрабатываются до сих пор. В числе людей, разбогатевших во время золотой лихорадки на знаменитой «золотой миле» в Калгурли, был горняк Герберт Гувер. В 1899 г. он женился на Лу Генри — однокашнице по университету. Лу Гувер была первой женщиной — дипломированным геологом. В 1908 г. Гувер открыл в Лондоне и Сан-Франциско конторы технической и

² Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. — М.: Сов. энцикл., 1969–1977. Т. 4. [Бьюкенен. С. 191]; *Антонова И.* Американские посланники в России: Джеймс Бьюкенен // URL: <http://www.ushistory.ru/esse/123-dzhejms-bjukenen> (обращение 22.07.2013).

финансовой помощи горным предприятиям ряда стран, и его узнали как международного эксперта горного дела.

С 1909 г. Гувер регулярно бывал в России и стал российским, петербургским в частности, промышленником. В Петербурге он сотрудничал с крупнейшим финансистом России начала XX в. А.И. Путиловым, председателем правления Петербургского частного коммерческого банка А.А. Давидовым, членом Государственного совета от промышленности, выпускником Петербургского горного института, выходцем из крестьян, бывшим молотобойцем и кузнецом Ф.А. Ивановым и другими деловыми людьми.

С 1910 г. Гувер участвовал в организации производства на предприятиях акционерного общества Кыштымских горных заводов на Урале, считая эту компанию наиболее перспективной. Перед Первой мировой войной на заводах общества работало более 15 тысяч рабочих. По одной из уральских легенд, у Гувера в Кыштыме в 1912 г. родился сын.

Гувер избирался директором всех дочерних фирм Русско-Азиатской корпорации. Возглавлял инвестиционный трест «Интернэшнл рашен синдикат», который участвовал в создании в 1912 г. Таналыкской корпорации по добыче полезных ископаемых на Южном Урале. Гувер был держателем контрольного пакета акций шести нефтяных компаний, действовавших в Майкопе, являлся директором правления компании, добывавшей грозненскую нефть.

После начала Первой мировой войны Гувер вернулся в США. В 1919 г. он возглавил «Американскую администрацию помощи» (АРА), организованную для поставок гуманитарной помощи пострадавшим в войне странам Европы. С 1921 по 1928 г. он занимал в США пост министра по продовольствию и министра торговли.

В 1921 г. во время голода в Советской России Гувер руководил поставками продовольствия в Поволжье по линии АРА. Возможно, на его деятельность повлияла память о жизни и работе в России. 26 июля 1921 г. глава АРА Г. Гувер обратился к М. Горькому с предложением предоставить пищу, одежду и лекарства для 1 млн. детей России. 28 июля 1921 г. М. Горький от имени правительства России ответил о принципиальном согласии со всеми выдвинутыми условиями и о скорейшей необходимости переговоров.

Договор Советского правительства с АРА предусматривал создание американцами системы помощи только голодающим детям.

Первоначально АРА обязалась безвозмездно накормить 1 млн. детей. Однако уже к зиме 1921 г. стало очевидно, что эта цифра не соответствует реальным масштабам трагедии. К тому времени голодало уже около 10 млн. человек, из них половина — дети. АРА пересмотрела свои обязательства. В 1922 г. на довольствии АРА состояло 3,9 млн. детей и 5,5 млн. взрослых. Для взрослых, питание которых АРА начала с зимы 1922 г., паек достигал 1236 калорий в сутки и выдавался на руки в сухом виде.

Согласно предварительному отчету Гувера президенту США, на 1 июля 1922 г. в той или иной форме в Советской России помощь АРА получили около 20 млн. человек, в т.ч. продовольственную — около 10 млн., на общую сумму в 59 500 000 долларов объемом около 800 тысяч тонн продукции. Питание выдавалось населению бесплатно. Наряду с продовольственной помощью АРА выдавало нуждающимся мануфактуру, обувь и прочее. Оказывалась медицинская помощь, в ходе борьбы с эпидемиями АРА создала 1724 больницы и 815 амбулаторий. В сельских местностях АРА снабжала население сельскохозяйственным инвентарем и сортовыми семенами. Вместе с тем, благодаря широко развернутой деятельности в Америке, АРА способствовала ослаблению кризиса сбыта товаров, заготовленных в громадных количествах для нужд Первой мировой войны. Летом 1923 г. в связи с преодолением, в основном, последствий голода деятельность зарубежных организаций помощи голодающим в России прекратилась.

В 1928 г. Гувер был избран от республиканской партии и с 1929 по 1933 г. был 31-м президентом США. Время президентства Гувера совпало с «великой депрессией», с экономическим кризисом, который с особой силой поразил США, а затем и экономику всего мира. Это было время, когда Лу Гувер призывала дам надевать хлопчатобумажные платья для поддержания текстильной промышленности и сама подавала пример.

При президенте Гувере, несмотря на прерывание дипломатических отношений, активно развивались торговые отношения между СССР и США. Так, при американском содействии были построены и пущены в 1932 г. автомобильный завод в Нижнем Новгороде, металлургический комбинат в Кузнецке. В 1932 г. Гувер проиграл выборы Франклину Рузвельту.

После Второй мировой войны Гувер неоднократно выезжал по поручению правительства США со специальными миссиями в различные страны. Гувер был удостоен права иметь «президентскую

библиотеку» в системе национальной архивной службы. Умер Герберт Гувер в октябре 1964 года в Нью-Йорке³.

В заключение отметим, что если тема о Гувере в Петербурге поднималась⁴, то о Бьюкенене в Петербурге вообще не вспоминалось.

Экстраполируя историческую перспективу, можно предположить, что и в XXI в. на выборах президента США возможно избрание гражданина США, работавшего в Петербурге госслужащим США, а может быть, сотрудником американской или российской фирмы или учившегося на невских берегах.

Н.А. Пугачева

Спасители Петербурга и Полоцка

Полоцк – древнейший город Беларуси, ныне самостоятельно-го государства, в недавнем советском прошлом – одной из республик Советского Союза. Его называют «отцом городов белорусских». В год истории и 1150-летия российской государственности уместно будет напомнить, что Полоцк, ныне районный центр Витебской области, причастен к событиям, связанным с появлением на Руси династии Рюриковичей: «...и прия Рюрик власть один, и пришел к Ильмерю и сруби город над Волховом, и прозваша Новгород. И седе ту княжа, и раздая мужем своим волости и города рубити, овому Польтеск, овому Ростов, другому Белоозеро»¹.

В гербе небольшого белорусского города изображен корабль под парусами, свидетельство важности его географического положения на пути «из варяг в греки». Краевед-историк И.И. Калиновский заметил: «Судьбой Полоцку предназначено находиться на перекрестке европейских путей, на стыке западной и восточной цивилизаций, исторических и культурных традиций»².

Один из этих путей ведет к Петербургу. Расстояние невелико – 573 км, но его не смогла преодолеть победоносная наполеоновская армия. Именно у Полоцка, в 50 км от него, у деревни Клястицы продвижение неприятеля к столице Российской империи было остановлено. О полоцких победах над французами в Отечественной войне 1812 г. напоминает недавно восстановленный памятник на центральной площади города.

¹ *Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д.* Ладога – древняя столица Руси, СПб., 1996. С. 83.

² *Калиновский И.И.* Полоцк и его окрестности, Минск, 2005. С. 12.

³ Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1969–1977. Т. 7. [Асанов. Гувер Герберт. С. 432]; Гувер Герберт Кларк // *Барышников М.Н.* Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб.: Искусство-СПб, Logos, 1998. С. 144; Hoover Reports to President Harding on the Great American Effort There // *The New York Times*. 1922.-16 July // — URL: <http://select.nytimes.com>; *Советова А.* Жажда золота // *Машины и механизмы*. 2008. № 6. С. 77; *Стрижак Ю.* Первые Леди Америки. // *Дело*. 2006. 3 марта. С. 12; То же. 26 марта. С. 12.

⁴ *Шаву В. (Карлик В.И.).* Петербург — кузница кадров президентов США. // *Невское время*. 2004. 14 авг.

Это монумент, замечательно названный в середине XIX в. памятником «в воспоминание сражений при Полоцке в 1812 году». Уже издали видна вертикаль его восьмигранной пирамиды, завершенная чешуйчатой луковичной главкой с крестом. Трудно представить, что это восстановленный памятник, новодел. В голове не укладывается информация о его уничтожении в 1932 г. Почему? За что? Я выросла в городе, где давно не было этой мемориальной часовни, отлитой на Луганском заводе по типовому проекту петербургского архитектора Антонио Адамини. Столичный зодчий выиграл конкурс, проведенный по приказу императора Николая I. Царь повелел, чтобы памятников на местах сражений Отечественной войны 1812 г. было 16. Главный, первого класса – на Бородинском поле, в Полоцке, Клястицах, Смоленске – второго.

Все монументы при советской власти были уничтожены, за исключением смоленского. Скорее всего, причиной такого последовательного варварства был имперский, православный характер оформления: над сдвоенными колоннами возвышаются луковичные главки и двуглавые орлы. Все эти детали в полоцком памятнике возрождены на местном заводе «Технолит», как и надписи, текст которых был составлен Николаем I. Их и сейчас можно прочитать: «Битва при Полоцке 5 и 6-го августа и взятие сего города приступом 7-ого октября 1812 года. Поражение Удино и Сен-Сира графом Витгенштейном»³. Понятно, что маршал Удино и генерал Сен-Сир – полководцы наполеоновской армии, а генерал-майор Петр Христианович Витгенштейн (немец по национальности) – русской. В 1812 г. он командовал 1-м пехотным корпусом армии Барклая-де-Толли, который в трёх сражениях у Полоцка не знал поражения и тем остановил продвижение неприятеля к столице империи, а также к Пскову и Новгороду. Сам Александр I назвал графа П.Х. Витгенштейна «спасителем Петербурга». Возникает закономерный вопрос, что в городе на Неве, кроме портрета в Военной Галерее Зимнего дворца, напоминает об этом подлинном герое Отечественной войны 1812 г.? Полководческий талант Петра Христиановича, мужество и героизм его воинов сорвали план Наполеона об одновременном покорении двух столиц России, (кстати, в период Великой Отечественной войны такой же замысел врага не был осуществлен). В Петербурге нет ни памятника, ни мемориальной дос-

³ Сражение при Полоцке. 1812 год. Полоцк, 2010. С. 60.

ки, посвященной генералу, о котором русские солдаты пели «Хвала, хвала тебе герой, что град Петров спасен тобой». Петербургское купечество в благодарность за недопущение неприятеля к столице наградило П.Х. Витгенштейна крупной суммой – 150 тысяч рублей. На эти деньги граф, впоследствии генерал-фельдмаршал и светлейший князь, приобрел имение недалеко от Гатчины и Сиверской – Дружноселье, где монумента, посвященного славному полководцу и его потомкам, тоже нет, а о сохранности усадьбы говорить не приходится.

Однако, отрадно, что накануне юбилейных торжеств вышла книга А.В. Краско с актуальным названием: «Забытый герой войны 1812 года генерал-фельдмаршал П.Х. Витгенштейн», в которой сочетаются черты серьезного научного исследования и увлекательного исторического повествования. А в конце июля начале августа в Гербовом зале Зимнего дворца было представлено полотно Петра фон Хесса «Сражение при Клястицах», рассказывающее о первой яркой победе русской армии в 1812 г. Она была одержана Первым пехотным отдельным корпусом 18–20 июля под командованием П.Х. Витгенштейна, это был его звездный час как полководца, проявившего личное мужество в той битве, награжденного императором орденом святого Георгия 2-й степени. В Полоцке и Клястицах не забыли о героях Отечественной войны 1812 г., о чем свидетельствуют восстановленные памятники и в городе, и в селе. В свою очередь, проект исторической реконструкции забытого сражения при Клястицах 14 июля этого юбилейного года осуществили в деревне Мерево Лужского района петербуржцы, члены военно-исторических клубов. Так наша общая история, эпизоды военной славы, патриотический настрой объединяют города и страны.

Один из героев боев в окрестностях Полоцка – генерал-майор Яков Петрович Кульнев, портрет которого в Военной Галерее Зимнего дворца находится рядом с парадным изображением М.И. Кутузова. Кульнев, ученик Суворова, любимец солдат, командовал авангардом корпуса Витгенштейна. Именно он совершил смелую разведку боем и узнал о планах французов объединить усилия корпусов маршала Удино и маршала Макдональда для того, чтобы захватить Себежскую дорогу, ведущую к Пскову и Петербургу. Клястицкое сражение, сорвавшее этот замысел Наполеона, стало последним для генерала Кульнева, боевого соратника Витгенштейна.

Между тем, полоцкая эпопея включала в себя несколько сражений, закрепивших, а потом и завершивших первую победу. В ос-

вобождении города от французов 7 октября 1812 г. ярко проявило себя петербургское народное ополчение. Недаром Денис Давыдов писал: «Граф Витгенштейн обязан был взятием Полоцка ополчению»⁴.

Так что памятник на главной площади города посвящен петербуржцам тоже. Он был заложен 25 июня в день рождения императора Николая Павловича, а открыт 26 августа 1850 г. в присутствии цесаревича Александра Николаевича.

Возрожденный монумент предстал перед полочанами 21 мая 2010 г., а в 2009 г. археологи нашли закладной камень и медную пластину с надписью, свидетельствующую о том, что памятник будет открыт напротив Николаевского собора кадетского корпуса в воспоминание о военных событиях 1812 г. Храма давно уже нет, он был взорван в 1962 г. На его месте и месте плаца Кадетского корпуса разбит сквер и создан памятник советским воинам, погибшим при изгнании фашистов из города. Символично, что памятник освободителям Полоцка в 1944 г. находится напротив чугунной часовни, посвященной освободителям города в 1812 г. Вечный огонь горит для разделенных веками двух поколений русских воинов, как и крест над луковичной главкой парит тоже для них.

Две Отечественных войны в истории России были народными, о чем напоминает история ополчения, манифест о его сборе император Александр I подписал в лагере под Полоцком в начале июля 1812 г. Петербургское ополчение возглавил первоначально М.И. Кутузов. 1 сентября 1812 г. 15 его дружин предстали перед петербуржцами во время смотра и парада на Исаакиевской площади, где в соборе были освящены знамена с крестом и надписью «Сим победиши». Ратники отправились в поход к Полоцку на помощь корпусу Витгенштейна. В конце сентября дружины уже были на месте и П.Х. Витгенштейн устроил петербургскому ополчению смотр, остался доволен, разместил дружины по полкам в качестве резерва, а 6 октября начались жестокие бои по освобождению Полоцка от неприятеля. Русские войска получили приказ М.И. Кутузова: «Взять Полоцк». Особенно ожесточенно сражались французы в северной части города. 12-я дружина петербургского народного ополчения под командованием полковника Николаева неожиданно для неприятеля прорвалась к реке Полоте и под ураганным огнем овладела деревянным мостом, по которому освободители вошли в центр

⁴ Сражение при Полоцке. 1812 год, Полоцк, 2010. С. 71.

города. Маршал Сен-Сир так оценил действия петербургских ратников: «Бородатые люди сражались с особым ожесточением»⁵. В народе сохранилось предание, что утром жители увидели мост весь красный от крови. С тех пор 200 лет его называют Красным. 7 октября 1812 г. Полоцк был полностью освобожден после двухдневного сражения, о напряженном характере которого свидетельствует тот факт, что и маршал Сен-Сир, и граф Витгенштейн в его ходе были ранены.

В 1975 г. был построен новый мост через речку Полоту, своим оформлением напоминающий о драматических событиях 1812 г., поскольку звенья его ограды составляют щиты с изображением воинских доспехов. На том берегу, куда прорвались петербургские ополченцы, установлена мемориальная стела. Есть, наверное, несомненная историческая справедливость в том, что петербургское народное ополчение сыграло такую решающую роль в освобождении от французской оккупации Полоцка, рубежа, сковавшего на несколько месяцев силы неприятеля на пути к Петербургу. Два города совпали в своем значении для исхода Отечественной войны 1812 г., для судьбы Родины, нашего общего Отечества.

Автор Александровской колонны Огюст Монферран писал: «Граждане будут больше любить города, обогащенные памятниками, которые будут им напоминать о славе Отчизны»⁶.

Хотелось, чтобы и в Петербурге, как и в маленьком городке в Белоруссии, можно было прочитать на бронзовой доске имя полководца Отечественной войны 1812 г. П.Х. Витгенштейна, спасителя столицы империи.

⁵ Краско А.В. Забытый герой войны 1812 года генерал-фельдмаршал П.Х. Витгенштейн, М.; СПб., 2012. С. 43.

⁶ Чеканова О.А., Ротач А.Л. Огюст Монферран. Л., 1990. С. 115.

Е.А. Столбова

Консервная династия Азиберов

Работая над докладом по географии, посвященном исследователям русского Севера, я заинтересовалась историей, связанной с кладом геолога Э.В. Толля. Во время Русской Полярной экспедиции по «Таймырии» в 1900 г. он оставил ряд продуктовых складов, но одним из них не воспользовался. Этот склад и был назван кладом Толля. В 1973 г. его нашел отряд полярной научно-спортивной экспедиции «Комсомольской правды». Внутри было обнаружено 48 банок мясных консервов с надписью: «Щи с мясом и кашею, 48 порций. Ф. Азибер. С. Петербург». Больше всего меня поразило, что продукты, находившиеся в банках, оказались неиспорченными¹.

Заинтересовавшись, я решила поискать информацию о фабрике. Французский подданный Ф. Азибер приехал в Россию в 1862 г. 10 января 1863 г. им была основана фабрика по производству мясных консервов². Однако её первоначальная деятельность была связана с консервированием не мяса, а овощей, фруктов и грибов. Кроме этого, до 1877 г. на фабрике производились концентрированный кофе, абрикосовый мармелад и смородиновый сок без сахара³. Правда, овощи, грибы и фрукты тоже консервировались по способу Аппера, как в дальнейшем и мясо⁴. Пробовать консервировать мясо он начал в 1870 г.

¹ *Шпаро Д., Шумилов А.* Три загадки Арктики. Клад Эдуарда Толля. М., 1982.

² ЦГИА СПб Ф. 515. Оп. 1. Д. 578. Л. 2.

³ Шустов А.С. Санкт-Петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города. К 200-летию юбилею столицы. Иллюстрированный альманах. В 3 частях, СПб, 1903. Ч. 2. С. 2.

⁴ *Михневич В.* Петербург весь на ладони. СПб, 1874. С. 479.

В 1870 г., когда начались исследования российских консервов, технический комитет предложил французскому фабриканту Ф. Азиберу изготовить образцы консервов: вареной и жареной говядины, баранины, рубленого мяса и жидкого бульона. Образцы успешно прошли испытание в войсках и петербургских госпиталях. Все консервы кроме рубленого мяса оказались годными 5–6 лет⁵. Поэтому кроме 25000 порций немецкого либихского экстракта для Хивинской экспедиции 1873 г. Азибером были заготовлены растительные консервы. Немецкие мясные консервы не пришлись солдатам по вкусу, но зато вкус растительных консервов Азибера был ими высоко оценен⁶. В 1875 г. Главное Интендантское управление задалось целью заготовления консервов в большом количестве, но так, чтобы цена консервов не превышала цены приварка⁷, который отпускался тогда войскам.

В том же году в Санкт-Петербурге образовалось высочайше утвержденное акционерное общество «Народное продовольствие», которое тоже хотело получить долгосрочный армейский контракт⁸. В отличие от Ф. Азибера, производившего консервы по способу Аппера, там производство шло по способу А. Данилевского. Герметичная упаковка и пастеризация при высокой температуре не были предусмотрены, поэтому вкус таких мясных консервов выгодно отличался от несколько раз сваренных у Азибера. Производство постоянно расширялось, и временами на заводе перерабатывали до 250 коровьих туш в день⁹. Во время русско-турецкой войны 1876–1877 гг. по распоряжению главнокомандующего действующей армией и Главного интендантского управления Ф. Азибер и «Народное продовольствие» изготовили мясные и мясорастительные консервы для обеспечения войск. Огромный военный заказ на изготовление 7,5 миллионов порций консервов ежегодно в течение десяти лет в итоге получило общество «Народное продовольствие», потому что Главное интендантское управление предпочло русского производителя компании, принадлежащей иностранцу.

⁵ *Тяжелов Д.В.* Диссертация на степень доктора медицины «Материалы к вопросу о питательности жестяночных консервов Азибера». СПб, 1889. С. 4.

⁶ *Флоринский В.А.* Диссертация на степень доктора медицины «Питательное значение консервов Миллера». СПб. 1889. С. 4.

⁷ Приварок — довольствие в виде горячей, готовой для еды пищи.

⁸ *Белов А.* Производство и транспорт консервов. М., 1891. С. 15.

⁹ Там же. С. 18.

Но большая часть консервов испортилась либо в пути, либо в местах хранения, Бухаресте и Галаце. Причиной тому послужила плохая перевозка и хранение, а также слишком короткий срок, данный производителям на заготовку консервов¹⁰. Среди жестяночных консервов порча в среднем составляла 56–73%, а у консервов петербургской фабрики Ф. Азибера — 0,2–0,75%. Также обнаружилось, что количество испорченных консервов «Народного продовольствия», основных консервов армии, доходило до 90%. Кроме того, их консервы были малопитательны и растривали пищеварение солдат¹¹. Была назначена комиссия из депутатов от войск округа для рассмотрения вопроса о консервах «Народного продовольствия», требовавшая закрыть завод «Народного продовольствия» и передать консервное дело фабриканту Азиберу. В результате требования комиссии были удовлетворены, и контракт с «Народным продовольствием» был расторгнут¹². Так началась эпоха расцвета для «Пищевых консервов для войск фабрики» Ф. Азибера.

В 1880–1881 гг. Азибер получил заказ на производство консервов в Ахаль-Текинскую военную экспедицию¹³. Через год контракт на производство мясных и мясорастительных консервов был продлен, но общественность негодовала, так как всё ещё не доверяла иностранному производителю. Чтобы не возникало подозрений, с 1882 по 1891 г. было написано пять исследовательских работ о химическом составе и усвояемости консервов Азибера (работы В.А. Солнцева, К.Г. Чакалева, В.В. Липского, М.И. Полетики, Д.В. Тяжелова¹⁴). Для исследований были поставлены опыты над арестантами Санкт-Петербургской военной тюрьмы и студентами, которые иногда сами просились принять участие в опытах¹⁵. В 1886 г. изготовление консервов проходило под постоянным и ежедневным наблюдением особой комиссии¹⁶.

¹⁰ *Флоринский В.А.* Диссертация на степень доктора медицины «Питательное значение консервов Миллера». СПб, 1889. С. 5.

¹¹ Там же. С. 4.

¹² Там же. С. 5.

¹³ *Солнцев В.А.* «Пищевые консервы для войск». СПб, 1887. С. 14.

¹⁴ *Тяжелов Д.В.* Указ. соч. С. 4.

¹⁵ Там же, С. 5.

¹⁶ *Солнцев В.А.* Указ. соч. С. 14.

Первой из череды исследовательских работ была работа В.А. Солнцева¹⁷. Изучая консервы Ф. Азибера, исследователь сделал выводы:

1. Степень сохранения консервов не оставляет желать ничего лучшего.
2. Питательные вещества распределены в консервах неравномерно.
3. Внутри хороши, но мясо довольно разварено.
4. Сбережение обертки всех трех видов растительных консервов нельзя признать удовлетворительным.
5. Из растительных консервов гороховая похлебка съедалась с большим удовольствием, чем чечевичная и бобовая.
6. В содержимом консервных жестянок, подвергнутых анализу, обнаружен в разных количествах свинец; в припоях около 60%¹⁸.

В то время, когда В.А. Солнцев изучал консервы Ф. Азибера, они не были столь вкусны и питательны, а были разварены, неравномерно распределены и даже опасны для жизни из-за большого количества свинца, содержащегося в припоях.

Последней работой было исследование Д.В. Тяжелова, опубликованное в 1891 г.¹⁹. Выводы этой работы:

1. Степень сохранности консервов Азибера удовлетворительна.
2. Распределение питательных веществ равномерно.
3. Способ Аппера-Фастье уменьшает удобоваримость содержащихся в консервированном мясе белков, поэтому консервы нельзя употреблять в пищу дольше 6 месяцев.
4. Количество питательных веществ достаточно для средней работы при 2,5 фунта черного хлеба 1,5 фунта сахарей.
5. Желательно уменьшить порцию хлеба при консервах до 750 г и повысить содержание жира в консервах.
6. Азотистый обмен в консервах значительно не превышает²⁰.

Таким образом, с 1886 по 1891 г. качество мясных и мясорастительных консервов Ф. Азибера значительно улучшилось: питательные вещества стали равномерно распределяться, и никаких претензий к вредному свинцу в припоях больше не возникало.

¹⁷ *Солнцев В.А.* Указ. соч.

¹⁸ Там же. С. 6.

¹⁹ *Тяжелов Д.В.* Указ. соч.

²⁰ Там же. С. 34.

Так как первые исследования прошли успешно, то Интендантство в 1882 г. продлило контракт с Ф. Азибером²¹, а в 1885–86 гг. заказало консервы и для армии во время Болгаро-Сербской войны²². Что удивительно, в 1893 г. на фабрике, уже 15 лет являющейся основным поставщиком мясных консервов для русской армии, работало всего 30 человек²³, что, похоже, не мешало справляться с большими контрактами. К 1903 г., когда армейских заказов стало больше, фабрика перешла на заказы только от военного ведомства, окончательно прекратив сбывать продукцию на рынки²⁴. А к началу Русско-Японской войны Азиберам удалось довести производство мясных консервов практически до совершенства. Они ввели двухнедельный отстой банок в штабелях после выпуска для отделения вздутых банок с бактериями от качественных²⁵, что позволяло им быть практически уверенными в том, что их продукция не испортится во время доставки на столь дальний фронт.

«Пищевых консервов для войск фабрика» участвовала во многих выставках, и не просто участвовала, а получала высшие награды, что говорит о высоком уровне производства и качества консервов Азибера. Знаковым событием стала Всероссийская Промышленная и Художественная выставка в Нижнем Новгороде в 1896 г., где Ф. Азиберу было присуждено право изображение государственного герба. На всемирных выставках фабрика тоже получала призы: на Всемирной выставке в Вене в 1873 г. медаль за успехи, на выставке Международной гигиены в Брюсселе в 1876 г. ей был присужден почетный отзыв, а на Парижской Всемирной выставке в 1900 г. — большая золотая медаль²⁶.

Мясные консервы, принадлежащие фабрике Азиберов, действительно были очень качественными и вкусными. Консервы, произведенные на «Пищевых консервов для войск фабрика» перед Первой мировой войной, использовались и во время Гражданской

²¹ Там же. С. 5.

²² Солнцев В.А. Указ. соч. С. 15.

²³ Адресная книга Санкт-Петербурга. СПб., 1893. С. 1031.

²⁴ Изготовление мясных консервов в России. СПб., 1903. С. 2.

²⁵ Соловьев А., Башкирова В. Хлеб и зрелища // Гениальное просто. М., 2010. С. 9.

²⁶ Шустов А.С. Санкт-Петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города. К 200-летию юбилею столицы. Иллюстрированный альманах, СПб, 1903. Ч. 2. С. 2

(1917–1923), а потом настолько понравились советскому руководству, что по рецептам Азибера производство шло вплоть до 1930-х гг.²⁷

До 1889 г. Ф. Азибер не имел домов во владении, а снимал помещения, полностью завися от хозяина, поэтому за годы существования «Пищевых консервов для войск фабрика» меняла не один адрес: в 1863–74 гг. находилась в доме 22 по Петергофскому проспекту²⁸, в 1874 г. — в доме Стрельцовой на Нарвском проспекте, 31²⁹, а в 1886 г. на Петергофском проспекте, 20, корпус 2³⁰. Постоянное здание у фабрики появилось лишь в 1889 г., когда Ф. Азибер выкупил дом 42 по Петергофскому проспекту у Дмитрия Григорьевича Гуслистого³¹. Здание было перестроено в стиле казенного неоклассицизма (см. Приложение 1) архитекторами Юлием и Александром Бенуа³². Ими же двухэтажное здание было также перестроено в 1893 г. А в 1909 г., когда Арман Азибер выкупил у Федора Григорьевича Гуслистого и дом 44 по Петергофскому проспекту, инженер Владимир Козмин совершил перестройку домов 42 и 44. Вопреки мнению некоторых источников³³, он лишь изменил внутреннюю планировку здания под доходный дом, а не надстраивал еще 2 этажа — это было сделано в советское время^{34,35}.

К сожалению, о самих Азиберах: Ф., Армане, Рене и Екатерине (Фокиной-Азибер) известно крайне мало, и большинство этих сведений разрознены. Так, удалось установить, что в ноябре 1903 г. умер старший представитель династии, Ф. Азибер³⁶. Его сын, Арман Азибер, получил наследство 13 декабря 1903 г.³⁷ А начиная с 1906 г. дела фабрики шли не очень хорошо, так как часть заказов на производство консервов для армии стали отдавать фабрике Милле-

²⁷ Зотов В.П. Пищевая промышленность в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1972, № 11. С. 62.

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 578. Л. 3.

²⁹ Михневич В. Указ. соч. С. 479.

³⁰ Попов Р.С. Путеводитель по Петербургу. СПб., 1886. С. 319.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3855. Л. 4.

³² <http://www.citywalls.ru/house9667.html?highlight=%E1%E0>

³³ <http://promarc.ru/pfk/>

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 4. Д. 5891. Л. 31–34.

³⁵ Там же. Д. 5893. Л. 4.

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 515 Оп. 1. Д. 3855 Л. 91.

³⁷ Там же. Л. 92.

ра. Арману Азиберу пришлось брать в долг у купца Клауса Леонтьевича Розенберга 55 тысяч рублей, огромную по тем временам сумму, на три года³⁸. А потом, пытаясь расплатиться с долгами, даже отдать ссуду на продажу со всеми долгами дома 42 по Петергофскому проспекту³⁹. В результате Арман Азибер остался владельцем одного дома, дома 44 по Петергофскому проспекту. Арман Азибер ушел добровольцем на фронт в августе 1914 г. и пропал без вести во время Второго Марнского сражения⁴⁰. Последний фабрикант «Пищевых консервов для войск армии» исчез между 15 июля и 5 августа 1918 г.

Удалось найти сведения и о жене Армана Азибера, Екатерине Николаевне Фокиной-Азибер (Филоновой). В её паспорте за 1915 г. указано, что ей 39 лет. Значит, она родилась в 1876 г.. Более того, Екатерина Николаевна, бывшая до замужества русской подданной, благодаря замужеству стала французской⁴¹.

Фабрика перестала существовать в 1914 г. Арман Азибер ушел на фронт, управлять фабрикой было некому. Но дом 44 по Петергофскому проспекту все так же принадлежал его семье. Там жили Екатерина Фокина-Азибер (Филонова) и ее сын Рене Азибер. В 1918 г. прямо с фронта в этот дом приехал брат Екатерины, известный художник Павел Николаевич Филонов, живший в этом доме в 1918–1919 гг.⁴² Потом он переехал в общежитие писателей им. В.И. Голубева на ул. Литераторов, 19, где и жил до самой смерти 3 декабря 1941 г.⁴³ Павел Филонов оставил два портрета, на которых запечатлел семейство Азиберов. Портрет Армана и Рене Азиберов был написан в 1915 г. Семейный пасхальный портрет, на котором изображены Екатерина Фокина-Азибер (Филонова) и Рене Азибер, написан в 1924 г.

В отличие от многих состоятельных иностранцев, живших в Санкт-Петербурге, Екатерина Николаевна Фокина-Азибер (Филонова) и Рене Арманович Азибер остались в России. Они, сначала с Павлом Филоновым, а потом и без него, жили в доме ⁴⁴ по Петер-

³⁸ Там же. Л. 120.

³⁹ Там же. Л. 145.

⁴⁰ Филонов. Художник. Исследователь. Учитель. Живопись. Графика. Т. 1. М., 2006. С. 47.

⁴¹ ЦГИА СПб Ф. 569 Оп.26 Д.47 Л.295

⁴² Филонов. Художник. Исследователь. Учитель. Живопись. Графика. Том 1. М., 2006. С. 48

⁴³ http://www.filonov.su/p2_01.html

⁴⁴ Весь Петроград. Пг., 1922. С. 348.

гофскому проспекту до 1922 г., когда в соседнем доме 42 разместился Нарвско-Петергофский райисполком. Кроме того, в 1922 г. в доме 42 находилось Нарвско-Петергофское военное отделение при районном управлении милиции⁴⁴. А в 1925 г. в доме 42 по Петергофскому проспекту поселился Иван Иванович Газа, секретарь - Ленинградского горкома ВКП(б)⁴⁵. В 1930-х гг. Екатерина Фокина-Азибер (Филонова) эмигрировала во Францию⁴⁶. Ни информации о точной дате их отъезда, ни сведений об их жизни во Франции мне добыть не удалось.

Однако, как оказалось, на эмиграции последних Азиберов во Францию история «Пищевых консервов для войск фабрики» не закончилась. В 1900–1902 гг. вдоль северных берегов России на шхуне «Заря» шла Русская Полярная экспедиция, снаряженная Российской академией наук. Экспедицию возглавил выдающийся ученый Эдуард Васильевич Толль. Зима застала «Зарю» у западного побережья Таймыра, у полуострова Заря, у мыса, который в дальнейшем получил название мыс Депо. Э.В. Толль, главной задачей которого был поиск новых земель, в частности, Земли Санникова, для обеспечения своих зимних исследовательских маршрутов заложил ряд продовольственных складов, одним из которых не воспользовался. Совершая героический переход с острова Беннетта на остров Новая Сибирь, руководитель экспедиции погиб⁴⁷.

В 1973 г. на Таймырском полуострове работали три отряда полярной научно-спортивной экспедиции «Комсомольской правды». Один из отрядов, которым руководил Юрий Ильич Хмелевский, вел целенаправленный поиск клада Толля. Склад продуктов был найден⁴⁸. В Москву члены экспедиции привезли кубический жестяной ящик, поднятый из вечной мерзлоты: «...Здесь я велел зарыть ящик с 48 банками консервированных шей, запаянный жестяной ящик с 6 кг сухарей, запаянный жестяной ящик с 6 кг овсянки, запаянный ящик, содержащий около 1,6 кг сахара, 4 кг шоколада, 7 плиток и 1 кирпичик чаю»⁴⁹. Проведенные исследования

⁴⁵ Абоненты Ленинградской телефонной сети 1925 г. Л., 1925 С. 55.

⁴⁶ Филонов. Художник. Исследователь. Учитель. Живопись. Графика. Т. 1. М., 2006. С. 23.

⁴⁷ http://www.shparo.ru/Toll/toll_main.htm

⁴⁸ <http://www.gradremstroy.ru/news/rosrezerv-i-eduard-toll.html>

⁴⁹ Личный дневник Э. В. Толля, запись 9 сентября 1900 г. Дневник Толля, согласно завещанию, был передан его вдове. Эмелина Толль

показали, что, несмотря на возраст в 73 года, крупа и консервы отлично сохранились. В ящике было 48 банок мясных консервов с надписью: «Щи с мясом и кашею, 48 порций. Ф. Азибер. С.Петербург». Частично продукты, изготовленные в 1900 г., были вывезены, а частично оставлены для дальнейшего хранения до 1980, 2000, 2050 гг.⁵⁰ Таким образом, история «Пищевых консервов для войск фабрики», основанной в 1863 г. Ф. Азибером, продолжается.

Ю. Фрумкин-Рыбаков

Олег Фёдорович Данилевский и его мемуары¹

Олег Фёдорович Данилевский (1902–1995) родился в семье офицера русской армии, в гор. Куопио (Финляндия, где в то время служил его отец.

Олег Фёдорович стал крупным инженером-металлургом. Практически вся его деятельность связана с Ижорским заводом, он пришёл туда в начале 1930 гг. и проработал до 1985 г. Первым в СССР Данилевский в 1934 г. провёл комплекс научно-технических работ и организовал выпуск валков холодного прокат (ВХП) для производства тонкого листа в автомобильной промышленности. В середине 30-х — начале 40-х гг. О.Ф. Данилевский участвует в разработке технологии и внедрении в производство новых броневых марок стали для флота и танкостроения. Большим коллективом инженеров-металлургов, металлургов, прокатчиков, сварщиков на Ижорском заводе, в содружестве с работниками ЦНИИ-48, создаётся лучшая броня для лучшего танка Великой Отечественной войны, Т-34, для тяжёлых танков КВ и ИС.

В сентябре 1941 г. Ижорский завод эвакуируют в Свердловск, а Данилевский приказом наркома танковой промышленности, на-

издала дневник мужа в 1909 г. в Берлине. В СССР в сильно урезанном виде он вышел в переводе с немецкого в 1959 г.

⁵⁰ *Шпаро Д., Шумилов А.* Три загадки Арктики. Клад Эдуарда Толля. М., 1982. С. 73.

¹ Печатается в авторской редакции с поправками, обусловленными принятым в настоящем сборнике стилем оформления публикаций, грамматической правкой и исключением сведений, не имеющих прямого отношения к теме настоящей статьи. Представленный автором текст размещён на сайте <http://www.proza.ru/2012/12/21/2052>

значается главным металлургом завода № 112 («Красное Сормово») в Горьком. В 1944 г. Данилевский возвращается на Ижорский завод и участвует в его восстановлении.

За разработку и промышленное освоение комплекса броневых сталей типа АК для свариваемой корабельной брони большая группа учёных и инженеров, в числе которых был и О.Ф. Данилевский, удостоивается Сталинской премии за 1951 г. В 1963 г. О.Ф. Данилевский за участие в разработке комплекса марок стали для энергомашиностроения (для атомных реакторов и оборудования АЭС), за разработку технологии по всему металлургическому переделу и внедрение в промышленное производство новых сталей для Атоммаша удостоивается Ленинской премии.

Олег Фёдорович Данилевский не избежал репрессий. В мае 1942 г., работая главным металлургом завода № 112 в Горьком, был арестован, а в августе того же года осуждён Военной Коллегией Верховного суда. Обвинён по ст. 58-7. Приговор: к 15 годам ИТЛ, с поражением в правах на 5 лет. Решением Пленума Верховного суда № 25 в марте 1943 г. Приговор был отменён, и дело в отношении Данилевского прекращено.

В июне 1943 г. О.Ф. Данилевский был назначен Главным инженером Московского филиала ЦНИИ-48 Наркомата танковой промышленности. (Подробно об этой коллизии см. Колпинский альманах «Ижорские берега», выпуск 9, очерк автора этих строк «Броня России», а в сети — «Минувшее — век XX»).

О.Ф. Данилевский оставил воспоминания, касающиеся его учёбы в Варшавском Суворовском кадетском корпусе, в Московском Суворовском кадетском корпусе, в Петроградском Морском училище, в Севастопольском Морском кадетском корпусе, в Училище Командного состава флота, о службе на флоте. Эти воспоминания охватывают период с 1913 по 1924 г.

В 1913 г., 11 лет от роду по настоянию отца он поступил в Варшавский Суворовский кадетский корпус. С началом Первой мировой войны Варшавский корпус был переведён в Москву. А в 1916 г. по предложению матери Олег поступил в Морской Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Кадетский Корпус в Севастополе. В 1924 г., опять же по её предложению, — в Бакинский Индустриальный институт.

В своих воспоминаниях Данилевским сочно передал быт, нравы, некоторые обычаи закрытых учебных учреждений первой трети XX в., дал характеристику учебному процессу, преподавателям,

фону, на котором для гардемаринов произошла Февральская и Октябрьская революции в Петрограде, рассказал, как адмирал Колчак объявил на Нахимовской площади в Севастополе об отречении императора. Как очевидец, О.Ф. Данилевский рассказывает о гибели линкора «Императрица Мария» на Севастопольском рейде 7 октября 1916 г.

В Петроградском Морском училище Данилевский учился одновременно с будущим писателем Сергеем Колбасьевым, первым ценителем и пропагандистом джаза в СССР, известном миллионам кинозрителей по фильму «Мы из джаза», с Игорем Рейснером, братом Ларисы Рейснер. Вместе с Сергеем Колбасьевым учился будущий военный деятель и будущий муж Ларисы Рейснер, Фёдор Раскольников, написавший 17 августа 1939 г. «Открытое письмо Сталину».

Отец О.Ф. Данилевского Фёдор Степанович (16.05.1862—1922) получил образование в Седлецкой классической гимназии. В 1880 г. поступил на военную службу вольноопределяющимся. По окончании Варшавского пехотного юнкерского училища определён прапорщиком со старшинством от 27 января 1882 г. в 3-й стрелковый батальон, где последовательно получал звания подпоручика (старшинство от 30.08.1884 г.), поручика (старшинство от 30.08.1888 г.), штабс-капитана (старшинство от 02.03.1891 г.). Окончил офицерскую строевую школу с оценкой «успешно» и в течение 14 лет и одного месяца командовал ротой. Дальнейшее производство: капитан (старшинство от 15.03.1898 г.), подполковник (старшинство от 30.07.1905 г.), полковник (старшинство от 06.12.1910 г.). Участник Первой мировой войны. С 1 апреля 1925 г. командир 4-го стрелкового полка. В 1917 г. Фёдор Степанович получил звание генерал-майора. Он награждён орденами св. Анны 3-й ст. (1894), св. Станислава 2-й ст. (1902), св. Владимира 4-й ст. (1907), мечами к ордену св. Анны 2-й ст. (02.07.1916).

В 1918 г. Ф.С. Данилевский поступил на службу в Красную армию. Служил в управлении снабжения и Высшей стрелковой школе. В 1920 г. назначен инспектором пехоты в Азербайджанский военный комиссариат, а затем заместителем начальника Сводной военной школы в Баку. Умер в 1922 г. в Баку от тифа.

Мать, Елизавета Генриховна Данилевская, дочь штабс-капитана Еленьковского, родилась в 1875 г. в Саратовской губернии. В 1895 г. с отличием окончила Санкт-Петербургский Николаевский сиротский институт, «... показав, при отличной нравственно-

сти успехи: въ Законъ Божіемъ отличные, въ Педогогикъ и Дидактикъ отличные, въ Русскомъ языкъ и Словесности отличные, во Французскомъ языкъ и Словесности отличные, въ Нѣмецкомъ языкъ и Словесности отличные, въ Арифметикъ отличные, въ Географіи отличные, въ Исторіи отличные, въ Физикъ отличные, в Естественной Исторіи отличные, въ Музыкъ весьма хорошия, въ Рисованіи отличные». Мы перечислили не все успехи Елизаветы Генриховны, отмеченные в Аттестатъ. По окончаніи учёбы она была награждена Серебряной медалью № 2. Елизавета Генриховна умерла в Баку в 1939 г., оказав большое влияние на развитие и становление своего младшего сына, Олега Федоровича Данилевского. Смерть Елизаветы Генриховны, может быть, связана с арестом в Харькове органами НКВД её старшего сына, Сергея Фёдоровича Данилевского.

<...>.

Помимо своих «Воспоминаний», О.Ф.Данилевский оставил большой корпус воспоминаний о своих коллегах, инженерах-металлургах, оказавших решающее влияние на пути развития качественной отечественной металлургии. Кроме того, Данилевский собрал уникальные воспоминания инженеров и военных представителей на Ижорском заводе, принимавших непосредственное участие в создании новых броневых сталей накануне Великой Отечественной войны.

Из этих материалов известно, например, что советская инженерная миссия, возглавляемая Иваном Фёдоровичем Тевосяном, в 1935 г., будучи в Германии на заводах Круппа, задала вопрос металлочеловеку с мировым именем, автору широко известной монографии «Специальные стали»: «Можно ли получить корабельную броню с коэффициентом $K = 2100$?» На что доктор-инженер Э. Гудремон, директор научно-исследовательского института завода, после тайм-аута в два дня ответил, что броню с такой характеристикой создать невозможно в принципе. У нас же на тот момент специалистами ЦНИИ-48 и Ижорского завода была создана броня, значительно превышающая те характеристики, которые были озвучены Гудремону. У нас была технология получения брони с коэффициентом $K=2400$ для корабельной брони и 180-миллиметровым броневой снарядом под углом 60 градусов с $K=2450$.

Олег Фёдорович Данилевский прекрасно рисовал, любил и знал музыку, литературу.

В те годы было принято говорить о технической интеллигенции, Олег Фёдорович был интеллигентом в прямом значении этого термина.

Собранное воедино литературное наследие Данилевского позволяет увидеть жизнь страны, судьбы людей в переломные моменты истории, представить и оценить огромный объём работ, проделанных институтами и заводами по созданию материалов, обеспечивающих надёжную работу атомных реакторов, турбин большой единичной мощности, надводных и подводных кораблей ВМФ, надёжную работу ледоколов, горного оборудования, работающего в условиях Крайнего Севера.

И ещё одно: люди, о которых вспоминает Данилевский, люди, которые оставили по его просьбе воспоминания о своей работе, это очень скромные люди. Но все эти воспоминания чрезвычайно интересно читать, потому что они написаны талантливо. А талантливо потому, что написаны эти воспоминания о деле. О деле всей их жизни.

Прикосновение к подлинным фактам, к коллизиям, которыми жизнь не обошла этих людей, плодотворно для нас, имеющих возможность погрузиться в материал, собранный инженером Данилевским, написанный им собственноручно.

Ниже приведён полный список литературного наследия О.Ф. Данилевского:

Воспоминания:

1. Броневое производство на Ижорском заводе (очерк, машинопись, 23 с., октябрь 1970)
 - 1.1. Как делалась броня (очерк, машинопись, 32 с.. 1992)
 - 1.2. Сталеплавильному производству на Ижорском заводе 110 лет, (очерк, машинопись, 12 с.. 1992)
2. Семён Израилевич Сахин (очерк, машинопись, 7 с.)
3. Роман Иванович Шестопалов (воспоминания, машинопись, 6 с.)
4. Николай Дмитриевич Булин (воспоминания, машинопись, 3 с.)
5. Андрей Сергеевич Завьялов (воспоминания, машинопись, 4 с.)
6. Александр Ильич Падуров (воспоминания, машинопись, 5 с.)
7. Михаил Николаевич Попов (воспоминания, машинопись, 2 с.)
8. Анатолий Фролович Якимович (воспоминания, машинопись, 5 с.)
9. Александр Александрович Любченко (воспоминания, машинопись, 3 с.)
10. Заключение, (машинопись, 4 с.)
11. Воспоминания (мемуары, охватывающие период с 1913 по 1924 г. Машинопись, 44 с., 1988).

Воспоминания, написанные коллегами
по просьбе О.Ф. Данилевского:

1. Геннадий Ильич Зухер, инженер-полковник танковых войск, с 1936 по 1939 г. был военным представителем Главного Бронетанкового управления (ГБТУ) на Ижорском заводе. (Мемуары, машинопись, 11 с., 1972)
2. Фёдор Николаевич Пирский, в гражданскую войну пулемётчик Чапаевской дивизии. Во время Великой Отечественной войны в качестве заместителя начальника Технического управления Наркомата чёрной металлургии руководил производством танковой брони на всех заводах чёрной металлургии. (Мемуары, машинопись, 16 с., 1972).
3. Михаил Николаевич Попов, главный инженер, директор Ижорского завода. В конце 1941 г. заместитель наркома танковой промышленности. (Мемуары, машинопись, 9 с., 1972)
4. Николай Николаевич Лесников, с 1930 по 1939 г. был военным представителем Главного Управления кораблестроения ВМФ на Ижорском заводе. (Мемуары, машинопись, 6 с. 1972)
5. Игорь Дмитриевич Чубаров, инженер-металловед, кандидат технических наук. (Мемуары, машинопись, 10 с., 1972)

Таким образом, стараниями Олега Фёдоровича Данилевского создан машинописный фонд мемуаров, очерков, воспоминаний об инженерах-металлургах, о технических проблемах, которые они решили, оказав огромное, решающее влияние на весь ход Великой Отечественной войны. Этот фонд насчитывает 216 страниц машинописного текста, являясь уникальным материалом по истории русской инженерной мысли, вводя в общеисторический оборот имена людей, которые пока неизвестны историкам и краеведам, не говоря о широкой общественности.

А.И. Чепель

Дореволюционные конкурсные проекты архитектора А.Л. Лишневского

Архитектор А.Л. Лишневский (1868–1942)¹ известен прежде всего своими петербургскими постройками². Важнейшая из них — Дом городских учреждений (далее — ДГУ) (Садовая ул., 55–57 / Вознесенский пр., 40–42³), созданный на основе конкурсного проекта⁴. Лишневский был одним из самых активных участников конкурсного проектирования предреволюционных лет, но его творчество в этой области до настоящего времени не становилось объектом специального исследования. Документально подтверждается участие архитектора в 24 конкурсах, на семи из которых он завоевал первое место, на девяти — второе, а две работы комиссия судей рекомендовала к приобретению. Все эти проекты выполнены в 1902–1910 гг. Сведений об участии Лишневского в конкурсах в 1910–1917 гг. обнаружить не удалось.

¹ См. о нём: *Фёдоров С.Г.* И образ, и функция: страницы творческой биографии А.Л. Лишневского // Стр-во и архитектура Ленинграда. 1980. № 6. С. 31–35; *Чепель А.И.* Об архитекторе А.Л. Лишневском // Невский архив: ист.-краевед. сб. СПб., 2010. Вып. 9. С. 163–177.

² Список построек см.: *Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX–начала XX в. / под общ. ред. Б.М. Кирикова.* СПб., 1996. С. 196–197.

³ Здесь и далее указываются современные петербургские адреса.

⁴ Об этой постройке и о предшествовавшем её возведению конкурсе см.: *Кириков Б.М.* Архитектура петербургского модерна. Общественные здания. СПб., 2011. Кн. 1. С. 433–467.

Какое значение конкурсное проектирование занимало в творчестве архитекторов начала XX в.? Этот вид деятельности называют «обыденной практикой, непрременной и важнейшей составляющей занятий архитектора». В архитектурной среде того времени конкурсный «парад идей» рассматривался как средство улучшения художественного качества построек и повышения престижа профессии. Конкурентная борьба была сплетена из противоречий. С одной стороны, проекты представлялись на конкурс анонимно, под девизами, и это, казалось бы, было гарантией объективности судейства. С другой стороны, в относительно тесном кругу зодчих, где одни и те же авторы участвовали в разных состязаниях, профессиональный почерк большинства архитекторов трудно было скрыть за девизом. Бывало, что члены конкурсного жюри, заподозренные в необъективности, становились объектами беспощадной критики. В ответ архитектурные общества, объявлявшие конкурсы, стремились упорядочить процедуру; вводили правила, согласно которым судья, входивший в жюри конкурса, не имел права участвовать в этом же конкурсе в качестве соревнователя. Помимо этической стороны, требования объективности судейства были связаны с подчас довольно значительными денежными премиями, которые заказчики конкурсов выплачивали победителям⁵. Так, за девять лет участия в конкурсах Лишневецкий заработал в общей сложности около 15 тыс. руб. (на эти деньги, к примеру, тогда можно было в течение 15 лет арендовать пятикомнатную квартиру со всеми удобствами). Он часто находился и по другую сторону барьера, выступая в качестве судьи конкурсного жюри, и это также значительная сфера его творческой биографии. Здесь мы обратимся к творчеству мастера как конкурента (так в нач. XX в. называли участников конкурсов) и рассмотрим некоторые из его проектов. Многие из них предназначались для Петербурга, и у нас появляется возможность увидеть иные варианты существующих петербургских зданий, а также проследить взаимное влияние конкурсных идей зодчего на облик осуществлённых им построек.

⁵ О конкурсной практике начала XX в. см.: *Заварихин С.П.* Архитектурные конкурсы в Санкт-Петербурге // Петербургские чтения: (к юбилею города): тез. докл. конф. СПб., 1992. С. 12–15; *Басс В.Г.* Петербургская неоклассическая архитектура 1900–1910-х годов в зеркале конкурсов: слово и форма. СПб., 2010.

В 1903 г. архитектор разработал два проекта, ориентированных на венскую школу О. Вагнера. Проект перделки фасада петербургского здания (Большая Морская ул., 63) произвёл на комиссию судей «в общем, приятное впечатление». Дугообразное завершение ризалита, массивные тумбы, напоминающие гигантские таблетки, и многократно повторяющиеся на фасадах «вагнеровские» короткие каннелюры, из которых средняя длиннее крайних — всё это говорит об «австрийских» истоках проекта⁶. Проект не был осуществлён, и до наших дней здание сохранило облик, приданный ему в середине XIX в. На бумаге остались появившиеся этом же году ещё один проект в «вагнеровском» стиле — здание физических методов лечения в Севастополе⁷ и предназначенная для Петербурга работа в «духе умеренного модерна» — здание для Императорского человеколюбивого общества (ул. Егорова, 26)⁸. Воплощать в своём творчестве идеи модерна Лишневецкий начал ещё 1890-е гг., в период работы городским архитектором Елисаветграда (ныне Кировоград)⁹, и первые его конкурсные работы, осуществлённые в Петербурге, продолжили эту линию.

Созданный также в 1903 г. упомянутый выше проект ДГУ демонстрирует другое направление в творчестве архитектора — «готическое». Переработанный проект был окончательно утверждён весной 1905 г., а начатое летом того же года строительство завершилось в конце 1906 г. В период между конкурсом и рабочим проектом ДГУ, в 1904 г., Лишневецкий стал участником конкурсного соревнования на проект доходного дома Санкт-Петербургского Купеческого общества (ул. Рубинштейна, 23). Проект не был осуществлён, но некоторые находки этой работы архитектор воплотил в облике ДГУ. Это, например, аркада первого этажа, а также массивные шипцы, опирающиеся на собранные воедино шесть узких окон. Влияние ДГУ и дома Купеческого общества можно найти в других созданных для Петербурга, но так и не воплощённых в жизнь проектах:

⁶ Зодчий. 1903. № 18. С. 234.

⁷ Строитель. 1903. № 9–12. Стб. 371.

⁸ *Кириков Б.М.* Архитектура петербургского модерна С. 416.

⁹ О творческих исканиях А.Л. Лишневецкого в период работы в Елисаветграде см.: *Кириченко О.* Стильові пошуки архітектора Олександра Лішневецького в Єлисаветградський період творчості (1895–1901 роки) // Українське мистецтвознавство : матеріали, дослідження, рецензії : зб. наук. праць. Київ, 2009. Вип. 9. С. 218–222.

1905 г. — училищного дома имени Петра Великого, выполненного «в духе неоромантического направления модерна со стилизацией мотивов готики и северного ренессанса»¹⁰ и 1906 г. — доходного дома А.Н. Перцова (Лиговский пр., 44) фасад которого, по мнению жюри, «в современном английском духе, не особенно оригинален, но подходит для большого доходного дома»¹¹. Петербургские постройки Лишневского этого периода: дом Э.Л. Петерсена (1906 г., Лиговский пр., 125 / Рязанский пер., 2); дом И.Ф. Алюшинского (1907—1908 гг., Малый пр. П.С., 66 / ул. Ленина, 32); дом Е.А. Рыбиной (1908 г., Пряжильный пер., 5 / Люблинский пер., 2) относят к «северному модерну». Средневековые, «готические» мотивы не отпускают архитектора, и он вспоминает о них, если не при составлении проектов, так в ходе строительства. Так, вход в парадную дома Рыбиной, задуманный с балочным перекрытием, переродился в натуре в обшитый рваным камнем арочный проём¹², через который уличное пространство, плавно огибая скруглённый угол, «втекает» внутрь, где система «готических» арок ведёт к лестнице, поставленной под углом к вестибюлю. У входящего создаётся ощущение, что он оказался в крепостном «захаве», и что там ждёт, за поворотом... Жутковатое впечатление поддерживается масками чертенят, взирающих со стен. «Гротескные скульптурные детали и inferнальные мотивы прочно закрепились в репертуаре Лишневского»¹³. В этот петербургский «демонический» ряд можно было бы добавить прилепившуюся под эркером принадлежавшего Лишневскому дома на Зверинской ул., 27 загадочную фигуру с перепончатыми крыльями¹⁴, но здание, построенное к началу 1910 г., не дожило до наших дней: вероятно, дом серьёзно пострадал в годы революций и войн, и разборка его «кирпичного остова» завершилась в 1924 г.¹⁵

В «северном модерне» выполнен оставшийся также на бумаге проект Николаевского вокзала, представленный Лишневским на конкурс в 1906 г. под вполне «северным» девизом «Скалы и сосны».

¹⁰ Кириков Б.М. Училищный дом имени Петра Великого — программный памятник «петербургского ренессанса» // Невский архив: ист.-краевед. сб. СПб., 1995. Вып. 2. С. 247.

¹¹ Известия Общества гражданских инженеров. 1906. № 3. С. 78.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3749; Ф. 515. Оп. 4. Д. 3075.

¹³ Кириков Б.М. Архитектура петербургского модерна С. 464.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 4. Д. 1436. Л. 6—7.

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 376. Л. 108.

И снова возвращаемся в эпоху рыцарей и замков: «романтический характер возникшего здесь образа дополнительно «разъясняется» при помощи введённых в композицию своего рода ссылок на средневековое зодчество в виде башен, напоминающих крепостные, или проёмов стрельчатой формы»¹⁶.

В 1910 г. Лишневский, в соответствии с изменившимися художественными веяниями, представляет на конкурсы проекты неоклассического направления, и вновь до постройки дело не дошло. В фасадных композициях Русского торгово-промышленного банка в Санкт-Петербурге (Большая Морская ул., 15) и Екатеринославского отделения Санкт-Петербургского коммерческого банка ведущую роль играет ордер: колонны центральных лоджий обрамлены ризалитами с более скромной отделкой. Боковые протяжённые части петербургского доходного дома Первого российского страхового общества (Каменноостровский пр., 26—28) близки к безордерному классицизму, акцентом же служит глубокая экседра, замыкающая перспективу внутреннего проезда, прорезающего участок на всю его 100-метровую глубину — чем не внутриквартальная улица? Жюри вынесло заключение: «С улицы видна вся глубина участка с парадным двором посередине <...>, с декоративной обработкой стены в глубине участка в виде ниши, что даёт интересный фон в глубине двора». Из всех конкурентов только Лишневский предложил на конкурс абсолютно равные по длине лицевые корпуса — в полном соответствии с классицистическими канонами, и это также было специально отмечено судьями: «Фасад прост и красив, притом вполне симметричный»¹⁷. Идею внутриквартальной улицы архитектор всё же осуществил, но в меньших масштабах. Дом, построенный на одном из принадлежавших Лишневскому петербургских участков (ул. Ленина, 41/Полозова ул., 28), раскрывается на параллельные улицы высокими арками, «в решении которых можно ощутить прямо-таки пиранезиевскую мощь»¹⁸. Под ними-то и проходит эта своего рода улица.

Премированные проекты поступали в собственность заказчика конкурса, и он имел полное право использовать лучшие идеи

¹⁶ Лисовский В.Г. Архитектура России XVIII—начала XX века: поиски национального стиля. М., 2009. С. 401.

¹⁷ Зодчий. 1911. № 9. С. 100.

¹⁸ Лисовский В.Г. Архитектура Петербурга: три века истории. СПб., 2004. С. 300.

при составлении окончательного проекта постройки. Генеральный план, предложенный Лишневым в 1906 г. на конкурс проектов больницы имени Петра Великого, оказался лучшим, поэтому задуманный им «трезубец» главных аллей был положен в основу рабочего проекта, составленного другими архитекторами, и эта планировка была осуществлена в натуре¹⁹. Многие другие конкурсные проекты Лишневого также выделялись выверенными планировочными решениями. Проект доходного дома Строгановского училища в Москве, созданный в 1903 г., обратил на себя «особенное внимание весьма удачной общей расстановкой»²⁰. Самым рациональным из всех был признан составленный архитектором в 1908 г. проект застройки участка церкви св. Екатерины²¹ (Невский пр., 32–34). «Цельное, простое и красивое решение» предложил Лишневым для застройки петербургского участка инженера-технолога И.И. Пирогова (пер. Бойцова, 4)²². Итоги конкурса подвели в марте, а уже в апреле 1910 г. домовладелец приступил к строительным работам (сначала самостоятельно, затем пригласил архитектора М.С. Ляевича), расположив новые корпуса в полном соответствии с конкурсным предложением Лишневого²³.

Почему после 1910 г. имя Лишневого больше не встречается среди конкурентов? Вот некоторые предположения. Может быть, отвлекала от участия в конкурсах обширная строительная практика? Так, в 1910–1916 гг. архитектор построил в Петербурге 15 крупных доходных домов. О расширении бизнеса говорит принятое в декабре 1914 г. решение организовать архитектурно-строительное бюро, под маркой которого А.Л. Лишневым и строительный подрядчик Б.Ю. Либман планировали заниматься проектированием и постройкой «различного рода гражданских сооружений» по заказам «частных лиц или учреждений»²⁴.

Возможно и другое объяснение. Имена авторов проектов, представленных на конкурс, но не удостоенных премии, оставались неизвестными, и от Лишневого попросту отвернулась удача?

¹⁹ Бусырева Е.П. Лев Ильин. СПб., 2008. С. 47–49.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 677. Оп. 2. Д. 85. Л. 81–81 об.

²¹ Известия Общества гражданских инженеров. 1908. № 7–8. С. 87.

²² Зодчий. 1910. № 17. С. 183.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 9795.

²⁴ Там же. Ф. 569. Оп. 12. Д. 927.

Не исключено также, что архитектор, всё чаще приглашавшийся к участию в жюри, согласно правилам, был вынужден отказываться конкурировать. Он сам говорил о подобной ситуации так: «Вы знаете, что мы часто отказываемся от участия в жюри. Ваш покорный слуга отказывается всегда, когда собирается работать, если же нет, то всегда согласен»²⁵. После 1910 г. имя Лишневого в качестве судьи или секретаря конкурсных жюри встречается часто. Как знать, возможно, маститый архитектор, имевший большой опыт в проектировании и строительстве зданий различного назначения, посчитал более важным давать профессиональную оценку многочисленным конкурсным работам своих коллег, пожертвовав для этого собственными амбициями.

²⁵ Там же. Ф. 528. Оп. 1. Д. 297. Л. 59.

О.П. Вареник

Тайны Кропоткина

(Кропоткин в Стрельне)

Именем Кропоткина в Москве, где он родился, жил и похоронен, были названы улица и переулок, станция метро и музей. В Петербурге, где Кропоткин учился, работал и томился в тюрьме, названа одна из улиц вблизи этой бывшей тюрьмы. В подмосковном Дмитрове, где Кропоткин прожил последние два с половиной года и умер, названа улица, установлен памятник и был совсем еще недавно его музей. В Стрельне князь П. А. Кропоткин прожил в 1876 г. всего «около недели», но этого хватило, чтобы полвека спустя большевики назвали одну из улиц в Новых Местах дачной Стрельны Кропоткинской.

Чем же объясняется такая любовь к князю большевиков, которые первым делом, придя к власти, уничтожили родовые прозвания и титулы, да и самих обладателей этих титулов?

Да и почему на одной чудом сохранившейся старой синей эмали уличной табличке в Стрельне название улицы написано через «А», на всех остальных, современных, через «О»?

Как появилась эта тема

В 2004 г. музей «Морская Стрельна» пополнился новыми экспонатами. Прораб Сергей Рябых, зная о музейной коллекции клейменных кирпичей, привез со своей городской стройки несколько кирпичей с надписью «Шорохов», найденный клад, замурованный

в стене бывшей бани — бутылку и кружечку из жести, да старую уличную табличку с этой бывшей бани с надписью «ул. Кропоткина». Зачем в морском музее Стрельны экспонаты с «шороховской» бани Петроградского района? Но интерес к старым вещам возобладал. Нашлось место, а вскоре написалась статья о кладе в бане и была оформлена экспозиция фрагмента тайника, которая вызывает у посетителей музея неизменный интерес¹. Был снят телесюжет о кладе и кирпичах, опубликованы в городских газетах еще несколько статей.

В 2005 г. умер в Стрельне музейный работник, историк, журналист Александр Львович Никитин². Спустя полгода вдова передала в музей часть его библиотеки. Среди книг была старая обтрёпанная книга без выходных данных и обложки: «Кропоткин. Записки революционера». Пять лет она лежала непрочитанная. Наступила другая эпоха, не до революционеров. Но в Стрельне была Веринская улица, названная в 1890 г. в честь дочери великого князя Константина Николаевича, великой княжны Веры (1854—1912)³. Почему и когда она была переименована в Кропоткинскую, было неизвестно⁴, и это не давало покоя. И вот зимним слякотным вечером 2009 г., перебирая библиотеку, я наткнулся на эту старую книгу. Начал читать, увлёкся и не смог оторваться пока не была прочитана. Но ясности в отношении Кропоткинской улицы в Стрельне это не дало. Ни автор, ни редактор, ни составитель комментариев Лебедев о пребывании Кропоткина в Стрельне не сообщали. В Интернете нашлись публикации А.Л. Никитина о Кропоткинском музее⁵, о развитии анархической мысли в России⁶, но связи Кропоткина со Стрельной нигде не приводилось.

Как опытный революционер, Кропоткин в своих записках ни разу не упомянул о Стрельне, хотя по косвенным сведениям

¹ Вареник О.П. Загадка тайника в бане графа Сюзора. «Петергофский вестник». 19.08.2004.

² Александр Львович Никитин. Некролог // Вестник РОВС. 2003. № 10—11. С. 54—55.

³ РГИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 4875. Л. 29.

⁴ Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. СПб. 2002. С. 649.

⁵ Никитин А.Л. К событиям 20-х гг. вокруг Кропоткинского музея // Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. М. 1992. Вып. 2. С. 82—123.

⁶ Никитин А.Л. Заключительный этап развития анархической мысли в России // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 89—101.

ям «Записок» Петр Алексеевич бывал, и не раз, в Стрельне. Ещё учась в Пажемском корпусе, «каждое лето... пажи уходили в лагерь в Петергоф», а еще с лермонтовской «Уланши» известно, что курсанты военных училищ столицы имели привал в окрестностях Стрельны⁷. Затем стали понятны и его путешествия «на взморье»⁸. В приморской Свято-Троицкой Сергиевой пустыни, рядом со Стрельной, был похоронен его любимый дед, генерал Н.С. Сулима. Но этого всего было мало, чтобы назвать улицу в Стрельне его именем.

Пришлось заняться исследованием очередной тайны Стрельны. И вот после трёхлетних поисков по всевозможным архивам, музеям и библиотекам, изучая труды и превратности жизни этого удивительного и замечательного человека⁹, используя и свой печальный опыт по освобождению и реабилитации отца, осуждённого по политической статье в брежневское время¹⁰, и тридцатилетний опыт плавания с малочисленным экипажем из Стрельны по Выборгским и ладожским шхерам на яхте «Павел», плавание на яхте «Хортица» по маршруту «Кропоткина» из Петербурга по финским шхерам до «отдаленного порта» Васса¹¹, удалось приоткрыть ещё одну тайну Стрельны.

Оказалось, что это связано с «дерзким побегом» Кропоткина из столичной тюрьмы в 1876 г., что руководители Ленинградского Губернского областного Совета конца 1920-х гг. знали, что князь-

⁷ Вареник О.П. «...вот Ижорка, Слава Богу». Юнкер Лермонтов в Стрельне (в Ижорке). СПб.: издание музея «Морская Стрельна». 2004. С. 22.

⁸ Кропоткин П.А. Записки революционера. М.; Л. 1933. С. 82.

⁹ В 2009 г. в серии биографий «Жизнь замечательных людей» вышла книга Вячеслава Маркина «Кропоткин».

¹⁰ Вареник Павел. «А кругом лежал снег». Выписки из лагерных дневников // Ленинградский рабочий. 1991. 8 и 15 февр. Павел Федорович Вареник (1904–1972) был осуждён в 1968 г. по ст. 187-1 УК УССР «за распространение заведомо-неправдивых измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Отец виновным себя не признал и до конца жизни добивался пересмотра и отмены приговора. Реабилитирован посмертно 12 апреля 1990 г. «Приговор в отношении Вареника П.Ф. отменён, а уголовное дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления».

¹¹ Кондратенко Н. За «русским» колоколом в Швецию // Санкт-Петербургские ведомости. 1997. 30 июля; Земсков Ю. Россия–Швеция: связь по воле Бога // Северный торговый путь. 1997. Август. С. 21.

беглец укрывался «около недели» в Стрельне в июле 1876 г.¹² и что в дореволюционных «официальных бумагах его фамилия писалась через «А»¹³.

Как и когда Князь Кропоткин стал Товарищем Кропоткиным

В Аттестате (Паспорте), выданном директором Департамента общих дел министерства внутренних дел 18 мая 1872 г. титулярному советнику князю Петру Алексеевичу Кропоткину¹⁴ и во всех полицейских и канцелярских делах «О розыске разных лиц по Санкт-Петербургской губернии в 1876–1877 г.» упоминается он как князь П.А. Кропоткин¹⁵. И фамилия его брата Александра писалась тоже через «А»¹⁶. На могильных памятниках Новодевичьего монастыря в Москве фамилия родственников князя — отца, матери, мачехи, деда, бабушки, прадеда — значилась через «А»¹⁷.

К сожалению, оказалось, что исследователи жизни Петра Алексеевича, от Н.К. Лебедева до В.А. Маркина, не заостряли на этом внимания. Более того, приводили в своих изысканиях неверные сведения. Лебедев в Примечаниях к «Запискам революционера», цитируя дедовский «пергамент», фамилию прапрадеда «князя Дмитрия Васильевича Кропотку» приводит через «О»¹⁸, а Маркин в своих книгах «Неизвестный Кропоткин» и «Кропоткин» в серии ЖЗЛ идёт ещё дальше — растолковывая «происхождение прозвища Кропотка... характеризует её носителя как человека трудолюбивого, кропотливого»¹⁹. Хотя автор Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даль приводит совсем другое значение этого слова: «Кропот — воркотня, брюзжание, брань. Кропотать — хлопотать, заботиться, суетиться, возиться; ворчать, брюзжать, сердить-

¹² Вареник О.П. Князь Кропоткин в Стрельне // Сборник материалов IV Международных Кропоткинских чтений. Дмитров. 2012. С. 165–181.

¹³ П.А. Кропоткин на государственной службе // Памяти Петра Алексеевича Кропоткина. Пг.; М. 1921. С. 62.

¹⁴ П.А. Кропоткин на государственной службе. Справка. Аттестат // Памяти Петра Алексеевича Кропоткина. Пг.; М. 1921. С. 64–65.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 6. Д. 236. Л. 49, 50, 51, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 6. Д. 125. Л. 56.

¹⁷ Московский некрополь. СПб. 1907. Т. 2. С. 1108.

¹⁸ Кропоткин. П. А. Указ. соч. Примечания. С. 325.

¹⁹ Маркин В. Кропоткин. М. ЖЗЛ. 2009. С. 73.

ся, браниться. Кропотливый человек — заботливый, суетливый, беспокойный; или брюзга, ворчун»²⁰.

Вместе с тем В.И. Даль приводит и толкование слова «кrap» — «растение бруск, марёна, коего корень идёт на алую краску»²¹. Алый, то есть «красный по цвету», в смысле «о добре, красоте», означает: «красивый, прекрасный, превосходный, лучший»²².

Так что прадед Петра Алексеевича получил прозвище КрАпотка и «жалован был почестями и знаками монаршей милости» за прекрасное, превосходное служение отечеству, а не за ворчливый, беспокойный и сердитый нрав. Но, по понятным причинам, этого в советское время сообщать было невозможно.

Любопытно было обнаружить в архиве Географического общества в Санкт-Петербурге опись архивных материалов по Кропоткину, которая была составлена в 1958 г. и отпечатана на машинке Т.С. Филонович, где фамилия географа была напечатана, как в до-революционных документах, через «А» — «КрАпоткин». И эта опись вся была исправлена синими чернилами на «О» — «Кропоткин». Как свидетельствует запись исправления, её сделал собственноручно тогдашний председатель Общества генерал-майор медицинской службы Евгений Никанорович Павловский (1884—1965)²³.

Согласно архивным полицейским документам по розыску бежавшего в 1878 г. Князя, фамилия Кропоткина писалась через «А». Бежал он из России за границу используя паспорт Левашева. Так в середине июля 1876 г. князь П.А. Кропоткин стал простым русским дворянином Александром Константиновичем Левашевым 1851 г. рождения.

Петру Алексеевичу уже приходилось жить по чужим документам. В первый раз это случилось, когда он служил чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Ему пришлось возглавить «торговый караван», который должен был найти краткую дорогу до Амура через Манчжурию, в которую вход русским войскам был воспрещён китайскими властями. И казачий офицер Князь Кропоткин стал по «губернаторскому» подложному паспорту «Иркутским второй гильдии купцом Петром Алексеевым»²⁴. А в 1870-х гг. он имел революционную кличку «Бородин», под этой фамилией его и арестовали. Только на очной ставке с хозяйкой квартиры, которая зая-

²⁰ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М. 2006. Т. 2. С. 167.

²¹ Там же. С. 155.

²² Там же. С. 157.

²³ Архив ГО СПб. Ф 90. Опись 1. Л. 1, 2.

вила в полицию, что у неё пропал жилец, стало ясно, что Бородин — это князь Петр Кропоткин²⁵.

Теперь за границей он стал русским вологодским помещиком Левашевым. Но вскоре ему пришлось признаться секретарю Лондонского Географического общества, помощнику редактора журнала «Nature» Скотту Кельти, что он не «Левашев, но на деле» князь Кропоткин, чем очень обрадовал англичанина. Ему пришлось сначала подписывать свои авторские публикации как Левашев, что, по-видимому, его тяготило. Затем он стал ставить инициалы «Р.К.», то «Prince К.»²⁶

В апреле 1878 г. парижская полиция уже знала, кто скрывается под фамилией Левашев, «и пришли арестовать одного русского студента с очень похожей фамилией». А Кропоткин прописался уже под своим «настоящим именем... и прожил в Париже ещё около месяца», избежав таким образом ареста²⁷.

В декабре 1882 г. Кропоткин был арестован французской полицией и через месяц был приговорён судом «за принадлежность к Интернационалу» к пятилетнему заключению и к штрафу в две тысячи франков». И вот тут, по всей видимости, при составлении на французском языке документов Кропоткин был записан: «Kropotkin [krapatkin]», как приводится эта трудная русская фамилия в транскрипции на французский лад²⁸. Через три года Кропоткин был помилован и, выйдя на свободу, получил документ с фамилией «Kropotkin», звучащей как «Кропоткин». К своему княжескому титулу Петр Алексеевич уже давно относился спокойно, в чопорной Англии его упорно величали «принцем», несмотря на его постоянные возражения. Тем более что он стал одним из главных теоретиков отмены частной собственности, общества без государственного управления, где не было ни начальства, ни председателей, ни родовых прозваний и титулов, вообще никакой власти. Он и в обычной жизни старался так жить. Даже с женой заключил необычный безвластный срочный договор на три года.

То, что Кропоткин на иностранных языках стал писаться как «Kropotkin», скоро дошло и до русской полиции. В Деле «О розыске

²⁴ *Кропоткин. П.А.* Указ. соч. С. 128.

²⁵ *Степняк С.* Петр Кропоткин // Подпольная Россия. Лондон. 1893. С. 54.

²⁶ *Маркин В.* Кропоткин. С. 179.

²⁷ *Кропоткин. П.А.* Указ. соч. С. 264.

²⁸ *Архив РГО СПб.* Справочник. Имена географов и др.

разных лиц в Петербургской губернии» за 1901 г. имеется циркуляр губернатора уездным исправникам и полицмейстерам от 22 июля 1901 г. «для зависящего распоряжений» с приложением четырёх фотографий, среди которых имеется и фото с надписью «Кропоткин Петр Алексеевич»²⁹.

Это ещё раньше заметил исследователь материалов архива III Отделения Н. Ашешов, что «в переводе вопреки оригиналу, Кропоткин именуется уже «Кропоткиным»³⁰.

Но в России его знали как Князя и как Кропоткина. Поэтому он часто появлялся в рекламах о новых книгах, где его фамилия по-прежнему писалась через «А». Так, в журнале «Голос минувшего» за 1916 г. было сообщено о выходе «новой книги П.А. Кропоткина. О войне. С послесловием Вл. Л. Бурцева»³¹.

В Россию Пётр Алексеевич вернулся как знаменитый революционер, перенёсший в русских и заграничных тюрьмах много страданий за правду и не отказавшийся от мер переустройства общественной жизни на началах справедливости. И на практике доказал, что он не приемлет никакой власти, не принял предложения занять министерский пост, отверг и подачку привилегированных пайков в голодное время, а в разгул «красного террора» занялся написанием философского труда о взаимоотношениях между людьми на основании нравственности — Этике. От холода в нетопленном доме он простудился и умер от воспаления легких. Через неделю после смерти П.А. Кропоткина пленум Московского Совета Р. К. и К. Д., на волне всеобщей скорби, утвердил Постановление «Об увековечении памяти Товарища Петра Алексеевича КРОПОТКИНА», подготовленное его приверженцами³²:

1. Переименовать улицу Пречистенку в улицу Кропоткина.
2. Переименовать Штатный переулок, где находится дом, в котором родился товарищ Кропоткин, в переулок Кропоткина.
3. Дом № 26, в котором родился Кропоткин, отдать под Музей имени Кропоткина и прибить на нём доску, что в этом доме родился товарищ Кропоткин.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 6. Д. 1370. Л. 117, 120.

³⁰ Ашешов Н. Побег П.А. Кропоткина. (По материалам архива III отделения) // Памяти Петра Алексеевича Кропоткина. Пг.; М. 1921. С. 86.

³¹ Голос минувшего. 1916. № 3. Объявления.

³² П.А. Кропоткин. К 80-летию со дня рождения. М. 1922. С. 29.

4. Переименовать одну из библиотек, — находящихся в ведении МОНО, — в «Библиотеку имени товарища Кропоткина».

5. Предоставить дом в городе Дмитрове, в котором умер товарищ Кропоткин, в распоряжение его семьи и поместить на этом доме памятную доску о кончине товарища Кропоткина.

6. Просить Государственное Издательство издать важнейшие сочинения товарища Кропоткина, в первую очередь его «Историю Великой Французской Революции».

7. Оказать через Государственное Издательство возможное содействие книгоиздательству анархистов «Голос Труда» в издании сочинений товарища Кропоткина.

Так князь П.А. Кропоткин официально стал Товарищем П.А. Кропоткиным.

В Петрограде, а затем в Ленинграде почитание памяти революционера-анархиста происходило с некоторой задержкой. Только 1 августа 1927 г. одна из улиц Ленинграда, а именно Белозерская, находящаяся недалеко от Петропавловской крепости, была переименована в улицу Кропоткина «в честь П.А. Кропоткина, географа, геолога, социолога, одного из теоретиков анархизма»³³. День 1 августа 1927 г. был знаменателен ещё тем, что, согласно Постановлению ВЦИК и СНУК РСФСР, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская и Череповецкая губернии были ликвидированы, а их территории вошли в Ленинградскую область³⁴. А ещё 2 августа 1920 г. было принято решение о слиянии Губисполкома и Горисполкома, с единым Президиумом и Председателем Губисполкома.

С марта 1926 по январь 1930 г. председателем исполкома Петроградского — Ленинградского губернского, областного совета был Николай Павлович Комаров (Федор Евгеньевич Собинов). Собинов (Комаров) с 1902 г. работал фрезеровщиком на заводе «Новый Лесснер», затем на Путиловском заводе, где в 1909 г. вступил в РСДРП. В январе 1919 г. Комаров был направлен в ЧК, где организовал Особый отдел по борьбе с контрреволюцией и шпионажем. С 1920 г. он становится начальником Особого отдела охраны фин-

³³ Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. СПб. 2002. С. 181.

³⁴ Справка по истории объединения органов власти и управления Петрограда—Ленинграда и Петроградской—Ленинградской губернии, области (1917—1931) // Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга. М. 2002. Т. 2. С. 565.

ляндской границы. Работая в этой должности, он, конечно, изучал дело о бегстве через Финляндию и розыске князя Крапоткин и сделал всё, чтобы такое в его ведомстве не повторилось, за что и был награждён орденом Красного Знамени³⁵.

Комаров на посту Председателя исполкома Ленинградского областного Совета в январе 1930 г. сменил Иван Федорович Кодацкий (Кадацкий). Он, как и Комаров, начинал работать станочником на заводе «Новый Лесснер». В январе 1917 г. был арестован за революционную деятельность и в тюрьме слышал рассказы о побеге князя Крапоткина, чем был непомерно восхищён. В октябрьском перевороте 1917 г. принимал активное участие, производил захват столичной телефонной станции. В голодные дни 1918 г. по поручению Ленина был направлен на Каспий для руководства организацией рыбных промыслов. В 1920 г. возглавлял рыбное управление и в Дагестане. С 1922 г. в Петрограде на партийной и хозяйственной работе. С 1928 г. на руководящей работе в Облсовнархозе³⁶. Узнав, что в Стрельне со времён Константина Павловича организован рыбный промысел, где сохранились, лодки, причалы, сети, коптильни и дом рыбаков, организывает рыболовецкий колхоз. Здесь, в Стрельне он, по-видимому, от рыбаков и узнал историю о «морском» бегстве Крапоткина. Имея несусазицу с буквами «А» и «О» в своей фамилии (Кодацкий-Кадацкий), он очень хорошо понимал и беду Крапоткина с его «А» и «О». По всей видимости, это он вышел с предложением и подготовил постановление о переименовании улицы в Стрельне в память «Крапоткина», почему и на синей эмали старой уличной таблички в Стрельне сохранилась надпись «ул. Крапоткинская». Старые революционеры хорошо знали историю своих предшественников.

Комаров и Кодацкий (Кадацкий) в 1937 г. были репрессированы, приговорены к «ВМН» и немедленно расстреляны, а потому их документы о переименовании улицы в Стрельне ещё не удаётся отыскать. Однако собранного исторического материала достаточно, чтобы к 170-летию Крапоткина организовать в музее «Морская Стрельна» экспозицию «Князь П.А. Крапоткин в Стрельне».

³⁵ Комаров Николай Павлович. Интернет. Блог Валерия Сердюкова. Serdukov-vp.ru

³⁶ Кодацкий (Кадацкий) Иван Федорович. Блог Валерия Сердюкова. Serdukov-vp.ru

**А.Ф. Векслер,
Т.Я. Крашениникова**

История домов Самуила Аллера и его наследников (ул. Правды, 7 и 9/10)

Два четырехэтажных дома, построенных в архитектурном стиле эклектики, завершают нечетную сторону первого квартала современной улицы Правды, некогда Кабинетской. Похожие друг на друга своими спокойными фасадами, они появились здесь в один год и сооружены одним зодчим — академиком архитектуры А.В.Ивановым, автором многочисленных доходных домов в центре Санкт-Петербурга¹.

В 1840—1850-х гг. участок значительной площади в 3-м квартале Московской части на углу Кабинетской и Ивановской улиц принадлежал действительному статскому советнику и кавалеру Самуилу Ивановичу (Самуилу-Готлибу) фон Аллеру (1789—1860), правителю хозяйственной части Воспитательного общества благородных девиц (1837). В 1820-х гг. Аллер по своей инициативе издал «Указатель жилищ и зданий в С.-Петербурге, или Адресная книга на 1823 г.», «Руководство к отысканию жилищ по С.-Петербургу» и «Описание наводнения, бывшего в С.-Петербурге 7-го ноября 1824 г.» (последнее с указанием имени автора включалось в издания пушкинского

¹ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX—начала XX века: справочник / Под общ. ред. Б.М. Кирикова. СПб., 1996. С. 140; *Исаченко В.Г.* Зодчие Санкт-Петербурга XVIII—XX веков. СПб., 2010. С. 122—126.

² См., напр.: *Пушкин А.С.* Медный всадник: петербургская повесть. СПб., 1876. С. XV—XIX.

«Медного всадника» под названием «Из рассказов о петербургском наводнении 1824 г.»²). В октябре 1822 г. императрица Елизавета Алексеевна пожаловала Аллеру табакерку «за поднесение им “Указателя...”» За безупречную службу С.И. Аллер в 1841 г. пожалован дипломом на потомственное дворянское достоинство. Прослужив более тридцати пяти лет на государственной службе, он, по выходе в отставку, был депутатом по выборам дворянства Санкт-Петербургского уезда, а с 1846 г. до конца жизни состоял гласным Санкт-Петербургской городской думы, членом церковного совета евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и суммарно более 40 лет — членом комитета попечительного общества о тюрьмах³. До конца 1830-х гг. Аллер с семьей жил при Смольном монастыре⁴, а затем приобрел значительное по площади домовладение с двумя трехэтажными каменно-деревянными домами на углу Большой Офицерской и Ивановской улиц.

Территория Дворцовой слободы, к которой относилось будущее домовладение Аллера, показана застроенной еще на планах города первой половины XVIII в.⁵

Кабинетская улица возникла после разделения в 1829 г. Большой Офицерской улицы в Московском предместье Московской части, впервые показанной на планах города в 1776 и 1777 гг.⁶, на самостоятельные Большую Московскую (от Владимирской площади до Разъезжей улицы и Кабинетскую улицы (на этот участок проезда перешло название, которое до 1822 г. носила Ивановская улица⁷). 1 сентября 1923 г. Кабинетская переименована в улицу Правды «в честь газеты “Правда”, центрального органа большевистской партии в России, некоторое время печатавшейся в типографии П.В. Березина в доме 14 по Ивановской (ныне Социалистической) улице»⁸.

³ Русский биографический словарь / Изд. под набл. А.А. Половцова. СПб., 1900. Т. 2 [Алексинский — Бестужев-Рюмин]. С. 58.

⁴ *Нистрем К.* Книга адресов Санкт-Петербурга на 1837 год. СПб., 1837. С. 18.

⁵ *Семенцов С.В. и др.* Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. СПб., 2004. С. 386.

⁶ *Кукушкина В.В.* Топонимика Санкт-Петербурга XVIII в. по планам города: из фондов отдела картографии Российской национальной библиотеки. СПб., 2002. С. 123, 124.

⁷ Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга / Под общ. ред. А.Г. Владимировича. СПб., 2002. С. 349.

⁸ Там же. С. 301.

Изданные Аллером «Указатель...» и «Руководство...» весьма ценны впервые приведенным соответствием нумерации участков, существовавшей в 1810-х гг.⁹ и измененной в начале 1820-х, что делает возможным проследить смену домовладельцев практически с конца 1800-х до середины 1840-х гг., не прибегая к ныне труднодоступным архивам этого периода.

В 1846 г. домовладение С.И. Аллера было разделено на два, получившие номера 433, позже № 7 по Кабинетской (площадью 280 кв. саженей при ширине 17 саженей по улице) и 432, позже 9/10 по Кабинетской и Ивановской улицам, и до 1880 г. принадлежавшие наследникам С.И. Аллера — его дочери Екатерине (Катарине) Самуиловне фон Аллер (1822—1898), генерал-лейтенанту Александру Самойловичу фон Аллеру (1824—1895), отставному штабс-капитану Михаилу Самуиловичу фон Аллеру (1830—1874) и вдове капитана 1-го ранга Сергея Ивановича Елагина Марии Самуиловне (1827—1893)¹⁰. Умерший 5 ноября 1860 г. С.И. Аллер был похоронен рядом с женой Доротеей-Генриеттой (урожденной Блок, 1790—1854) на Волковом лютеранском кладбище на складывающемся здесь фамильном захоронении Аллеров, где впоследствии нашли упокоение и другие члены семьи¹¹.

Как и отец, Александр Аллер оставил заметный след в истории, хотя и на ином поприще. Он воспитывался в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (Николаевском кавалерийском училище); службу начал в 1843 г. прапорщиком лейб-гвардии Измайловского полка, с которым в 1849 г. участвовал в венгерском походе. В 1862 г. назначен командиром 6-го гренадерского Таврического полка, во главе которого отличился в усмирении польского восстания 1863 г. В 1865 г. назначен командиром Санкт-Петербургского лейб-гвардии гренадерского короля Фридриха Вильгельма III полка; в 1866 г. произведен в генерал-майоры. В 1871 г. выполнял почетное поручение императора Александра I принести поздравления германскому императору Вильгельму I по случаю окончания войны 1870—1871 гг. В 1873 г. принял командование 32-й пехотной дивизией и участвовал с ней в войне 1877—1878 гг. За труды и «отличное мужество», оказанные в эту кампанию, на-

⁹ С.-Петербургская адресная книга на 1809 год. СПб.: типография В. Плавильщикова, 1809.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 5626. 1881—1917.

¹¹ Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 1. С. 43.

граждён орденами святого Владимира 2-й степени и Белого Орла с мечами. По окончании войны до 1888 г. командовал 7-м армейским корпусом, а затем был назначен членом Военного Совета. В 1890 г. Александр Аллер произведен в генералы от инфантерии¹². Последние годы жизни он провел в доме 10 на Саперном переулке. А.С. Аллер и его жена Камилла фон Энгедбфельд (1818–1893) похоронены на фамильном захоронении Аллеров на Волковом лютеранском кладбище.

В 1881 г. архитектор Городского кредитного общества А.А. Бертельс оценил домовладение Аллеров под номером 7 с трехэтажным каменным домом, двухэтажными каменными службами и ветхими деревянными сараями в 77 тысяч руб. В том же году по купчей от 13 ноября домовладение приобрел член Петербургского Императорского общества рысистого бега и Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Бологовского технического железнодорожного училища титулярный советник Николай Семенович Петров, живший в другом доме Аллеров на Кабинетской 9/10, и приступил к перестройке дома (работы на участке вёл архитектор А.В. Иванов).

По купчей крепости от 22 февраля 1882 г. Петров продал начатый перестройкой дом жене врача титулярного советника Лидии Николаевне Погожевой (урожденной Кандалинцевой, во втором браке с 9 июля 1903 г. — Абациевой, сотрудничавшей в Ремесленном отделе Общества попечения о бедных и больных детях, Обществе вспомоществования окончившим курс наук в Петербургских Высших женских курсах и Обществе «Детская помощь». Абациева владела домом до 1918 г. Умерла в эмиграции в Берлине). В 1882 г. архитектор А.В. Иванов надстроил четвертый этаж над всем домом, пристроил к нему четырехэтажный флигель, на месте разобранных служб вчерне построил пятиэтажный флигель. В лицевом доме проведен водопровод и канализация. Стоимость домовладения возросла до 122 тыс. рублей¹³.

В начале 1900-х гг. дом привлек внимание нескольких практикующих врачей различных специализаций, поселившихся здесь почти в одно время и образовавших своеобразную «поликлинику». Это были: терапевт, доктор медицины Буловинцев (жил здесь в 1903 г.), хирург ординатор Обуховской больницы, врач Музея

¹² Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб.: т-во И.В. Сытина, 1911–1915. Т. 7. С. 341.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 5626. 1881–1917.

подачи первой помощи в несчастных случаях Иван Иванович Греков (1867–1934) и его жена Елена Афанасьевна (жили здесь в 1901–1906 гг.)¹⁴, школьный врач Александро-Невской части врач Обуховской больницы Ольга Васильевна Пилипенко, врач-огиатр лечебницы для приходящих больных Общества вспомоществования приказчиков и сидельцев, консультант Крестовоздвиженской общины сестер милосердия и Александро-Мариинской больницы член Петербургского Медико-хирургического общества доктор медицины Федор Петрович Поляков (1860 — после 1925, диссертацию доктора медицины защитил в 1900, в 1910 — статский советник, в 1915 — действительный статский советник, почетный лейб-огиатр. Жил здесь в 1901–1925 гг.).

В 1895–1917 гг. здесь жил и в 1903 г. женился на домовладелице коллежский асессор (в 1904 — статский, в 1913 — действительный статский) советник инженер-технолог Иосиф Николаевич (Магомет Навиевич) Абациев, владевший домом 19 по Боровой улице. В 1870-х гг. Магомет Абациев учился в Технологическом институте, неоднократно арестовывался за революционную деятельность, входил в кружок «кавказцев», участвовал даже в подготовке террористических актов. Дом на Кабинетской улице, который Магомет имел за женой, в течение полувека был местом, где собирались его земляки, учившиеся и служившие в Петербурге. Огромное уважение и благодарность семье Абациевых высказывали в разное время многие представители осетинской интеллигенции — от Коста Хетагурова до Васо Абаева. В семье Магомета были воспитаны и получили прекрасное образование его младшие родственники, в том числе и его племянница Вера Абациева, окончившая Бестужевские курсы. В 1902 г. она вышла замуж за губернского советника выпускника Лесного института Ивана Сергеевича Газданова, и молодая семья на правах родственников домовладелицы поселилась на четвертом этаже.

Здесь родился и провел первые четыре года жизни будущий писатель Гайто (Георгий Иванович) Газданов (1903–1971), рассказав об этих годах в одном из своих романов¹⁵. Гайто Газданов — автор восьми романов и около 40 рассказов. Ныне творчеству писа-

¹⁴ Векслер А.Ф., Крашенинникова Т.Я. Владимирский округ. Большая и Малая Московские улицы и улица Правды. М.; СПб.: Центрполиграф, 2011. С. 190–191.

¹⁵ Векслер А.Ф., Крашенинникова Т.Я. Указ. соч. С. 192–195.

теля посвящено несколько литературоведческих диссертаций, хотя вряд ли этого автора можно отнести к числу особо популярных. По нашим наблюдениям, формуляры его книг в массовых библиотеках содержат две-три фамилии читателей, что объяснимо тем обстоятельством, что книги писателя-эмигранта стали доступны читателю-непрофессионалу лишь в последние 10–15 лет. Но тот, кто однажды познакомится с газдановскими книгами, всегда будет отмечать для себя это имя — имя писателя, в совершенстве владевшего кристально чистым русским литературным языком. В годы перестройки жизнеописание Гайто Газданова вышло в серии ЖЗЛ¹⁶, вышло и собрание его сочинений.

Из других жителей дома отметим филолога и археолога, члена Академии художеств статского советника Сергея Александровича Жебелёва (1867–1941)¹⁷ и его жену, педагога Марию Александровну Жебелёву (жили здесь в 1914–1918 гг.), статского советника Владимира Ивановича Зазерского (1874–после 1938)¹⁸, старшего брата известного зодчего гражданского инженера А.И. Зазерского, преподавателя Института инженеров путей сообщения, члена Инженерного совета Министерства путей сообщения инженера путей сообщения титулярного советника (в 1917 — коллежский асессор) Михаила Федоровича Клочанова и его жену Веру Сергеевну (в 1917 жили на Торговой ул., 13), мичмана крейсера «Громобой» Федора Федоровича Клочанова (родился в 1887 г.; участник русско-японской войны. В звании капитана 2-го ранга служил в РККА и был репрессирован), совладельца фабрики зеркал, стекол и пианино на Глиняной ул., 7, зеркальной торговли под фирмой «Братья Оффенбахер» в Апраксином дворе, крупного домовладельца купца Вильгельма Вильгельмовича Оффенбахера (жил здесь до 1908 г., позже жил в домах 24-б и 33 по Каменноостровскому проспекту) и члена Учебного комитета и Испытательной комиссии при Министерстве финансов, преподавателя Ксениинского института, преподавательских курсов Петровского коммерческого училища Петербургского купеческого общества, женских коммерческих курсов П.О. Ивашиной, затем и счетоводных курсов Е.Ф. Шрекника Евстафия Евстафиевича Сиверса (1852–1917), в 1908–1916 гг. — редактора журнала «Коммерческое образование», предназначенного для пре-

¹⁶ Орлова О.М. Гайто Газданов. М.: Молодая гвардия, 2003.

¹⁷ Векслер А.Ф., Крашенинникова Т.Я. Указ. соч. С. 192–195.

¹⁸ Там же. С. 198.

подавателей и учащихся системы коммерческого образования, и его жену Елизавету Владимировну, первую женщину, применившую математические методы в бухгалтерских расчетах, композитора дирижера и аккомпаниатора Алексея Владимировича Таскина (родился в 1871 г., ученик профессора Соловьева. Написал скрипичные и фортепианные пьесы; большей известностью пользуются его романсы и мелодраматические произведения), библиографа, историка русской литературы, впоследствии сотрудника Публичной библиотеки Александра Григорьевича Фомина (1887–1939). Григорий Петрович Денакса содержал здесь склад устриц, Саул Исаакович Дилион — лавку керосиново-калильных светильников. Мещанка Злота Вольфовна Каплан содержала здесь переплетно-брошюровочную мастерскую.

Второй из бывших участков С.И. Аллера в 1881 г. приобрел тот же Н.С. Петров, уплативший Аллерам за трехэтажный каменный угловой дом на подвалах 98 тысяч руб. В 1882 г. по купчей крепости от 30 апреля домовладение приобрел купец 2-й гильдии Александр Николаевич Лялин. В 1883 г. архитектор А.В. Иванов надстроил над домом четвертый этаж, вместо одноэтажных служб выстроил четырехэтажный лицевой дом по Ивановской улице и пятиэтажный надворный флигель. Квартиры в домах содержали от двух до 13 комнат. Стоимость домовладения возросла до 196 тысяч руб. После смерти А.Н. Лялина, последовавшей 24 мая 1888 г., домовладение и торговое дело перешли в пожизненное владение его вдове Анне Степановне Лялиной¹⁹, содержавшей мебельную торговлю самостоятельно и вместе с купцом Григорием Николаевичем Лялиным (1852–1904). Владела также домом 25 по Глазовской улице. Дело и домовладение А.С. Лялиной на Кабинетской улице по духовному завещанию от 16 февраля 1899 года унаследовал почетный гражданин Николай Александрович Лялин, дом на Глазовской, 25 — жена коллежского советника Ольга Александровна Порфиорова (урожденная Лялина, ставшая после смерти брата владелицей всей недвижимости, а затем продавшая её, но оставшаяся жить в доме на правах наёмщицы жилья. Дом долгое время арендовал и жил здесь потомственный почетный гражданин Василий Петрович Мухин, и в 1913 г. его приобрел петербургский купец 1-й гильдии Николай Иванович Дернов, у которого его тогда же выкупи-

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 5623. 1881–1913.

ли почетный гражданин Александр Александрович Кашинцев и вдова коллежского советника О.А. Порфирова.

В 1895–1917 гг. здесь жили: владелец табачного магазина и гильзовой фабрики Петр Борисович Беляков, чиновник Управления отдельных неокладных сборов действительный статский (в 1911 — тайный) советник Александр Михайлович Герменов и его жена Анна Николаевна, вдова тайного советника директора медицинского департамента Николая Евграфовича Мамонова Екатерина Константиновна, а в 1907–1917 — их сын надворный (в 1913 — титулярный) советник, в 1915 — коллежский асессор архитектор Петербургских городского и губернского кредитных обществ и Покровской общины сестер милосердия Красного Креста гражданский инженер Григорий Николаевич Мамонов, надстроивший в 1914 г. доходный дом на Боровой, 24 и перестроивший тогда же доходный дом на Глазовской, 17²⁰; чиновник особых поручений при министре путей сообщения, директор правления Общества Ивановско-Домбровской железной дороги (в 1901 — директор от Министерства путей сообщения в правлении Общества Юго-Восточной железной дороги) статский советник Владимир Васильевич Потемкин (умер в 1902 г.) и его жена Елизавета Николаевна, Семен Леонтьевич, Александр и Иван Семеновичи Пчелины. Иван Васильевич Капустин содержал здесь фруктовую торговлю, С.Л. и А.С. Пчелин — мелочную торговлю, Иван Гаврилович Сырников — портновскую мастерскую. Почтово-телеграфное ведомство арендовало в доме восемь комнат.

С 1904 по 1916 г. здесь жил с семьей деятель народного просвещения Николай Милиеви́ч Аничков (1844–1916). Он родился в Тамбове и с малых лет жил с родителями в Петербурге, окончил с золотой медалью классическую 3-ю Санкт-Петербургскую губернскую гимназию и «первым кандидатом» — историко-филологический факультет Петербургского университета. Обладая немалыми лингвистическими способностями, он завершил образование в Германии и Франции и стал преподавателем древних языков в 3-й гимназии. В 1873 г. составил «Историческую записку пятидесятилетия... гимназии». В возрасте 32 лет он женился на 16-летней дочери протоиерея Иосифа Васильевича Васильева Любови (И.В. Васильев — основатель православного собора святого Александра Невского на улице

²⁰ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX—начала XX века: справочник /под общ. ред. Б.М. Кирикова. СПб., 1996. С. 208.

Дарю в Париже). В браке имел трёх дочерей и трёх сыновей. Николай Милиеви́ч работал директором училищ в Новгородской губернии, а с 1884 г. — в Министерстве народного просвещения: сначала директором департамента, с 1894 г. — товарищем министра. После смерти своего шефа министра графа И.Д. Лелянова в 1897 г. в течение года руководил министерством. Среди его служебных достижений — открытие университета в Томске и технологического института в Харькове, развитие многих средних и высших технических училищ. При решении служебных проблем он проявлял большую осторожность, деликатность и справедливость. Будучи по убеждениям государственным, считался реакционером и активно критиковался либералами. Н.М. Аничков состоял членом совета Императорского Православного Палестинского общества и как член этого совета курировал учебные и врачебные заведения в Сирии и Палестине. В 1899 г. он в течение трёх месяцев посещал указанные заведения, а затем составил отчёт, опубликованный в отдельном двухтомном издании (СПб., 1901–1910). С близкими и друзьями умел быть простым и, несмотря на немногословность, слыл человеком остроумным и ценящим юмор. В 1912 г. из-за неудачной операции по поводу двусторонней катаракты он потерял зрение и вынужден был выйти в отставку. Последние годы жизни Аничков провёл в доме своей жены Любови Иосифовны в Гатчине на Константиновской ул., 4. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры²¹. На месте разорённого в советские годы фамильного склепа нынешняя мраморная плита поставлена его сыном академиком АН и АМН СССР, генерал-лейтенантом медицинской службы Николаем Николаевичем Аничковым.

Сыновья Н.М. Аничкова жили в этом доме до 1913 г. (Николай Николаевич, 1885–1964)²² и до 1917 г. (Милий Николаевич).

Как и во множестве петербургских доходных домов, сроки непрерывного проживания нанимателей жилья и в этих двух домах редко превышали 3–5 лет. Исключения составляли обладатели крупных домашних библиотек, коллекций ценных картин и антикварных вещей, врачи, устраивавшие в наёмных квартирах медицинские кабинеты.

Авторы благодарят Елену Иосифовну Краснову за ценные замечания, сделанные при знакомстве с рукописью настоящей статьи.

²¹ *Дмитриевский А.А.* Николай Милиеви́ч Аничков: [Некролог]. [Пг., 1916].

²² *Саркисов Д.С. и др.* Н.Н. Аничков. М.: Медицина, 1989.

Ф.И. Ильин

Имение С.П. Боткина «Култилла» — культурное гнездо Русской Финляндии

В конце XIX в. Карельский перешеек стал популярным местом отдыха жителей Петербурга. В начале 1880-х гг. выдающийся врач-терапевт и общест-венный деятель Сергей Петрович Боткин приобрел для семейного летнего отдыха в Финляндии имение в деревне Кирстиняля в 12 верстах от станции Мустамяки¹ в местечке Кунттила, в настоящее время — поселок Тарасово. Ныне здесь располагается пансионат «Дубки» Ленинградского оптико-механического объединения.

В соответствии с действующим до сих пор постановлением Совета Министров РСФСР № 624 от 4 декабря 1974 г. объектом культурного наследия федерального значения признан «Дом, в котором в 1880-х годах жил врач-терапевт Боткин Сергей Петрович». Вновь выявленным объектом культурного наследия признана «Усадьба Кунтилла: парк, плотина», которая состоит на учете на основании Акта регистрации вновь выявленных объектов города Выборга и Выборгского района, представляющих историко-культурную ценность № 5–9 от 16 октября 1991 г.

Существуют несколько вариантов русифицированного названия местечка, мызы, где находилось имение. В статье Л.Н. Велиховского и Т.Н. Кандауровой указываются три варианта: Культилла, Кунттила, Култилла, и сообщается, что с 1881 г. С.П. Боткин

¹ ЦГИА СПб. Ф.19. Оп. 74. Д. 8. Л. 1–6.

проводил летние месяцы в новом имении в Финляндии². Авторы, однако, не указывают источников своих предположений, за исключением варианта названия имения Култилла, которое Боткин использовал в заявлении о разрешении на постройку домово-й церкви.

На сайте Карельского союза карта 1899 г. и сведения о местности опубликованы в разделе о деревне Кистиняля (Kirstinala)³. На карте и в приложении к ней местность, занимаемая имением, обозначена Кунттила № 1 и Кунттила № 2 (Kunttila № 1 и Kunttila № 2). В письме брату, М.П. Боткину от 25 июня 1882 г. Сергей Петрович называет адрес «мыза Культила, Мустамяки», а его жена Екатерина Алексеевна в приписке указывает «наша мыза Культила» и ставит ударение на первом слоге⁴. М.Е. Салтыков-Щедрин в письме называл имение «Культивла»⁵. Название «Култилла» С.П. Боткин указал в деле о разрешении на постройку в имении церкви⁶. Поскольку данный документ является официальным и написан Боткиным разборчивым почерком, будем использовать именно это название.

Имение было приобретено до 1882 г., так как 6 сентября 1882 г. С.П. Боткин указывает, что постройка церкви приближается к концу⁷. Письмо брату от 7 июля 1881 г. написано ещё в Гатчино (прежнее название Гатчины), а упомянутое выше письмо от 25 июня 1882 г. отправлено уже из Култилле. Предполагаю, что летний сезон 1881 г. семья Боткиных проводила ещё в Гатчино, а 1882 г. — в Култилле.

² Велиховский Л.Н., Кандаурова Т.Н. Культурное пространство и культурные гнёзда Выборгской Финляндии // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 10. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. С. 110–127.

³ Kylakartat ja asukkaat (A-K).). Kirstinala Kirstinalan asukkaat. Карта Кирстиняля. [сайт] / Официальный сайт Карельского союза Финляндии Karjalan Liitto «Ebookbrowse». URL: <http://www.karjalanliitto.fi> Дата обращения: 30.09.2012.

⁴ Личный фонд рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинского Дома). Ф. 365. Оп. 1. Л. 54–55. Архив М.П. Боткина. Боткин Сергей Петрович, письма к Боткину Михаилу Петровичу. 1875–1889 гг.

⁵ Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 20 т. Т. 20. Письма (1884–1889). М., 1977. С. 358.

⁶ ЦГИА СПб. Ф.19. Оп. 74. Д.8. Л. 1–6.

⁷ Там же.

Ценными для реконструкции дачной жизни С.П. Боткина являются сведения из книги его друга врача Н.А. Белоголового⁸. Литература советского периода новых сведений почти не содержит, в ней повторяется информация о благо-устройстве С.П. Боткиным усадьбы, исследовании лекарственных растений, занятиях микробиологией, встречах с М.Е. Салтыковым-Щедриным. Среди друзей, знакомых и пациентов С.П. Боткина были композиторы М.А. Балакирев, А.Г. Рубинштейн, Ц.А. Кюи, А.П. Бородин, писатели Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.П. Вагнер, художники И.Н. Крамской, И.И. Шишкин, многие из которых были гостями имения. В имении проводили лето дети С.П. Боткина и его брат Михаил⁹ со своей многочисленной семьей.

М.Е. Салтыков-Щедрин, поселившийся в 1886 г. неподалеку от имения на «Красной мызе», в письмах указывал, что «почти каждый день между 12 и 2 часами ездю к Боткину»¹⁰, писал об усадьбе врача: «Сейчас воротился от Боткиных, которые живут, как принцы Орлеанские, и имеют в своем шато 42 комнаты. < ... > По воскресеньям у них толпы гостей и такой шум, что я бывать не решаюсь»¹¹, сообщал: «О Боткиных знаю одно: что они по субботам служат в своей церкви всенощные, а по воскресеньям — обедни, для чего приезжает к ним из Выборга поп. Совершенно по-старинному...»¹²

В имении бывал художник Иван Крамской, и некоторые источники указывают, что именно здесь им написаны портреты С.П. Боткина и его сына Сергея. Думаю, что портрет С.П. Боткина был написан в Гатчине, где летом 1881 г., судя по цитированным выше письмам, отдыхала семья Боткина, ведь картина экспонировалась на передвижной выставке 1881 г. В Култилле в 1882 г. был написан портрет Сергея Сергеевича Боткина. Кстати, сведения о получении С.С. Боткиным диплома врача к моменту написания портрета ошибочны. Он закончил Вторую Санкт-Петербургскую гимназию в 1879 г., получил диплом кандидата по естественному

⁸ Белоголовый Н.А. Сергей Боткин. Его жизнь и врачебная деятельность. М., 2011. С. 46–48, 62, 67–70.

⁹ М.П. Боткин (1839–1914), академик исторической и портретной живописи, коллекционер, общественный деятель, предприниматель.

¹⁰ Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. С. 257.

¹¹ Там же. С. 252.

¹² Там же. С. 61.

разряду физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета в 1883 г.¹³, после чего поступил в Военно-Медицинскую академию. В связи с этим, принятое название работы И.Н. Крамского 1882 г. «Портрет врача С.С. Боткина» мне представляется неточным.

Последней хозяйкой имения была дочь С.П. Боткина Мария Сергеевна (1875–1960), в замужестве Андреевская, жившая здесь до 1943 г. Подробные сведения о ней отсутствуют, несмотря на то, что её имя упоминается в переписке И.А. Бунина, М. Горького, М.С. Боткина. По воспоминаниям В.Н. Муромцевой-Буниной, М.С. Боткина была сестрой милосердия во время землетрясения на Сицилии в 1908 г.¹⁴ Авторами её живописных и скульптурных портретов были В. Серов, французский живописец О. Редон, скульптор П. Трубецкой. М.С. Боткина похоронена в Хельсинки на русском кладбище.

При совмещении спутниковой карты и карты 1899 г. удалось определить местонахождение утраченных сооружений. В экспликации к карте 1899 г. содержится информация о расположении домов финского населения, обозначены границы имений Боткиных и Бородулиных, указано имя последней владелицы имения — М.С. Боткиной; опубликованы рисунки финских домов, которые были расположены в деревне, выполненные по памяти жителем Кирстиньяля Мэри Сало (Meeri Salo) (1926–1998)¹⁵.

Наиболее ценные сведения об имении содержатся в воспоминаниях Ээро Лемпийайнена (Eero Lempiäinen). Уроженец Кирстиньяля (1929 г.), Э. Лемпийайнен является крестником М.С. Боткиной, сыном работавшей в имении местной жительницы, которая стала «собеседницей и душевным другом» М.С. Боткиной. Э. Лемпийайнен — автор статей «Имение Боткина»¹⁶ и «Мария Сергеевна

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20558. Л. 2.

¹⁴ Муромцева-Бунина В.Н. Книга «Жизнь Бунина». [сайт]/ Сайт «Vuzlib. экономика-правовая библиотека» — URL: <http://www.history.vuzlib.org> Дата обращения: 30.09.2012.

¹⁵ Kirstinälän talot. Дома Кирстиньяля. [сайт]/ Официальный сайт Карельского союза Финляндии Karjalan Liitto «Ebookbrowse» — URL: <http://www.karjalanliitto.fi> Дата обращения: 30.09.2012.

¹⁶ Eero Lempiäisen muistelot. Botkinin alue. (Воспоминания Ээро Лемпийайнена. Имение Боткина). [сайт]/ Сайт [Kakko.eu/lempiain.htm](http://www.kakko.eu/lempiain.htm). URL: <http://www.kakko.eu/botkin.htm> Дата обращения: 30.09.2012.

Боткина»¹⁷, плана имения, который он нарисовал в 1939 г. На карте указаны около двадцати объектов, обозначены границы имения С.П. Боткина и имения его дочери — А.С. Бородулиной (Боткиной). По воспоминаниям автора, в имении перед войной находились: церковь и покрытая крышей колокольня, дом священника, гумно с листовным загоном для овец, дом прислуги, теплица с двухметровой кирпичной стеной, три колодца, пасека, картофельный и домашний погреб с крышей, дом М.С. Боткиной и управляющего имением, домашняя коптильня, мастерская художника, изба рабочих, большая собачья конура, баня, сенной сарай с бетонным бассейном, кухня-пекарня с амбаром, конюшня с хлевом и бетонированным бассейном для навоза, молочная с ледником и индюшатником, конюшня, помещение для слуг, большой летний двухэтажный дом на 32 комнаты, с большой остекленной верандой и внутренним двором, двухэтажный летний дом, дом садовника. Содержится информация о сельскохозяйственной деятельности, быте имения, приготовлении пищи, промыслах и работе в имении коренного финского населения, уважении финнов по отношению к Боткиным, оказании врачебной помощи населению, религиозных праздниках, сведения о жизни М.С. Боткиной в Финляндии в 1930–1950-х гг.

При обследовании местности удалось обнаружить остатки фундамента дома (географические координаты: 60°15'432" N, 29°18'696" E). В соответствии с планом имения здесь располагался большой двухэтажный летний деревянный дом на 32 комнаты, разобранный в 1936 или 1937 г. Внешний вид дома воспроизведен на фотографии архива Военно-Медицинского музея¹⁸.

Благодаря воспоминаниям Э. Лемпийнена установлено, что единственная сохранившаяся в настоящее время постройка имения — двухэтажный деревянный дом (географические координаты: 60°15'408" N, 29°18'673" E) был одним из двух летних деревянных домов. Современное состояние дома угрожает его разрушением — зимой 2010 г. обрушился балкон, вода с кровли течет по стене, конструкции дома быстро разрушаются и гниют.

¹⁷ Eero Lempiäisen muistelo. Maria Sergejevna Botkin. (Воспоминания Ээро Лемпийнена. Мария Сергеевна Боткина). [сайт]/ Сайт Kakko.eu/lempiain.htm. — URL: <http://www.kakko.eu/botkin.htm> Дата обращения: 30.09.2012.

¹⁸ Сергей Петрович Боткин. К 180-летию со дня рождения: монография. СПб., 2012. С. 121.

Одной из главных загадок, возникших в ходе исследования, стал вопрос о месте нахождения домового храма во имя Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла, не сохранившейся до наших дней. Удалось изучить и опубликовать текст и фотокопию заявления о строительстве церкви¹⁹ из архивного дела по заявлению С.П. Боткина в Духовную консисторию о разрешении на сооружение в имении домового храма²⁰. В номере еженедельной газеты «Неделя Строителя» за 10 июля 1883 г. найдена статья, подтверждающая строительство храма по проекту архитектора управления домами Министерства путей сообщения П.С. Купинского, а также написание образов для церкви академиком живописи М.П. Боткиным²¹.

О посещении храма в начале XX в. дачниками с Красной мызы вспоминала иконописец сестра Иоанна (баронесса Рейтлингер). Финский автор Аримо Лахдениити утверждает, что храм был разрушен только в 1930-х гг.²²

Церковь обозначена на карте деревни Кирстинья 1899 г., топографической карте Генштаба Красной армии и плане Э. Лемпийнена 1939 г. Храм располагался на принадлежащей С.П. Боткину земле за пределами земельного участка, ныне занимаемого пансионатом. Храм был построен у перекрестка, рядом с дорогой в Лемпийя (в настоящее время — к Средне-Выборгскому шоссе), недалеко от ручья, который ныне протекает под дорогой по трубе. В настоящее время на площадке размером около 100 x 80 м, вплотную к обочине дороги, расположено одноэтажное здание для содержания скота. Без проведения археологических раскопок трудно установить точное местонахождение храма и кладбища. По свидетельству Э. Лемпийнена, храм был возведен на полутораметровом фундаменте. Высота фундамента части сельскохозяйственного объекта, расположенной перпендикулярно дороге, также возрастает от ну-

¹⁹ Ильин Ф.И. «Неизвестные страницы гимназических лет лейб-медика Е.С. Боткина и его братьев. Неизвестные адреса Е.С. Боткина. Первая Международная Конференция, посвященная 145-летию со дня рождения Е.С. Боткина, лейб-медика Императора Николая II. 09.06.2010 г. Сборник материалов. СПб. 2011. С. 49–51.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф.19. Оп. 74. Д.8. Л. 1–6.

²¹ Неделя строителя. Прибавление к журналу «Зодчий». 10.07.1883. С. 208.

²² Arimo Lahdeniitty. Сайт «Ebookbrowse». URL: <http://ebookbrowse.com/uudenkirjon-kirkot-jaseurakunnat-arimo-lahdeniitty>. Дата обращения: 30.09.2012.

левой отметки у обочины дороги и достигает высоты около 1,5 м. С учетом указанного на картах места нахождения церкви, расположения естественных ориентиров, рельефа местности, наличия большого количества валунов в фундаменте сельскохозяйственного объекта, предполагаю, что остатки фундамента домового церкви необходимо искать в южной части здания для содержания скота (географические координаты 60°15'406" N, 29°19'122" E), на расстоянии около 30 м к югу от перекрестка.

В 2012 г. с целью изучения и описания уцелевших зеленых насаждений объекта выполнен осмотр имения С.П. Боткина, выявлено не менее 300 крупных деревьев (дубы, липы, лиственницы), составлен план аллей. Подготовленная документация направлена в Комитет по культуре и Ту Росимущества Ленинградской области. В мае 2012 г. состоялся совместный выезд специалистов этих ведомств, дом изъят у пользователя. В письме руководителя Ту Росимущества в Ленинградской области В.В. Корелина от 21.03.2012 г. сообщается, что «договоры аренды на объект не заключены, объект не включен в план приватизации». Председатель Комитета по культуре Ленинградской области В.Б. Богуш в письме от 19.11.2012 г. сообщил: «Разделяем Вашу тревогу по поводу ухудшающегося состояния здания. Идея создания музея в доме С.П. Боткина послужит возрождению усадьбы как культурного центра...». Озабоченность состоянием дома высказал председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям академик В.А. Черешнев, который посетил усадьбу в июле 2013 г.

С учетом статуса и состояния объекта считаю необходимым включить работы по восстановлению усадьбы в список мероприятий Года культуры, объявленного Указом Президента РФ, не допустить разрушения памятника федерального значения, передать его государственному учреждению здравоохранения или культуры, например, Военно-Медицинской академии, организовать музейную экспозицию.

М.С. Инге-Вечтомова

Петербург—Ленинград в творчестве поэта-балтийца Юрия Инге

Название конференции — Анциферовская — навело нас на мысль остановиться именно на петербургском аспекте многогранного творчества Инге. В Стрельне, где родился любящий море поэт и один из ярких людей эпохи 1930-х, Юрий Инге, существует его музей. Любое из стихотворений Инге, непременно звучащих на встречах в музее, переводит нас в мир 30-х годов, и перед слушателями встает ушедшее, подкрепляемое живыми экспонатами.

«Родился я в Санкт-Петербурге и не видал иных морей», писал Юрий Инге в стихотворении «Из биографии». Балтийское море, на берегу которого в Стрельне прошло детство поэта, сыграло решающую и роковую роль в его жизни.

После того как по радио в день объявления Великой Отечественной войны звучало стихотворение Инге «Война началась», прошло чуть больше двух месяцев до часа гибели поэта вместе с редакцией газеты «Красный Балтийский флот» при переходе наших кораблей из Таллина в Кронштадт — порт города, который Юрий Инге так любил. Он погиб, как один из многих, кто явился лицом нашей победы, кто дал ей своё имя, ведь она была победой не только великой страны, но победой каждого героя. Говоря о поэзии Юрия Инге, мы говорим о литературе времени Великой Отечественной войны, а «её назначение — быть вечной памятью о поколениях нашего народа, сберегших мир от фашизма. Здесь важна именно частная конкретность, потому что литература (как и Победа, добавим мы) имеет дело с отдельным человеком, с его личной судьбой, а не с потоками безымянных существ»¹.

¹ *Платонов А.Н.* Записные книжки: материалы к биографии. М., 2000. С. 279—280.

Наравне с гражданской и романтической в поэзии Инге звучит тема любимого возвеличиваемого города. Поэтический архетип прекрасного творения чувствуется во всей поэзии Инге. Одна из книг, вышедших при жизни писателя, в 1940 г., так и называлась — «Город на Балтике». Пройдём по городу вместе с поэтом, быть может, это даст и нам возможность увидеть истоки того света, который есть во всех его романтических стихах, что, увы, было противоестественно в те годы для официальной поэзии.

Начинаем путь от балтийского берега Стрельны. Не будем забывать о приметах времени, которые не могли не отразиться в поэзии, рукой поэтов хронографирующей во все времена действительность. Постараемся в приведенных стихотворных строках Инге увидеть присутствие города, которое представляется нам столь явным и важным

В первом же стихотворении книги встречаем то, чего уж нет. Совхоз. В Стрельне действовал немецкий рыболовецкий совхоз «Роте Фане» (это вполне соотносится с немецкими корнями Инге).

Старинный парк приморского совхоза...
Там нынче осень — золото в огне,
Глухие предоктябрьские грозы,
Букеты астр в распахнутом окне.

Будучи исключен из гимназии как этнический немец, Инге учился в какой-то, нам неизвестно, в какой, школе и встречался с девушкой из школы второй ступени, что тоже является историческим фактом. Эти школы второй ступени, возникшие после революции и просуществовавшие до 1934 г., потом стали средними общеобразовательными школами.

Здесь, на горе, у **каменного зданья**,
Где вьётся плющ, как ржавая тесьма,
Рождалась дружба, встречи и прощанья
В наивных строчках детского письма.

Нам не забыть нетопленные залы
И взрывом озарённый горизонт.
Не дожидаясь солнечного бала,
Мы убежали с братьями на фронт.

Мы отложили школьные тетради,
Со школой распрощались в этот год,

Когда великий бой при Петрограде
Гремел **на склонах Пулковских высот**.

А на дубы глядел сквозь дым флотилий
Недружелюбный берег Териок.
Тут, в парке, мы деревья посадили,
Но в те года никто их не стерёг...

Я прохожу заросшим парком снова
И слышу птичье пение в кустах,
Где поджидал я Лидию Лаврову,
Второступенку с лентой в волосах.

Мы снова здесь, случайно иль нарочно,
Но трудно нам не вспомнить в этот час
Учителей, приморский парк, ту почву,
Что под ветрами вырастила нас.

1938

Здесь, кроме сказанного, мы видим много других примет времени: **бои под Пулковом** 1917 и 19-го. Поэт не знал, что в 1941 г. снова будут кровопролитные бои там же, под Пулковом, и наши героини не пустили фашистов в Ленинград.

В стихах Инге часто лирический герой принимает активное участие в реальных событиях времени — «Мы убежали с братьями на фронт...», хотя самому поэту в 1917 г. было 12 лет, впечатление о недружелюбном берегу Териок — 1938 г., перед войной с «белофиннами».

И ещё один ракурс на берегу Балтийского моря — из Ораниенбаума, где по-прежнему есть шлагбаум рядом с морем, железная дорога пересекает около него шоссе. Вряд ли в годы, о которых помнил Инге, ещё сохранялся шлагбаум на воротах — бывшей городской заставе Ораниенбаума. Можно обратить внимание на оригинальную рифму.

У ЗАЛИВА

Сколько раз вдыхал я горький запах
Камышовых бухт Ораниенбаума,
Слышал скрип соснового **шлагбаума**,
Скрежетанье якорей трёхлапых.

...

И казалось, с поездом последним,
В умолкавшем грохоте вокзала,
Тишина, как море прибывала,
Свет мерцал на берегу соседнем.

...Бродит штурман с грозного корвета
И дымит прокуренною трубкой.

Он жалеет, что уедут скоро
В долгосрочный отпуск из Кронштадта
Стариковской выучки ребята —
Краснофлотцы нового линкора.

...

1937–1939, Кронштадт

Здесь, кроме соседнего Ораниенбаума, упоминается Кронштадт, сыгравший важную роль в судьбе Инге, и его много в стихах Инге.

Отложив собственно стихи о героических буднях морской крепости Кронштадта, процитируем стихотворение о переулке Надсона. Оно глубоко и наполнено, оно замечательно своим культурно-бытовым аспектом, в нём много слов, которые следовало бы пояснить — это всё история быта и развития техники.

Метель кружит и скачет, как борзая,
И труден **санный путь** через залив,
Туда, где в ночь январскую вмерзая,
Уснул Кронштадт, от холода простыв.

Что здесь увидишь в пору **ледостава?**..
Застывший порт сквозь **мёрзлое окно**..
Здесь жизнь течёт по **зимнему уставу**,
И нам его нарушить не дано.

Тень старины, пусть это пережиток,
Ещё хранят кронштадтские углы.
Где странно дружат с зоркостью **зениток**
Петровских пушек грозные стволы.

Пройдут года. И мы забудем скоро,
От совершенства полного устав,

Смотря на профиль гордого **линкора**²,
Как восхищал нас первый **пироскаф**³.

И чрез столетье новые поэты,
Такие прозорливые подчас,
Нам не дадут на многое ответа,
Что сохранится в памяти у нас.

Вот переулок, где бывал я лично
И трогал кисть рябины в январе,
Там **откомхоза**⁴ новая табличка
Напомнит нам о прожитой поре.

Здесь жил поэт..
Балы, молебны, музыки раскаты,
И каждый день на **Якорной парад**.
То был Кронштадт годов восьмидесятых,
Сверкающий, как парусный фрегат.

Здесь жил поэт. Его короткой жизни
Последний отблеск тихо догорал.
Здесь жил поэт, рыдавший об отчизне
И воспевавший правды идеал.

Его звучало раненое сердце,
Он прозябал и рвался в новый мир.
И с отвращеньем сбросил офицерский
Шитьём сверкавший павловский мундир.

Здесь в переулке старого Кронштадта,
Где **крашенные охрой флигеля**,
Мы слышим песнь годов восьмидесятых
И залп стальных орудий корабля.

Что говорить — не всякому поэту
Дано подняться в песнях над собой:
Одним мечты и горести воспеты,
Другой словами увлекает в бой.

² Артиллерийский бронированный линейный корабль.

³ Первоначальное название парохода.

⁴ Отдел коммунального хозяйства.

Здесь Надсон жил...
Я вспомнил об Островском.
Однако бросим!.. Каждому своё.
Жива тетрадь, закапанная воском, —
Почтим поэта мирное жильё!

1940, Кронштадт

Вернёмся на проспекты и улицы Петербурга — Петрограда — Ленинграда. По проспекту Стачек, или улице, как он тогда именовался, мы идём из Стрельны через Нарвскую заставу в город.

Вызвездило так, что не иначе —
Зажигать не станут фонарей.
Мы проходим улицею Стачек,
Молодость почувствовав острей.

В героическую тему вплетены Петербургские названия и приметы времени. Не будем останавливаться на всех.

Студенты, шпионы, штрейкбрехеры, — все
На верфь, на Путиловский, в Колпино,
Пусть каждая мать вышивает кисет
И копнами шиплет корпий.

Шумит наступленье в Гостином дворе
Султанами страусовых перьев:
«Слыхали, шикарный какой лазарет
На днях открывает Мэри».

1929

...Фронт повсюду. У Летнего сада,
На проросших травой площадях,
Никого не пропустят засады,
Не пропустят и не пощадят.

Петербург гвардейские тени
Выползают из тёмных углов
...И гремело балтийское — амба!
Слыша пламенный отклик — даёшь!
Через Детское, Лугу и Ямбург
Петроградская шла молодёжь.

Вы слышите, что ближайшие пригороды смелой поступью идут по стихам Инге. Одна из жемчужин поэзии Инге — «Зима в Пушкине». Каждая строчка фиксирует для нас место и время.

ЗИМА В ПУШКИНЕ

Казалось, что вот-вот засыпет
Снегами тихий городок,
Напоминающий Египет
Со стороны **ямских дорог**.

То были старые ворота...
К заставе **Царского Села**
Сто лет назад гвардейцев рота
Их на плечах перенесла.

Здесь словно в лавке антиквара
Живут минувшие века,
Забытый герб, литая чара,
Лепной карниз особняка.

Мне так знакома эта утварь
По книгам, выставкам, мечтам,
Как будто в солнечное утро
Я из **Лицея** вышел сам.

Плыл лёгкий снег. И понемножку
Входили лыжники в азарт,
А я всё ждал, что из окошка
На них прикрикнет Энгельгардт.

Каким дворцам тот флигель равен!
Вот здесь, уйдя от пышных зал,
Когда-то плакал сам Державин
И Пушкин дружбу воспевал...

И видел я, идя к воротам,
Одетым в зимний полумрак,
Как шли в **Лицей** сдавать зачёты
Грузин, зырянин и остяк.

И чтили выше всех реликвий
Старинный дом, где много лет
Сидел за партою великий,
Влюблённый в родину поэт.

1939, Пушкин

Снова вернёмся в город. Одно из самых лиричных стихотворений, и, безусловно, самое петербургское, хотя и не так много в нём о городе. Это на первый взгляд — ведь что есть воздух, которым не надышишься, не опишешь. Как автор записывает свои *традиционные* воспоминания издалека, а может, всего-то с Кронштадтского берега — о любимом призрачном городе! Стёрты грани между сном и явью, и воспоминания, как водится, объединяют всё. Именно город объединяющее начало, а не любимое нашим автором море, которое всё растворит в своих водах, в разъединяющей, гибельной для поэта стихии.

Прочтём всё стихотворение с минимальными сокращениями, чтобы снова постичь дорогие для Юрия Инге (и для нас) миры — море с хилой, но такой знакомой и родной прибрежной природой, корабли, город, любимая муза-жена.

ОПЯТЬ С ТОБОЙ

Опять осенний ливень вымыл
Береговую полосу,
Листву берёз, тычинки примул
И хвою колкую в лесу.

Мир обновлённый стал наряден,
Как в новолунье, молодой.
И гроздью синих виноградин
Нависли звёзды над водой.

Но выше звёзд в вечернем мраке
Над сизой дымкою полей
Опознавательные знаки
Пятимоторных кораблей.

Наш город вновь тебе приснится:
Его заставы и мосты,
На гордых арках колесницы
И кони редкой красоты,

Его прозрачные каналы,
Сиянье затемнённых крон.
Но и во сне б ты не узнала,
Каким предстанет завтра он.

...Тогда от нас шагов за двести
Сторожевой костёр мерцал...
Взгляни, теперь на этом месте
Ограда Зимнего дворца.

1938

И снова в стихотворении отразился мир 30-х годов — покосившиеся домишки, которых скоро сменят новые дома, сторожевой костёр тревожных лет гражданской войны, на которые пришлось вхождение в литературу автора, снова тревожное предчувствие («ведь это может быть опять»), перенесённая в 1919 г. ограда Зимнего дворца без цоколя, который, как мы знаем, пошел на Памятник жертвам революции на Марсовом поле. Собирая из разных стихотворений отрывки, мы складываем единую картину любимого города, чьи прекрасные образы застыли в отражении предвоенной поры. Вот ещё стихотворение.

ЧЁРНАЯ РЕЧКА

Весь день режут над **речкой** монопланы,
Шумит листвою **коломяжский лес**,
Дым паровозов стелется к полянам ...
Вот здесь сходились Пушкин и Дантес.

...Кустарник. Сосны. **Старая деревня**.
Здесь всё не так, как сотню лет назад.
И видевшие многое деревья
Угрюмо и подавленно молчат.

1937 (?)

Стихотворение «Море» проводит нас чередой прекрасных улиц и площадей и приглашает зайти в один из прекраснейших музеев, который, очевидно, находясь рядом с гимназией, где учился будущий поэт, не раз открывал двери для романтика морского берега. Русский музей с его лучшими морскими залами вдохновлял поэта на новые стихи

МОРЕ

В двусветных залах Русского музея
Я с необычной жадностью глядел
На воплощёнье красок Зюдерзее,
На паруса испанских каравелл.

...С утра на взморье убежав из класса,
Мы по волне чертили след,
А рулевой стоял на дне баркаса,
Сжимая самодельный пистолет.

Так возникало смутное начало
Далёкого и трудного пути.
Да, нас изрядно море покачало,
Но научило плавать и грести.

В нас был излишней гордости излишек,
И за поход на яхте в Петергоф
Во всём сословье уличных мальчишек
Лишь мы носили титул моряков.

...Всё будет вечным — верность и отвага,
И мы, раскрыв походную тетрадь,
Взойдём на бак перед поднятием флага,
Чтоб жизнь по-настоящему начать.

1940

Героика, выглядывающая из строк прозвучавшего стихотворения, имела корни в юности, прошедшей в Стрельне, рабочим районом Нарвской заставы соединённой с городом. От соснового шлагбаума Ораниенбаумской заставы до заставы Нарвской.

ЗА НАРВСКОЙ ЗАСТАВОЙ

У железной триумфальной арки,
Где дорога ускоряет бег,
Дымом закопчённые хибарки
Скучный свой заканчивали век,

...Не тогда ль я полюбил впервые
Этот край в его ночной красе,
Путь от верфи, глыбы верстовые
У излучин тёмного шоссе.

...А вдали, где стягивает туго
Пустыри трамвайная петля,
Город мой сворачивает к югу,
Новыми дорогами пыли.

...Теплоход, зачаленный вплотную
К бурым Турухтанным островам, —
Всё здесь незнакомо и волнует,
Этот мир не примелькался нам.

1939

Пройдя по городу, мы вернулись к Нарвской заставе. Но впереди ещё есть несколько лет жизни, когда поэт надеется на лучшее, хотя и предчувствует свою судьбу, как многие поэты. Вот видение города страшного 41-го года, когда призрачность красоты подчёркнута мрачным обрамлением.

ПОЛНОЧЬ

Опять дорогой круговой
Иду по улицам, тревожась,
Стоят ли сфинксы над Невой
У Академии художеств.

Давно мосты разведены,
А там, где неба полуциркуль,
Как предисловие страны
Кронштадт мне машет бескозыркой.

Все спит. Сквозь синеватый дым
Глядят на запад батареи.
Он горд сознанием молодых,
Что никогда не постареет.

И волны отбивают ямб
Ночной таинственной поэмы.
Воды и неба по краям
Расставлены штыки и шлемы.

Замаскирован часовой
Листвы тончайшей филигранью,
Но у меня над головой
Его негромкое дыханье.

Все говорит о прошлых днях,
Навек оставшихся в помине,
О бурях, крови и огнях,
Немеркнувших поныне.

О спящий город! Над Невой
Ты столько лет стоишь, как песня.
Привратник мира, часовой,
Страны моей ровесник!

1941

Многие стихи Инге отмечены любовью к городу, во многих присутствует петербургский материал, встает образ города. Мы лишь наметили тему, но стоит внимательно прочесть стихи Инге и увидеть в них любовь к Петербургу, в котором он родился, к Ленинграду, за который он погиб.

Е.В. Нестерук

Неизвестная часовня на Крестовском острове

Среди многочисленных островов, на которых расположен Санкт-Петербург, только три зовутся «Островами» с большой буквы. Каждый петербуржец былых времен прекрасно понимал, что речь идет о центральных островах Невской дельты — Каменном, Елагинном и Крестовском (в советское время — Кировские острова). Историк Г.А. Немиров отмечал, что «в «Писцовых книгах 1500 г. на Невском взморье обозначены три крупных острова: «Васильев» (ныне Васильевский с о. Голодай), «Фомин» (ныне Петроградский с Аптекарским и Петровским) и некий «Сандуй»¹. Автор предположил, что это необычное название «пять веков назад имел единый остров, объединявший нынешние Елагин, Каменный и Крестовский острова». «Сандус» по-вепски означает «спелые травы». Возможно, на всех трех островах с давних времен располагались покосы. Во всяком случае, на Крестовском это было именно так.

На «Плане Крестовского острова владения князя Белосельского-Белозерского»², хранящемся в Центральном Государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, наряду с лесами, садами и пашнями показаны и покосы. Карта эта до сих пор датирована не была. Скорее всего, она появилась не ранее 1877 г. и не позднее 1887 г., так как, кроме садов, пашен и лесов, на ней отмечен и ряд улиц, впервые получивших названия в 1877 г., например, Надеж-

¹ Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга, 1703. СПб., 2004. С. 344.

² ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 169. Д. 302.

динская, Александровский пр. и переименованных в 1887 г. — Холмогорская и Архангельская улицы соответственно³. В пользу приведенной версии названия «Сандуй» можно привести и такой факт: в деле правления Городского Кредитного общества за 1865 г. отмечаются доходы Белосельских-Белозерских от продажи сена — 1600 рублей (наряду с доходом от аренды дач, торговли на немецком празднике Куллерберг, доходами за зимовку лодок на берегах, на право перевозов и т.д.)⁴.

Крестовским островом на протяжении всего периода после основания Петербурга владели А.Д. Меншиков, сестра Петра I царевна Наталья Алексеевна, затем вновь Меншиков, Б.Х. Миних, графы Разумовские (сначала Алексей Григорьевич, затем Кирилл Григорьевич, от которого остров перешел его наследнику — сыну Петру Кирилловичу). В 1803 г. «Действительный тайный советник граф Петр Кириллович сын Разумовский продал Действительному тайному советнику и Ордена Иоанна Иерусалимского командору князю Александру Михайловичу сыну Белосельскому крепостное свое неделимое имение за 120 тысяч рублей ассигнациями»⁵.

Это была первая в истории острова продажа. Все предыдущие владельцы получали его в подарок. И вплоть до революции 1917 г. остров принадлежал князьям Белосельским-Белозерским — именно так стал именоваться князь Александр Михайлович⁶ с 1799 г.

³ Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга / Под общ. ред. А.Г. Владимировича. СПб.: ЛИК, 2002. С. 112, 529.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1190.

⁵ Там же. Д. 573.

⁶ Князь А.М. Белосельский-Белозерский (1752–1809), русский писатель, просветитель и дипломат, родоначальник Белосельских-Белозерских. Член Российской Академии словесности, почётный член Императорской Академии наук и Академии художеств, почётный член ряда иностранных академий. Владелец крупной картинной галереи. Происходил из рода Белосельских (Рюриковичи). Сын князя Михаил Андреевича Белосельского, видного морского чиновника (вице-адмирал, в 1745–1749 г. глава Адмиралтейств-коллегии, затем генерал-кригс-комиссар флота). В детстве был записан в Конную гвардию, в 19 лет (1771 г.) был произведен сначала в корнеты, а затем в прапорщики Измайловского полка. В 1779 г., в звании камер-юнкера, был назначен русским посланником в Дрезден (Саксония) вместо умершего брата Андрея Михайловича. В 1789 г. он был переведен посланником в Турин (Сардинское королевство), где оставался до 1793 г. После этого

Изучение истории Крестовского острова потребовало внимательного рассмотрения доступных исследователю карт Петербурга. В Атласе Цылова⁷ 1849 г. на берегу реки Чухонки обозначена каменная часовня, тогда как на плане Шуберта⁸, опубликованном в 1828 г., никакой часовни еще нет.

М.И. Пыляев в книге о прошлом окрестностей Санкт-Петербурга часовню не упоминает, но современный автор комментариев пишет, что «в память Александра Михайловича на Крестовском острове воздвигнута часовня», а также указывает предполагаемый адрес: Александровский пр. (ныне пр. Динамо), 14⁹. Но Александр Михайлович умер в 1809 г., когда Александровский проспект, называвшийся «Дорога к дачам на гулянье»¹⁰, был местом обществен-

жил в России, преимущественно в Петербурге. В 1799 г. император Павел I повелел ему, как старейшему в роде князей Белозерских, именоваться князем Белосельским-Белозерским, каковой титул был подтвержден Александром I в 1823 г. за его сыном, Эспером Александровичем. В 1803 г. князь купил у разорившегося графа П.К. Разумовского Крестовский остров, а позднее — дом на углу Невского и Фонтанки (впоследствии перестроенный в дворец Белосельских-Белозерских), где Александр Михайлович жил последние годы и умер 26 декабря 1809 г. Похоронен в Александрово-Невской лавре. С 1786 г. был женат на Варваре Яковлевне Татищевой (1764–1792), племяннице сенатора П.Д. Еропкина и троюродной сестре дипломата Д.П. Татищева. Умерла в Турине, на её могиле муж соорудил великолепную часовню при храме Сан-Пьетро-ин-Винколи. Вторая жена — дочь екатерининского статс-секретаря Г.В. Козицкого принесла мужу часть громадного состояния своего деда И.С. Мясникова.

⁷ Атлас тринадцати частей Санкт-Петербурга / сост. Н. Цылов. Репр. воспроизв. изд. 1849 г. М.: Центрполиграф, 2003.

⁸ Подробный план столичного города С.-Петербурга 1828 года ген.-майора Шуберта. СПб.: Военно-Топографическое Депо, 1828.

⁹ Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб.: Лениздат, 1996. С. 487.

¹⁰ Среди «увеселительных приманок» «Отечественные записки» 1820 г. сообщают и о такой: «Ныне на Крестовском острове поселилась женщина-невидимка, одаренная пронизательным слухом и многими приятными талантами: она играет на флейте и поёт, знает многие языки, французский, немецкий и русский, на коих отвечает на все делаемые вопросы; сверх того смеётся, кашляет, бьёт в ладоши, гасит свечки и т. п.». На острове действовали два трактира, русский и немецкий, внаём сдавались самовары и чайная посуда, оркестры играли роговую и духовую музыку, выступали акробаты. Зимой были катальные горы. Также князья

ных увеселений. Размещение часовни в таком бойком в то время месте представляется не совсем логичным.

Кроме того, богадельня, находившаяся позднее по этому адресу, именовалась «Богадельня в память князя Еспера¹¹ Александровича и матери его княгини Анны Григорьевны Белосельских-Белозерских», а церковь при ней появилась только в 1899 г. «тщанием княгини Надежды Дмитриевны Белосельской-Белозерской и освящена протоиереем Росляковым в честь Рождества Христова»¹². Во всяком случае, никаких подтверждений того, что какая-либо часовня была освящена именно в честь Александра Михайловича, обнаружить не удалось.

Поиски часовни, продолженные в РГИА, принесли некоторые результаты. В одном из дел Канцелярии обер-прокурора представлено прошение княгини Елены Павловны Белосельской-Белозерской «о дозволении построить каменную церковь и при ней небольшую часовню на Крестовском острове при нашей даче»¹³. Далее Елена Павловна просит «дать возможность исполнить священную для меня волю покойного супруга моего князя Еспера Александровича» и открыть «со временем при церкви этой какое-либо богоугодное заведение»¹⁴. Письмо это датировано 12 сентября 1846 г. А уже 27 августа следующего года слушался рапорт «преподобного

Белосельские выстроили на Крестовском домики для сдачи в аренду. Для них самих арх. Штакеншнейдер в 1860-х годах перестроил дом Разумовского. Безымянный корреспондент «Литературных листков» ещё в 1823 году писал: «Ныне сей остров составляет публичное гульбище для жителей всех званий и сословий... Кто хочет видеть моды и людей так называемого большого света, то пусть остаётся на берегу Малой Невки, напротив Петербургской стороны, где прохаживаются в безмолвии, медленными шагами особы высшего сословия или те, которые хотят казаться таковыми». Светская публика прогуливалась «по дорожке, идущей по восточному берегу острова подле реки и заворачивающейся к стороне сосновой рощи и потом вдоль большой дороги до павильона княгини Белосельской, что составляет несколько более полутора вёрст».

¹¹ В документах встречаются два варианта написания этого редкого имени: Еспер и Эспер

¹² Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга: ист.-церков. энцикл.: в 3 т. СПб., 1994–1996.

¹³ РГИА. Ф. 797. Оп. 16. Д. 38551.

¹⁴ Там же.

Антония митрополита Новгородского и Петербургского» о том, что «благочинный Санкт-Петербургского Кафедрального Петропавловского собора протоиерей Иоаким Кочетов, по рапорту причта Преображенской церкви, что в Колтовской слободе, донес епархиальному начальству, что владелица Крестовского острова, княгиня Белосельская-Белозерская на том острове устроила каменную часовню, в которую 18 числа мая 1847 г. внесена икона Св. мученика Эспера в серебряной позолоченной ризе и десять простых икон из домового Ея светлости церкви». Там же сообщается, что «о построении упомянутой часовни ни Благочинный, ни Колтовской причт прежде никаких сведений не получали». Приведены также пространные выяснения о соизволении на постройку этой часовни, в процессе которых было выявлено, что княгиня Белосельская-Белозерская «имела счастье через попечителя своего князя Александра Ивановича Чернышева представить фасады церкви и часовни Государю императору», и они были удостоены одобрения Николая I. В дальнейшем, при отъезде за границу, Елена Павловна «удостоилась лично получить соизволение Его Императорского Величества на предполагаемое сооружение»¹⁵.

Одобрение было получено, часовня построена, но как она выглядела и кто её автор, узнать пока не удалось. Есть только несколько упоминаний. Так, в «Клировых ведомостях церкви Спасо-Преображения состоящей в Колтовской слободе в г. С.-Петербурге» за 1847 г. читаем: «Домовых в сем приходе церквей две, а сверх того одна часовня зданием каменная, построенная с высочайшего разрешения в 1846 г. на Крестовском острове княгиней Белосельской-Белозерской в виде монумента в память покойного супруга ея генерал-майора князя Еспера Александровича Белосельского-Белозерского. Часовня так мала, что служение в ней быть не может»¹⁶.

В книге очерков В.Я. Курбатова «Петербург» есть такое описание вида, открывавшегося с Большого Петровского моста: «На Мезенской (ныне Азовской) улице прелестная гранитная часовенка стоит среди пустыря и придает пейзажу необычайный для Петербурга и России вид»¹⁷.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1128.

¹⁷ Курбатов В.Я. Петербург: художественно-исторический очерк. СПб.: Издание общины Св. Евгении, 1913. С. 586.

Возможно, именно здесь во время одной из своих прогулок по островам Александр Блок и написал стихотворение «Дух пряный марта...», датировав его «6 марта 1910, часовня на Крестовском острове».

Отмеченная Блоком часовня разрушена, и теперь, с нового уже Большого Петровского моста, можно видеть только кроны деревьев. Ничто больше не напоминает о бывшей здесь некогда загадочной часовне.

Н. П. Столбова

Поселки Главного и Морского артиллерийских полигонов на Ржевке: история строительства

Вблизи станции Ржевка, на Рябовском шоссе, Лесопарковой, Брянской, Братской, Ковалевской, Беломорской, Камышинской улицах, находятся красно-кирпичные здания жилых поселков Главного и Морского артиллерийских полигонов. Поселки, включающие офицерские и солдатские казармы, дома для вольнонаемных, офицерское собрание, службы и другие постройки, возникли в 1914–1917 гг. при масштабных работах, связанных с расширением территории артиллерийских полигонов в ходе военных реформ 1905–1912 гг.

По первоначальному отведению 1870-х гг, земли Морского и Главного артиллерийских полигонов простирались на 12–14 верст к северу от Ржевской слободы и соответствовали существовавшим тогда правилам стрельб сухопутной и морской артиллерии. Первоначальные поселки Главного и Морского артиллерийских полигонов располагались вдоль Рябовского шоссе за Ржевкой против территории Морского полигона¹.

В связи с увеличением дальности артиллерийских орудий в 1900-е гг. Охтинское опытное поле стало недостаточным для испытаний, и снаряды нередко вылетали за пределы опасной зоны. Так, в 1906 и в 1907 гг. снаряды залетали в селения Рантолово и Векхоя, расположенные в 15 верстах от батарей².

¹ Архив ВИМАИВ. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 576. 1908–1912. Л.22–26.

² Там же. Д. 538.Л. 43.

Территория полигонов перестала соответствовать требованиям техники безопасности еще и потому, что начиненные сильными взрывчатыми веществами снаряды давали при испытаниях большое количество осколков, попадающих на территорию окрестных деревень. Известны случаи падения осколков на территории Охтинского завода взрывчатых веществ, расстояние от которого до границы Главного артиллерийского полигона составляло всего 375 саженей³. Осколки попадали даже в приемный покой, расположенный на границе жилых поселков обоих полигонов, бывали также случаи падения осколков около платформы Военная⁴.

Во время стрельб жителям поселков предписывалось по сигнальному звону сидеть дома в задних комнатах. Вблизи Ковалева и Ржевки вынуждены были останавливаться поезда Ириновской железной дороги⁵.

26 июня 1912 г. был высочайше утвержден одобренный Государственным советом и Государственной думой закон о расширении территории полигонов и определении стоимости отчуждаемых земель⁶, по которому территория полигонов увеличивалась до 25 верст в северо-восточном направлении вплоть до береговой линии Ладожского озера, захватывая часть его акватории. Для обеспечения безопасности близлежащих селений она расширялась также в сторону Ржевской слободы, Ковалева и Земледельческой колонии⁷.

Работы по расширению полигонов начались в январе 1913 г., конец работ был определен январем 1915 г. Производились они на площади в сто тридцать девять квадратных верст и включали непосредственное увеличение стрельбищного поля обоих полигонов, устройство новых директрис, дорог, вырубку леса, осушение болот, постройку зданий и сооружений на батареях и в новых поселках Морского и Главного артиллерийского полигонов⁸.

Производились работы Особой Строительной комиссией по постройке Главного и Морского артиллерийских полигонов при Главном управлении по квартирному довольствию войск под

³ Там же. Д. 576. Л. 22.

⁴ Там же. Д. 576. Л. 24.

⁵ РГА ВМФ. Ф.423. Оп. 1. Д. 832. 1912–1913. Л. 286.

⁶ РГА ВМФ. Ф.423. Оп. 1. Д. 832.

⁷ Архив ВИМАИВ.Ф. 4. Оп.39/3. Д. 538. Л. 230.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 423. Оп. 1. Д. 909. Л.415.

председательством генерал-адъютанта Н.Э. Прескотта, созданной 11 июля 1912 г.⁹

В комиссию входили представители Морского и Военно-сухопутного ведомств, Министерства финансов, туда же были назначены по три офицера от Морского и Главного артиллерийского полигонов, участвующие в наблюдении за строительными работами.

Новые поселки Главного и Морского артиллерийских полигонов решено было расположить на большой территории между станцией Ржевка и границей Охтинской лесной дачи. Проекты сооружений для Главного и Морского артиллерийских полигонов, в том числе новых поселков, составлялись Инженерным комитетом Главного Инженерного управления. Часто они корректировались «на месте» комиссией Прескотта или техниками полигонов, в частности, техником Морского полигона Е.П. Калиновским.

В феврале 1913 г. Особая комиссия для указаний заданий по выполнению работ по устройству и оборудованию Морского и Главного артиллерийских полигонов под председательством А.Ф. Бринка утвердила общую схему расположения жилых и служебных зданий поселков полигонов. Поселок Главного Артиллерийского полигона располагался между левым берегом Лубьи и границей Охтинской лесной дачи. Сейчас это дома вдоль Рябовского шоссе, Лесопарковой, Брянской и Братской улиц. На его территории размещались здания, предназначенные самому полигону, а также здания для квартир чинов Комиссии взрывчатых веществ, деятельность которой была связана с полигоном. Здания располагались в два–три ряда вдоль возвышенного левого берега реки Лубьи, длина поселка была более полутора верст. Участки на берегу Лубьи предназначались для разбивки лагеря для команды, а также постройки офицерского собрания Главного Артиллерийского полигона.

Более компактной была планировка поселка Морского полигона, который находился на правом берегу Лубьи и занимал территорию вдоль Рябовского шоссе в границах Ковалевской, Беломорской, Камышинской улиц¹⁰.

В связи с новым строительством через поселки планировалось прохождение Ириновской железной дороги. Вдоль трассы следовали новые остановки: платформа в начале поселка Главного полигона, общая пассажирская станция у поворота от Обуховской дороги

⁹ Там же. Д. 831. Л.12.

¹⁰ Там же. Л. 13–14.

вблизи зданий Морского полигона, станция у перехода через реку Лубью у дальнего конца Главного полигона¹¹.

К возведению первых построек, одной из которых была казарма на 440 человек на поселке Морского полигона, приступили осенью 1913 г. Работы предполагали закончить вчерне к осени 1914 г., а летом 1915 г. закончить (кроме церкви) окончательно¹².

В 1914 г. были построены солдатские казармы Главного и Морского полигонов, в целом к весне следующего года в каждом из поселков вчерне было возведено по тридцать семь зданий. В 1915 г. были построены семь небольших служебных зданий, подведены под крышу еще двенадцать, для четырех зданий сделаны фундаменты. Из запланированного к этому времени не было начато возведение еще двадцати четырех жилых зданий, электрической станции, водонапорной башни, церкви, офицерского собрания, дворницких и служб у офицерских домов, а также водопровода и канализации¹³.

Для постройки нового каменного храма была выбрана возвышенная площадка между обоими поселками, располагавшаяся восточнее линии Обуховской железной дороги. Поскольку церкви Неопалимой Купины Морского полигона и Иоанна Богослова Земледельческой колонии находились в опасной зоне и закрывались, новый храм должен был стать единственным в округе. Для сбора денег для его постройки была объявлена подписка, и к началу строительства собрано 125000 рублей¹⁴.

2 февраля 1915 г. начальник Главного Артиллерийского полигона генерал-майор В.М. Трофимов препроводил для согласования председателю Комиссии Морских артиллерийских опытов четыре листа эскизного проекта церкви для Морского и Главного артиллерийских полигонов¹⁵.

Каменный храм заложили в 1915 г., очевидно, по проекту В.А. Косякова, разработанному еще в 1902 г. для Морского полигона взамен временного деревянного. Церковь, выполненная в московско-ярославском стиле XVII в., была рассчитана более чем на 1000 человек. В помещениях церкви Морского полигона планировали разместить музей полигона, а ее иконы перенести в новую.

¹¹ Там же.

¹² РГА ВМФ Ф. 423. Оп. 1. Д. 889. Л. 351.

¹³ Там же. Д. 909.

¹⁴ РГА ВМФ Ф. 423. Оп. 1. Д. 889. Л. 46.

¹⁵ Там же. Д. 909. Л. 377.

В ходе подготовки к строительству долго обсуждался вопрос об устройстве офицерских собраний, поскольку, мотивируя рядом причин, Главный и Морской артиллерийские полигоны предпочитали иметь собственные. Дебаты закончились тем, что высочайшим соизволением было указано на строительство общего офицерского собрания, которое должно было называться Военно-Морским собранием полигонов. Начальник Главного полигона Трофимов предлагал устроить общее собрание на территории Главного Артиллерийского полигона, мотивируя тем, что устройство телеграфной станции планировалось в поселке Морского полигона. В итоге, общее Военно-Морское офицерское собрание полигонов решили построить на площадке возле церкви¹⁶. Это решение в силу разных причин выполнено не было, так как до наших дней дошло здание офицерского собрания в поселке Морского полигона на Ковалевской улице, 16. Было оно общим для обоих полигонов или предназначалось офицерам Морского полигона, пока сказать трудно.

В предреволюционные годы по общему проекту началось строительство Канцелярии Морского полигона (сейчас здесь штаб воинской части № 33491) и Канцелярии Сухопутного артиллерийского полигона (сейчас в нем Музей истории полигона)¹⁷.

В здании Канцелярии Морского полигона, согласно утвержденному проекту Канцелярии Главного Артиллерийского полигона, размещались зал заседания и занятий офицеров, приемная, библиотека, архив, фотографическая и другие помещения¹⁸.

Строительство поселков Главного и Морского артиллерийских полигонов, начатое в конце 1913 г., в силу ряда причин велось медленнее, чем планировалось. Связано это было в первую очередь с необходимостью осушения болотистой местности, на которой оно происходило. Удорожание проекта канализации и водоснабжения, а значит и замедление строительства, вызывал и то, что работы велись на огромной территории и постройки располагались на значительном расстоянии друг от друга. Работы задерживались также из-за не интенсивной доставки грузов по Обуховской и Ириновской железным дорогам¹⁹.

В связи с начавшейся в 1914 г. войной с Германией было резко уменьшено финансирование, что существенно замедлило ход стро-

¹⁶ Там же. Д. 868. Л. 335.

¹⁷ Там же. Д. 831.

¹⁸ Там же. Д. 909. Л. 377.

¹⁹ Там же. Л. 419.

ительства. Потом последовала революция, и работы по постройке поселков Главного и Морского артиллерийских полигонов, а также планируемые тогда работы по расширению полигонов в целом, завершены не были. В послереволюционные годы в домах проживали рабочие и служащие обоих полигонов, позднее дома потеряли ведомственную принадлежность.

Существующие почти сто лет здания поселков находятся в настоящее время в разной степени сохранности: состояние ряда из них поддерживается собственниками или арендаторами, некоторые здания перестроены, многие почти разрушены и находятся в удручающем состоянии. Впервые постройки были обследованы специалистами КГИОП в конце 1990-х гг. Тогда на большой территории в районе Ржевки было выявлено около восьмидесяти объектов, построенных в конце XIX—начале XX в., основную часть которых составляют возведенные в 1914—1917 гг. постройки поселков Главного и Морского артиллерийских полигонов. В 2001 г. все эти постройки включены в «Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность».

В последующие годы в связи с появлением проектов комплексной реновации 35-го и 36-го кварталов Ржевки и частичной территории Всеволожского района Ленинградской области была проведена новая экспертиза существующей исторической застройки территории.

В 2010 г. в реестр объектов, представляющих «историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» в качестве памятников регионального значения из построек, о которых шла речь, были включены только офицерские казармы на Рябовском шоссе 81, 83, 85, 87, 89, 91, 93, 95, здание офицерского собрания по адресу Ковалевская ул., 16, здание казармы для нижних чинов Морского полигона на Ковалевской, 20, то есть небольшая часть комплекса построек поселков.

Безусловно, в силу очень плохого состояния ряда построек, сохранение всего комплекса потребует слишком больших затрат. Возможно, для того, чтобы историческая память «не канула в лету», следовало бы провести подробную фотофиксацию, выполнить современный фиксационный план с нанесением исторической застройки и ее подробной экспликацией. Необходимо оставить следующим поколениям пример бережного отношения к исторической памяти, а также исторический документ эпохи, связанный с историей испытательной артиллерийской отрасли, внесшей значительный вклад в развитие российской военной науки и техники.

Е. А. Тимофеева-Козлова

Гвоздно. История и судьбы

Тема данной работы возникла в рамках исследовательского проекта «Усадьбы героев Отечественной войны 1812 года в Санкт-Петербургской губернии». Имеются основания предполагать, что храм в Гвоздно может являться памятником Отечественной войне 1812 г., т.к. владелица имения М.П. Корф, была дочерью и невесткой героев Отечественной войны 1812 года. Первый храм был заложен в 12-ю годовщину войны. Второй храм — в 50-ю годовщину, и в него П.В. Голенищев-Кутузов пожертвовал семейную реликвию — частичку Честнаго Животворящего Древа Креста Господня. И третий храм был построен по проекту епархиального архитектора А.П. Аплаксина и освящён в год столетнего юбилея Отечественной войны¹. Подтвердить или опровергнуть эти предположения автору пока не удалось, но в ходе работы были получены новые интересные материалы, которые, на наш взгляд, могут быть интересны. Необходимо отметить, что церковь в Гвоздно никогда не была объектом отдельного изучения, фотографии и чертежи никогда не публиковались и исследованием храма никто не занимался по причине его удалённости и труднодоступности.

Старинное село Гвоздно (от старосл. Гвозд — высокое место) находится в восьмидесяти километрах от гор. Гдова Псковской области (ранее Гдовский уезд Санкт-Петербургской губ.). Когда-то это была полнокровная деревня. Сейчас — вымирающий посёлок с зарастающими окрестными полями.

¹ *Аплаксин А.П.* 1812 год в памятниках церковного зодчества Санкт-Петербургской епархии. Сайт, URL.: <http://aplaksin.ru>. Дата обращения: 26.11.2011; 26.05.2012.

В «Историко-Статистических сведениях о Санкт-Петербургской епархии» находим следующее сообщение: «Погост Гвоздно находится на покато́й с востока площади, на которой стоит мыза Красное Село баронессы Корф. Первая церковь устроена в 1728 г. по благословию Феофана Прокоповича во имя св. врачей Космы и Дамиана. Первая церковь была деревянной о двух куполах. Снаружи обшита досками и окрашена темно-жёлтой краскою. Иконостас был в три яруса. Последний антиминс был освящен митрополитом Серафимом в 1824 г. В 1876 г. церковь по ветхости была сломана»². В 1863 г. по проекту архитектора Калитовича был выстроен новый каменный тёплый храм на высоком холме неподалёку от старого храма. «Новый храм был о пяти куполах с каменной оградой. Деньги и материалы жертвовали баронесса Мария Петровна Корф, княгиня Софья Александровна Голенищева-Кутузова (жена брата Марии Павловны — прим. авт.) и прихожане. Иконостас нового храма был дубовый в три яруса. Иконы для него писал выпускник императорской Академии художеств Михаил Иванович Чернышев, ученик профессора В.И. Майкова. Антиминс был освящён митрополитом Санкт-Петербургским Исидором 27 октября 1862 г. Среди древностей храма упоминается частичка Животворящего Древа Господня, полученная М.П. Корф от своего родителя П.В. Голенищева-Кутузова. Прихожан: мужчин — 1468, женщин — 1534»³.

Место, где находится церковь, представляет собой высокий холм, которому придана форма правильной усеченной пирамиды, одна из сторон использована под широкую каменную лестницу, которая переходит в подножие храма. Рядом с храмом находится могила хозяйки поместья М.П. Корф, урождённой Голенищевой-Кутузовой, каким-то чудом, избежавшая осквернения. Постройка представляет собой бесстолпный одноапсидный пятиглавый храм с шатровым завершением центрального светового барабана. Четыре малых купола на углах четверика придают общей композиции характер пирамиды. Над центральной частью северного фасада с перспективным порталом возвышается трехъярусная колокольня.

На сегодняшний день — это единственный памятник в неорусском стиле на территории Псковской области (является памятни-

² Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. X. СПб., 1887. С. 240.

³ Там же. С. 242.

ком федерального значения⁴). Хотя храм по-прежнему недействующий и производится его реставрация, иногда священниками Гдовского округа здесь проводятся праздничные службы. В начале XX в. приход храма состоял из жителей более чем двадцати деревень, расположенных окрест. В полукилометре от храма располагалось старинное кладбище, соединённое с храмом берёзовой аллеей.

Храм, даже в таком заброшенном состоянии, поражает своей величественной красотой.

Как упоминалось выше, подле стен храма находится захоронение Марии Павловны Корф, урождённой Голенищевой-Кутузовой. На надгробии указаны даты жизни: 20 октября 1808 — 14 ноября 1877 г. Эти даты в научном обороте не встречаются. О Марии Павловне сохранилось крайне мало сведений, по причине того, что женщины до революции не занимали постов и их имена не вносились в памятные книжки, а если и вносились, то сведения были очень скудными. Мы часто можем встретить картину, когда в биографии того или иного видного государственного деятеля в разделе «родители» упоминается только отец. Дочери выходили замуж и их след терялся в кулуарах истории. Тем не менее, среди русских дворянок было немало ярких личностей, благотворительниц, и предпринимательниц, и литераторов.

Такая же судьба не миновала и Марию Павловну Корф, поэтому мы будем говорить о ней, исходя из того, чьей дочерью, женой и матерью она была. Сведения о самой Марии Павловне ограничиваются словами «фрейлина императрицы».

Отец М. П. Корф, Санкт-Петербургский генерал-губернатор Павел Васильевич Голенищев-Кутузов (1772—1843) происходил из дворян Новгородской губернии⁵. Участник Отечественной войны 1812 года. Его портрет работы Дж. Доу находится в Военной галерее Зимнего дворца. Оставил довольно яркий след в русской истории. Считается, что слухи об участии П.В. Голенищева-Кутузова в заговоре против Павла I (якобы он арестовал начальника личной охраны императора, своего соседа по Гдовскому уезду Кологривова⁶) имели под собой основание⁷.

⁴ Указ Президента РФ № 176 от 20.02.1995.

⁵ Отечественная война 1812 года. — М.: Росвоенцентр, 2011. С. 93.

⁶ Усадьба Кологривовых находилась неподалёку от пог. Доложско, ныне Сланцевский р-н Ленинградской обл.

⁷ Городская власть Санкт-Петербурга. — СПб.: Лик, 2007. С. 180.

П.В. Голенищев-Кутузов военную карьеру начал в русско-турецкую кампанию 1806—1812 гг. В начале войны состоял в отряде генерала М.А. Милорадовича. В 1810—1812 гг. был санкт-петербургским обер-полицмейстером. Народная молва именно с его именем связывает появление в лексиконе слова «кутузка», Павлу Васильевичу принадлежит идея создания усовершенствованного карцера, который именно так вскоре стали называть в народе⁸. С началом Отечественной войны 1812 года сопровождал императора в Вильну, а затем находился в действующей армии. Участвовал в сражении при Витебске. Особенно отличился в русских заграничных походах. Командовал группами войск при занятии Тильзита, Кёнигсберга, Эльбинга. За взятие Парижа награждён золотой саблей и чином генерал-лейтенанта. В марте 1814 г. направлен в Петербург с сообщением о победе над Наполеоном. Вообще, это поручалось П.П. Коновницину⁹, но у него в тот момент открылась тяжёлая рана, полученная им весной 1813 г. под Люценом. Павла Васильевича в Петербурге встречали как национального героя. Весь город был иллюминирован, Голенищева-Кутузова буквально носили на руках. Столичное купечество преподнесло ему в дар на серебряном блюде 4000 червонцев, которые он пожертвовал разорённым войной жителям, оставив себе на память только блюдо. В 1815 г. сопровождал императора на Венский конгресс.

Современники отзывались о нём как о человеке жесткого нрава, однако, «он не имел привычки совать нос в чужие дела»¹⁰. 16 декабря 1825 г. назначен исполняющим обязанности санкт-петербургского военного генерал-губернатора на место погибшего на Сенатской площади М.А. Милорадовича, которого П.В. Кутузов почитал как своего боевого командира ещё по турецкой кампании. Может быть, личное горе объясняет участие в допросах декабристов с пристрастием. Павел Васильевич навсегда запятнал свое имя, лично составив сценарий казни. Это он приказал «Вешать снова», когда трое из повешенных декабристов сорвались. Рапорт о казни

⁸ *Божерянов И.Н.* Культурно-исторический очерк двухвековой жизни Санкт-Петербурга. СПб., 1903. С. 357—358.

⁹ *Щукин П.П.* Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. СПб., 1904. Ч. 8.

¹⁰ Градоначальники. Петербург-Петроград-Ленинград-Петербург. Сост. Д. В. Минютин. Гуманистический изд. центр «Новое культурное пространство», СПб., 2003. С. 345.

императору поражает своей хладнокровностью. В начале 1826 г. утверждён в должности генерал-губернатора. В 1830 г. по состоянию здоровья вышел в отставку, оставаясь сенатором (членом Государственного совета), исправно посещая заседания, но на заседаниях он всегда молчал. Вот его слова о своей службе: «Более 30 лет нахожусь я в службе Его императорского Величества, всегда и везде (смело могу сказать) служил с честью»¹¹. Награждён высшими государственными наградами, среди которых орден Андрея Первозванного. В Петербурге жил с семьёй на Михайловской пл. (ныне — пл. Искусств), 3. в собственном доме (объект историко-культурного значения). Был женат на Екатерине Петровне Неклюдовой, дочери сенатора. Они имели пятерых детей: Василий Павлович — военный представитель в Берлине; Аркадий Павлович — тайный советник, сенатор, статс-секретарь Е.И.В.; Елизавета Павловна (в зам. Михайлова); Мария Павловна (в замужестве Корф), Софья Павловна умерла в семилетнем возрасте. Похоронен Павел Васильевич в родовом имении Шубине в ц. Дмитрия Солунского с. Пожёгово, Корчевского уезда в Тверской губернии вместе с женой¹². Церковь и могилы сохранились до нашего времени, и являются объектом историко-культурного наследия.

Мария Павловна Голенищева-Кутузова вышла замуж за Леопольда Фёдоровича Корфа, сына героя Отечественной войны 1812 года Фёдора Карловича Корфа, с которым Павел Васильевич вместе прошёл путь от Малоярославца до Парижа.

Ф.К. Корф (1773—1823) — в 1812 г. генерал-майор, генерал-адъютант, командир 2-го резервного кавалерийского корпуса, командовал арьергардом 1-й Западной армии. Во время Бородинского сражения руководил действиями двух кавалерийских корпусов, успешно отбивая атаки неприятельской конницы. 31 октября 1812 г. за отличие награждён чином генерал-лейтенанта со старшинством от 24 августа 1812 г. После Бородина вновь действовал в арьергарде, а после Малоярославца — в авангарде армии. В 1813—1814 гг. участвовал во многих боях, особо отличился под Левенбергом. Награждён орденами Александра Невского, Св. Владимира 2-й степени, Св. Георгия 3-й степени. Его портрет также на-

¹¹ Там же. С. 347.

¹² Отечественная война 1812 года. М.: Россоюзцентр, 2011. С. 93.

ходится в Галерее 1812 г. Зимнего дворца, на котором он изображён в мундире генерал-адъютанта¹³.

Сын Ф.К. Корфа Леопольд Фёдорович Корф (1804–1858), полковник кавалергардом, в 1854–1856 гг. директор Новгородского, графа Аракчеева кадетского корпуса¹⁴. В 1842 г. Леопольду Фёдоровичу были пожалованы земли в Гдовском уезде, несколько деревень в районе пог. Гвоздно (Замежничье, Горско-Загорье, Сиковицы, село Марьино и др.)¹⁵ У Леопольда Фёдоровича и Марии Павловны было трое детей: Николай Леопольдович (ум. в 1896 г.), Мария Леопольдовна (ум. в 1903 г.), и Павел Леопольдович (1837–1913), все дети были похоронены в пос. Рахья (Ириновка) в Преображенской церкви, которую снесли в 1930-х гг. вместе с могилами Корфов. Павел Леопольдович оставил наиболее яркий след в истории Санкт-Петербурга¹⁶.

Можно предположить, что именно Павел Леопольдович, как единственный из наследников М.П. Корф, в начале XX в. был заказчиком строительства церкви Косьмы и Дамиана в Гвоздно взамен сгоревшей в 1908 г. Но найти подтверждение этому предположению пока не удалось. В 1908 г. Корфу эти земли уже не принадлежали, т.к. в 1860–1870-х гг. XIX в. Мария Павловна практически даром отдала их в распоряжение местных крестьян¹⁷. Может быть, её добротой объясняется тот факт, что на протяжении всех десятилетий советской власти за могилой Марии Павловны заботливо ухаживали. В архивных документах косвенно упоминается, что приходу на восстановление храма после пожара было пожертвовано одновременно 30 тыс. рублей, что позволило незамедлительно приступить к восстановлению храма, но строительством и всеми вопросами занималась строительная комиссия из числа прихожан, возглавляемая священником, настоятелем храма о. Владимиром Преображенским. Автор считает, что этим щедрым жертвователем был барон Корф, сын Марии Павловны, на это указывают и некоторые косвенные факты: В марте 1912 г. барон П.Л. Корф

¹³ Там же. С. 160.

¹⁴ Сборник биографий кавалергардов. Т.3. СПб., 1906.

¹⁵ РГИА. Ф. 383. Оп. 5. Ед. хр. 4464.

¹⁶ Официальный сайт МО «Рахьинское городское поселение» // История. URL.: <http://www.rakhya.ru/>. Дата обращения: 27.05.2012.

¹⁷ РГИА. Ф. 577. Ф.577. Оп. 31. Д. 1600; Ф.577. Оп. 35. Д. 137–141.

тяжко заболел¹⁸ и мартом 1912 г. датируются письма в Синод с прошением о помощи от о. Владимира Преображенского. Т.е. приход остался без покровителя и людям срочно пришлось выискивать альтернативные возможности поиска денег на достройку храма. Архитектором Гвоздненской церкви является епархиальный архитектор А.П. Аплаксин, занимавший этот пост с 1906 по 1914 г.

В советское время имя А.П. Аплаксина было прочно забыто, только в последнее время стали появляться монографии, посвященные его творчеству. Исследователями творчества архитектора являются историки архитектуры А.Е. Белоножкин и А.В. Слёзкин. Благодаря их трудам мы смогли узнать имя архитектора Гвоздненской церкви. За время работы Аплаксина на должности епархиального архитектора только в Петербурге было построено семь храмов. А.П. Аплаксин был одним из представителей модерна, его излюбленным стилем был неорусский стиль. Наследие Алексея Петровича постигла печальная участь: из семи храмов, построенных в Петербурге, три уничтожены, два перестроены под жилые здания, еще два сохранились со значительными утратами. Такая же участь постигла другие его произведения, построенные в губернии и за её пределами. Исследователи творчества архитектора считают характерными следующие черты его произведений: «редкую для неорусского стиля декоративную лапидарность; резкий геометризм объемов; контрастное столкновение друг с другом различных по геометрии форм; использование мотивов псковско-новгородской архитектуры, деревянного зодчества русского севера; ярко выраженное своеобразие»¹⁹.

Первая ранняя работа Аплаксина — церковь Анны Кашинской подворья Кашинского Сретенского монастыря в Петербурге на Большом Сампсониевском проспекте (1906–1910) ещё не отличалась отточенностью силуэтных линий, но для нас этот храм интересен тем, что образцом для основного объема послужила Успенская церковь в Гдове, в котором Аплаксин, вероятно, бывал.

¹⁸ *Столбова Н.П.* Общественный деятель и публицист, строитель Ириновской железной дороги барон П. Л. Корф // *Личность в истории Петербурга. Материалы IV Анциферовских краеведческих чтений 28–29 октября 2011 г.*, Санкт-Петербург. СПб.: Европейский дом. С. 59.

¹⁹ *Белоножкин А. Е.* А.П.Аплаксин — петербургский епархиальный архитектор (к 125-летию со дня рождения) // Санкт-Петербургский церковный вестник. 2003. № 10, 11.

Главные творческие находки А.П. Аплаксина относятся к периоду 1910–1911 гг., характерной чертой которого является обращение к мотивам деревянного зодчества русского севера. Из всего наследия этого периода храм в Гвоздно является единственным сохранившимся до нашего времени без перестроек, хотя проект храма и был реализован в сильно упрощенном варианте. Гвозденская церковь стала предшественницей храмов, построенных Аплаксиным как зрелым мастером и принёсших ему известность²⁰. Проектируя храм в Гвоздно, Аплаксин был скован необходимостью частично использовать фундаменты и стены прежнего здания 1863 г. и сгоревшего в 1908 г. В изменении первоначальной композиции заметно стремление замаскировать симметричность с помощью введения в её состав северо-западного крыльца с лестницей на колокольню и хоры, а также часовни (усыпальницы или ризницы) на юго-восточном углу²¹.

Храм был построен и освящен 3 октября 1912 г. епископом Гдовским Вениамином, будущим митрополитом Петроградским и новомучеником²². С освящением храма очень торопились. В одном из прошений о. Владимира Преображенского на имя императора читаем следующие строки: «Всепопданнейше сообщаем вам, что 8 октября 1908 г. пожаром уничтожен приходских храм... Погибла вся утварь церковная, полный звон и все главы. В течение трёх с лишним лет, угнетённый ужасным несчастьем в отправлении своих духовных нужд, приход наш, вместе со своими приставниками везде и всюду мечется, ищет, стучит в двери добрых сердец и душевно измученно взывает о помощи в трудном и требующем ещё значительных средств деле возставновления погибшаго... Приход наш беден, помогают больше натурою, чем средствами».²³ Начиная с весны 1912 г. вплоть до февральской революции, о. Владимир просит, стучит, умалает, уговаривает власти помочь ему достроить храм. У этого образованного интеллигентного человека было большое сердце. Сквозь строки многочисленных прошений, тон которых колеблется от просительного-деликатного до усталого, безнадежно-го, читается постепенно нарастающее разочарование в системе управления государством. Денег о.Владимиру так и не дали. Видимо,

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² РГИА, Ф.799. Оп. 26. Д. 915. Л. 11.

²³ Там же. Л. 2

Господь знал, какая судьба ожидает чудный, воздушный, сказочный храм. В архивном деле имеется фотография, сделанная в день освящения храма 8 октября 1912 г. Храм великолепен, а возле него на чистом пространстве огромное количество простых людей в праздничной одежде. От неё невозможно отвести глаз, мне не приходилось видеть сразу столько счастливых людей. Они величественны и составляют единое целое с храмом.

По свидетельству Веры Дмитриевны и Алексея Николаевича Тимофеевых²⁴, проживавших и работавших в 1950-е гг. в Гвоздно, храм был закрыт только в 1958 г. Его было решено приспособить под склад. Для того, чтобы туда могла беспрепятственно заезжать сельхозтехника было решено пробить брешь в северной стене, во время работ сверху откололась плита и упала на одного из рабочих, он на всю жизнь остался инвалидом. Другой человек каким-то хитроумным способом смог снять паникадило, которое представляло с крестом единую систему. Крест сразу же покосился. «А этого человека дома искушали собственные пчелы и он умер». Имена этих людей известны. Как бы скептически некоторые из нас не относились к данным фактам, но они являются неотъемлемой частью истории замечательного храма.

Ныне памятник находится в агонизирующем состоянии.

²⁴ Родители автора.

М.Б. Шарпова

Первые владельцы «Дома с ротондой»

На углу набережной Фонтанки 81 и улицы Гороховой 57 расположен дом, получивший название «дома с ротондой», благодаря наличию внутри круглого в плане помещения парадной лестницы. На охранной табличке значатся две фамилии: Яковлевых и Евментьева. Это фамилии первых и последнего владельцев дома.

Яковлевы относятся к сравнительно молодому дворянскому роду. Его родоначальник Савва Яковлевич получил потомственное дворянство в 1777 г. Начав свою деятельность в Петербурге с лоточной продажи и благодаря уму, энергии, деловой хватке и умению мыслить масштабно, он превратился в одного из самых крупных российских заводчиков. Ему принадлежало более 20 металлургических предприятий, что составляло почти 1/5 всех заводов отрасли.

После смерти Саввы Яковлева в 1784 г. наследники смогли вступить в свои права только спустя более трёх лет. Подлинность завещания рассматривалась специальной комиссией и лично Екатериной II. Прошение о пересмотре завещания было подписано тремя членами семьи: дочерью Анной, младшим сыном Саввы Яковлевича, Сергеем, желающим получить свою долю наследства от промышленной империи отца, которая по завещанию должна была остаться неделимой, и старшим внуком Саввы Яковлевича, Николаем. Именно он в дальнейшем станет первым владельцем «дома с ротондой».

Анна Саввишна, которая к этому времени уже была замужем за Александром Ивановичем Баташевым, но не известным заводчи-

ком, а его троюродным братом, и по представленному завещанию получала 100 тысяч руб. на покупку недвижимого имущества, обвиняла своего брата Петра в подлоге завещания, т. к. их отец к моменту написания документа был «поражен в жизни своей двумя параличными припадками»¹ и не мог сам составить завещание.

Старший сын Саввы Яковлевича, Михаил умер за три года до смерти отца (1781). Как явствует из метрической книги Успенско-Сенновской церкви, титулярный советник Михаил Саввич и его жена Стефанида Степановна внезапно умерли «горячкою» с разницей в несколько дней. После похорон родителей внуки остались на попечении Саввы Яковлевича. При жизни Михаил попросил отца отделить его, отписав все торговые лавки в Петербурге, а их насчитывалось несколько десятков. Но, имея чин титулярного советника, Михаил не хотел возвращаться к купеческому званию, поэтому лавки были переписаны на его старшего сына Николая. В итоге, по завещанию Саввы Яковлевича наследство внуков с учетом ранее выделенных торговых лавок было несравнимо меньше, чем доли других членов семьи.

Рассмотрев мнения членов комиссии, Екатерина II опротестовала завещание, и дети Михаила Саввича получили, прежде всего, Большую Ярославскую мануфактуру и несколько бумажных фабрик. Среди другой, менее значимой, недвижимости внуки Яковлева получили два земельных участка, «из Вильбовского места средняя часть» и «Фонтанное порожнее место»².

Возвращаясь к разделу наследства, надо сказать, что, став владельцами своей части, внуки Саввы Яковлевича еще два года делились между собой. Только в 1789 г., через пять лет после смерти деда, в палате гражданского суда свидетельствуется соглашение между членами этой семьи. По нему два внука, Сергей и Михаил, получили свои доли деньгами, а их старшая сестра Мария уступила свою долю наследства братьям с условием жить с ними, имея «благопристойное содержание» и «удовольствие во всем»³.

¹ Грязнов А.Ф. Ярославская большая Мануфактура за время с 1722 по 1856 г. М.: Синодальная типография, 1910. С. 496.

² РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 12. 1865. «Вильбовское место» — обширный пустырь между Садовой улицей и Фонтанкой вдоль Гороховой улицы (участки современных домов 47 и 49), территория бывшей загородной усадьбы сподвижника Петра I вице-адмирала Ф. Вильбуа (умер в 1760) — *Прим. ред.*

³ РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 87.

Каким образом братья разделили Фонтанное порожнее место, можно увидеть в Табеле оценки домов 1804 г. По современной нумерации домов, дом № 81 принадлежал Николаю Михайловичу, № 83 — Ивану Михайловичу, а первый дом на месте дома № 85 — Григорию Михайловичу. Таким образом, дом с ротондой был построен Николаем Михайловичем, старшим внуком Саввы Яковлева. Причем, надо отметить, что, судя по стоимости оценки, дом изначально был построен с размахом. Для сравнения: его оценка — 65 тыс. рублей, тогда как дома Полторацкой и Оленина на Фонтанке (современная нумерация 97–99–101) были оценены в 35, 28 и 33 тыс. руб.

Здание построено в классицистическом стиле, архитектор неизвестен⁴. О конфигурации дома: вполне вероятна версия, что сначала был построен дом с ротондой — парадным входом, вдоль Фонтанки, а уже затем был пристроен корпус вдоль Гороховой. Тогда более понятно наличие ризалита со стороны Гороховой, край которого проходит как раз по линии соединения со вторым зданием.

Возвращаясь к первому владельцу дома, Николаю Михайловичу, надо сказать, что еще при жизни деда старший внук стал возмутителем спокойствия семьи. По всей видимости, он стал претендовать на самостоятельное управление лавками, когда-то переписанными на его имя. В результате ссоры Николай ушел из дома и поселился у дяди по материнской линии, Гаврилы Степановича Зимина.

Савва Яковлевич в своем завещании, а позже его вдова Мария Ивановна обвиняли в случившемся Зимина как человека, жадного «к чужому имению»⁵. Внук же, по словам деда, «сказал многия, по званию своему, непристойности»⁶, а со слов Марии Ивановны — «примеченного в распутстве»⁷. Конфликт был настолько серьезным, что даже обращение к митрополиту Гавриилу за помощью вернуть внука не возымело действия, а перед смертью деда Николай «во всю болезнь его должным не удостоив посещением» и не сделал «последнего умирающему целования»⁸.

⁴ Автором проекта дома называют архитектора Е.И. Ферри де Пиньи. — *Прим. ред.*

⁵ *Грязнов А.Ф.* Указ. соч. С. 504.

⁶ Там же. С. 492.

⁷ Там же. С. 502.

⁸ Там же. С. 506.

Дальнейшая жизнь Николая Михайловича показала, что его претензии на самостоятельную предпринимательскую деятельность были необоснованными. Братья делить наследство, касающееся мануфактуры и фабрик, не стали. По общему соглашению ими управлял Иван Михайлович, который с юности под руководством деда занимался делами заводов и имел определенный опыт.

Николай Михайлович начал служить в Государственной Коллегии иностранных дел, дослужился до чина надворного советника. Через два года после выхода в отставку он был удостоен ордена св. Анны 2-й степени. Получение ордена отставным чиновником, скорее всего, было связано с крупным пожертвованием, что было распространенным явлением в России.

Семейная жизнь Николая Михайловича складывалась благополучно. В 1790-х гг. он женился на грузинской княжне Дарье Семеновне Баратовой (грузинский вариант её девичьей фамилии Бараташвили), родившей ему пятерых детей, двое из которых умерли в младенчестве. Николай Михайлович скончался на 52-м году жизни, был похоронен недалеко от своих родителей и рядом с дедом на Лазаревском кладбище.

Дом перешел к его вдове. Она пережила мужа на 40 лет. Первые годы все складывалось удачно: мануфактура и фабрики приносили значительные доходы, имелись каменные дом в Петербурге и унаследованный от родителей дом в Новгороде, дача в Петербургском уезде и деревенька Иванькова в Новгородской губернии. Сын Павел начал служить в чине коллежского регистратора в канцелярии Министерства внутренних дел, а младший сын Виктор оставался при матери. Дочь Мария вышла замуж за служившего в кавалерии и награжденного многими орденами и медалями Егора Антоновича Бистрома. Этот брак, скорее всего, был совершен по любви, т.к. Егор Антонович был из прославленной, но небогатой и нетитулованной семьи.

В конце 1820-х гг. в семье прочно «поселяется» несчастье. В 1828 г. на кавказском фронте погиб зять, командир бригады Уланской дивизии генерал-майор Е.А. Бистром. Через пять лет умер сын Виктор, к этому времени ставший поручиком. Некогда доходная большая Ярославская мануфактура становится убыточной. После смерти Ивана Михайловича, долгие годы руководившего ими, наследники не могли прийти к единому мнению о методах управления. Со временем они разделились на несколько группировок и превратились в непримиримых врагов. Порой дело доходило до

рукоприкладства. Так, два сына Саввы Михайловича за «буйство оказанное с одним из совладельцев»⁹ были подвергнуты штрафу и двухмесячному аресту на Съезжем дворе. В итоге, полностью разорившееся предприятие было продано за бесценок (85 тыс. рублей). Дарья Семеновна с сыном Павлом оказались в разных группировках. На этой почве отношения матери с сыном прекратились. Он постоянно жил отдельно на даче, расположенной на Никольской улице Выборского участка (ныне это часть Лисичанской улицы). Она в итоге лишила его наследства.

Чтобы восполнить недостающие средства, Яковлева начинает сдавать квартиры внаем. Среди ее постояльцев, а может быть, и в качестве гостя, в середине 1830-х гг. три года жил Александр Гарсеванович Чавчавадзе. Вероятно, не случайно грузинский князь селится в доме грузинской княжны.

Но самым большим несчастьем семьи было физическое состояние дочери Марии. При жизни матери тщательно скрывалось, что она безумна. Через год после смерти Дарьи Семеновны (1852) этот факт был обнародован, и связано это было с тем, что в завещании своим душеприказчиком она назначила генерал-майора Василия Евграфовича Самарского-Быховца. Но он в силу своей занятости от этой миссии отказался. В этот момент в доме Марии Николаевны появляется тесть Самарского-Быховца, отставной генерал-майор Владимир Петрович Жуковский. Одно время он был доверенным лицом Дарьи Семеновны, но от его услуг она отказалась. Жуковский, воспользовавшись болезнью Марии Николаевны, получил от нее неограниченную доверенность. Павел Николаевич, который в свое время уплатил по долгам матери, сделанным из-за недобросовестного отношения Жуковского к делам своей доверительницы, понимал, что Жуковский способен разорить его сестру. Поэтому он был вынужден обратиться к предводителю дворянства Безобразову с просьбой освидетельствовать сестру и признать доверенность недействительной из-за ее умопомешательства.

Из завещания Дарьи Семеновны выясняется, что у нее помимо дочери было две воспитанницы: Александра Ивановна Иванова, которой к этому времени было 42 года, и Ульяна Николаевна Львова 13-ти лет. Яковлева завещала все свое имущество дочери и Ивановой поровну. Все управление домом и доходами она перепоручила воспитаннице, упоминая о «слабости здоровья»¹⁰ дочери, тем

⁹ Грязнов А. Ф. Указ. соч. С. 95.

¹⁰ РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 65.

самым подтверждая ее болезнь. Из письма Жуковского Безобразову выясняется, что Мария Николаевна уже «более 30-ти лет ведет жизнь затворническую»¹¹. Скорее всего, именно тогда стала очевидна болезнь женщины и, возможно, тогда и появилась воспитанница Иванова, ведь за дочерью надо было постоянно присматривать.

Приблизительно в те же годы Дарья Семеновна пишет прошение о надстройке первоначально двухэтажного флигеля во дворе еще одним этажом. Здесь были устроены лестница и ледник. В отличие от всех других входных дверей со двора, центральный вход в этот флигель оформлен парадно: более широкие ступени и небольшие пилястры. Можно предположить, что именно здесь жила хозяйка дома. Уединенный флигель в глубине двора был наиболее удобен для проживания душевнобольной Марии Николаевны, состояние которой тщательно скрывалось.

На эту мысль наводит и прошение действительного статского советника Вейсберга, купившего в середине 1850-х гг. соседний участок и обратившегося в Строительный комитет с жалобой на выходящие на его участок 18 окон, пробитых в брандмауэрной стене флигеля Яковлевой.

Переписка Павла Николаевича, Жуковского и Безобразова затянулась. Павел Николаевич в своих письмах сетовал на бесконечную переадресацию его прошений из одной инстанции в другую. Через пять лет он умер.

Из протокола гражданского суда 1859 г. явствует, что его единственной наследницей стала сестра Мария Николаевна, состоящая под опекой своих двоюродных братьев Михаила Саввича и Петра Григорьевича Яковлевых, а также Александра Францевича Банковского. Через девять лет «умалишенная вдова генерал-майора Мария Бистром»¹² была принята в ведение Дворянской опеки. Она скончалась в Лечебнице умалишенных Ведомства императрицы Марии Федоровны в 1870 г. в возрасте 74-х лет. На ней эта ветвь семьи Саввы Яковлева прервалась. Ее наследники, двоюродные братья Яковлевы, к началу 1890-х гг. продали «дом с ротондой» частями.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 14052. Л. 8.

¹² Там же. Ф. 256. Оп. 2. Д. 57. Л. 4.

М.О. Логунова

Литовский след в Петербурге

История тесных отношений русского и литовского народов началась в XIII в., когда родственные литовские племена объединились в раннефеодальное государство Великое княжество Литовское. В его состав в определенные периоды времени входили некоторые древнерусские земли, которые Россия вернула только в XVI в. Взаимное влияние культур было высоко. Литовцы в России появлялись нечасто, чаще они попадали на Русь как военная сила, в составе посольств или пленными. К редким, но судьбоносным исключениям относится Софья Витовтовна, ставшая женой Василия I, сыгравшая заметную роль в истории и являющаяся прародительницей целой плеяды русских правителей.

Княжеский титул до XVIII в. был исключительно наследственным, поэтому самые старые русские княжеские роды представлены рюриковичами и гедиминовичами, происходившими от великого князя литовского Гедимина¹. Огромное потомство привело к большому количеству и поныне живущих гедиминовичей, наиболее яркими из которых являются Голицыны, Куракины, Трубецкие, Чарторыйские и др. Таким образом, оказывается, что весь цвет россий-

¹ Гедимин (ок. 1275–1341) — основатель династии гедиминовичей, великий князь литовский с 1316 по 1341 г.

ского общества был определен родственными связями, многие имели литовского князя Гедимина в качестве прародителя.

Однако литовская история связана не только с Россией, еще более тесные узы вплоть до XVIII в. соединяли её с Польшей после подписания в 1569 г. Люблинской унии, по которой Польша и Великое княжество Литовское объединились в Речь Посполитую. После разделов Речи Посполитой в XVIII в. и Венского конгресса 1815 г. вся Литва, за исключением Клайпедского края, вошла в состав Российской империи. Велико было влияние польского языка и культуры на Литву, литовские язык и культура сохранялись главным образом в крестьянской среде. По этой причине весьма неоднозначным представляется вопрос о численности литовцев в России и Петербурге. К 1890 г. в столице проживало две тысячи литовцев, к 1910 г. — до 11 тысяч. После проведения земельной реформы на территории Литвы 200 тысяч литовцев получили землю, что снизило мотивацию к поиску заработка в городах, поэтому в литовской общине столицы преобладали образованные люди: студенты, чиновники, инженеры. Тем не менее, литовцы оставили свой след в русской истории, их жизнь в столице Российской империи была яркой, что позволило создать тему «Литовский след в Петербурге».

Топонимика. В Санкт-Петербурге до сего дня сохраняется несколько улиц, названия которых соотносятся с заданной темой. Литовская ул., названная по находившимся поблизости казармам Московского лейб-гвардии полка, носившего до 1817 г. имя Литовского, с ней связано название Новолитовской ул. Виленский пер. получил название по Вильно (Вильнюсу), а Друскеникский пер. назвали в честь курортного города Друскининкай (Друскеники). Ковенский пер. — в честь Ковенской крепости в городе Ковно².

Культурные центры. Традиция создания таких центров стара. Сейчас Литовский центр культуры, просвещения и информации располагается на Гороховой ул., 5. Говорить о культуре народа, не сказав ни одного слова о его традициях невозможно. Ресторан «Гинтарас»³ на Среднем пр. В.О., 5 является островком литовской кухни в нашем городе.

Исторические памятники. При упоминании о литовском следе в памяти краеведов первым всплывает название Литовского замка,

² Ныне Каунас.

³ Гинтарас (*лит.*) — янтарь.

построенного у пересечения Крюкова канала и Мойки в 1783–1787 гг. по проекту И.Е. Старова. Замок возводился для исполнения Говардовой тюремной системы, однако свое название получил по расквартированному в нем Литовскому мушкетерскому полку. В 1823–1824 гг. И.И. Шарлемань перестроил здание под городскую тюрьму для уголовных преступников с церковью Всемиловитивейшего Спаса. В тюрьме содержались и известные узники. Например, в 1879 г. в здесь отбывал заключение писатель В.Г. Короленко за связь с народниками и распространение прокламаций, а в октябре 1903 г. А.И. Куприн за дебош в ресторане. В ходе событий Февральской революции 1917 г. заключенные выпущены на свободу, тюрьма сожжена. А.А. Блок писал: «Выгорел дотла Литовский замок и окружной суд, бросается в глаза вся красота их фасадов, вылизанных огнем, вся мерзость, безобразившая их внутри, выгорела»⁴. Поэт жил неподалеку, проходил рядом каждый день, видел одно и то же: «Ночь, улица, фонарь, аптека...» и Литовский замок, хочется добавить, мимо которого его везли в последний путь на Смоленское кладбище. В 1929–1930 гг. развалины замка разобрали, в 1932–1934 гг. началось возведение по проекту И.А. Претро большого многоэтажного жилого комплекса для судостроителей, завершённое уже после войны.

В 1787–1789 гг. напротив Литовского замка по проекту Дж. Кваренги был построен мясной Литовский рынок, также не сохранившийся до наших дней. Его снесли после пожара 1920-х гг., сохранился небольшой фрагмент — двухэтажное здание лавки на набережной канала, ныне восстановленный.

На месте рынка в 1931 г. возведен по проекту Н.А. Митурича и В.П. Макашова в стиле конструктивизма Дворец культуры и техники им. Первой пятилетки, перестроенный в 1953–1957 гг. в классицистическом духе по проекту В.В. Горбачева и М.Л. Файнберга. Дворец культуры достойно продолжил традиции театральной жизни района, но был уничтожен в связи со строительством новой сцены Мариинского театра. Здесь уместно снова вспомнить Блока: «Но разве вам грустно при виде этих руин? Вижу, что нет, — и это совершенно справедливо. За руинами всегда новая жизнь».

Воинские подразделения. Немногие народы Российской империи удостоились чести иметь «свои» воинские подразделения.

⁴ Блок А.А. Собрание сочинений. Т. 8 (письма 1898–1921). М.; Л.: 1963. С. 480. Письмо от 23 марта 1917 г.

В лейб-гвардии были Финляндский и Литовский полки и Кавказско-горский эскадрон. Среди воинских подразделений с отсылкой на Литву следует назвать: Лейб-гвардии Литовский полк: старый полк сформирован в 1811, в 1817 переименован в л.-гв. Московский полк и новый Литовский полк, сформированный взамен старого. Кроме этого: Татарский Литовский конный полк (1797–1833) из литовских татар; 5-й уланский Литовский полк — из поляков и литовцев, выделенных из состава Татарского конного полка⁵; Литовский мушкетёрский полк; Литовский пионерный батальон; 1-й и 2-й Литовские полки Великого герцогства Варшавского⁶, упраздненные в 1831 г. вместе с отдельными вооружёнными силами Польши; Литовский егерский корпус.

Религия. Костел св. Екатерины Александрийской на Невском проспекте. С момента основания Петербурга в городе активно строились храмы различных вероисповеданий, одна из наиболее крупных церквей — католический костел св. Екатерины Александрийской на Невском пр., освященный в 1783 г. В 1798 г. в костеле был торжественно похоронен последний польский король и великий князь литовский С.-А. Понятовский, вынужденный отречься от престола после разделов Польши, проживавший после смерти Екатерины II в России. В начале XX в. настоятель костела К. Будкевич подсчитал, что храм посещало около 10 000 литовцев, и в 1906 г. для работы с ними пригласил хорошо говорившего на литовском языке священника Яна Сенкуса, которого следует считать викарием литовцев⁷. В 1912 г. в приходе зарегистрировано 30 000 человек: поляков — 15 000, латышей — 3300, литовцев — 2700. После 1917 г. костел св. Екатерины закрыт, здание использовалось не по назначению, в настоящее время передано петербургским католикам. Во вновь действующем храме проводятся ежедневные службы на разных языках и восстановлена часовня в память о захоронении здесь в 1798 г. С.-А. Понятовского⁸.

⁵ Иногда ошибочно именуется Литовским гусарским полком.

⁶ Затем Царства Польского.

⁷ См. Ханковска Р. Храм святой Екатерины в Санкт-Петербурге. СПб.: Чистый лист, 2001.

⁸ См. Логунова М.О. Кончина и похороны Станислава Августа Понятовского // Россия–Польша. Два аспекта европейской культуры: материалы XVIII Царскосельской научной конференции: сб. науч. статей: Серебряный век. СПб., 2012. С. 362–375.

*Костел Пресвятой Девы Марии Лурдской*⁹ (1903–1909. Арх. Л.Н. Бенау, М.М. Перетяткович) возник как французский приход. В советский период храм не был закрыт, если не считать нескольких месяцев в 1923 г. и в период блокады Ленинграда. С 1966 по 1991 г. настоятелем храма был отец Иосиф Павилонис. Многие прихожане и сегодня с теплотой вспоминают этого скромного, отзывчивого человека, абсолютно не корыстного и сумевшего своим мудрым поведением сохранить общину в непростое для церкви время. К сожалению, в новые времена отцу Иосифу не нашлось места в постсоветской России.

*Костел св. Станислава*¹⁰ (1823–1825. Арх. Д. Висконти) построен на месте бывшего дома и на деньги первого католического митрополита Российской империи Станислава Богуш-Сестренцевича¹¹, им и освящен. Храм закрыт в октябре 1934 г., в 1992 г. зарегистрирован приход св. Станислава, в 1996 г. здание возвращено Церкви. Реставрация храма шла около двух лет, могила архиепископа Богуш-Сестренцевича была в ходе реставрации перенесена в центр западного нефа. Храм вновь был освящен 14 июня 1998 г.

Императорская С.-Петербургская Духовная Римско-Католическая Академия образована указом Николая I в 1833 г. в Вильно, являлась правопреемницей древней «Виленской академии», основанной в 1579 г., переведена в 1842 г. в С.-Петербург, с 1844 г. ей предоставлено особо для этой цели перестроенное арх. Х.Ф. Мейером здание по 1-й линии Васильевского острова, где ранее размещалась Российская академия¹². Это было главное Высшее духовное учебное заведение, готовившее католических священников для всей Российской империи. Николай I утвердил устав Академии и, подчинив ей все епархиальные семинарии империи, даровал название «Императорской», высшее руководство осуществлял митрополит Могилевский. После закрытия в 1867 г. Варшавской академии в Санкт-Петербург стали поступать воспитанники духовных епархиальных семинарий Царства Польского. Римско-католическая академия оставалась в здании до 1918 г., ныне его занимает филологический факультет Российского государственного педагогического

⁹ Ковенский пер., д. 5.

¹⁰ Ул. Союза Печатников, д. 22.

¹¹ Станислав Богуш-Сестренцевич (1731–1826) — первый архиепископ созданной Екатериной II Могилевской католической епархии, ставленник С.-А. Понятовского.

¹² Здание на 1-й линии Васильевского острова было построено в 1802–1804 гг. арх. А.А. Михайловым (Михайлов-второй).

университета. Крайне печальное состояние исторического памятника и полное небрежение к нему оставляют чувство скорби у всех, кому удалось проникнуть в эти стены. Преподавание словесности в Академии было поставлено на высоком уровне, ибо с ней были связаны очень многие видные прозаики и поэты Литвы. Профессором академии был родоначальник литовской художественной литературы, первый епископ из литовских крестьян Мотеюс Валанчюс¹³, здесь получили образование литовские поэты-лирики Антанас Баранаускас¹⁴, Майронис¹⁵ и Миколас Вайткус¹⁶.

Санкт-Петербургский университет. Здесь получали образование видные политические деятели Литвы, такие как первый литовский президент Антанас Смятона¹⁷, разрывавшийся между политикой и журналистикой, и дворянин и полиглот Аугустинас Вольдемарас¹⁸. Их политические оппоненты, марксисты Винцас Мицкявичюс-Капсукас¹⁹ и Юлюс Янонис²⁰ издавали в Петрограде в 1917 г. большевистскую газету «Tiesa»²¹ на литовском языке.

¹³ Епископ Жемайтии Матеюс Валанчюс (1801–1875) — религиозный и литературный деятель, основатель трезвеннического движения в Литве.

¹⁴ Антанас Баранаускас (Антоний Барановский) (1835–1902) — крупнейший литовский поэт, видный представитель романтизма, католический священник.

¹⁵ Йонас Мачулис (лит. псевдоним — Майронис) (1862–1932) — литовский поэт, драматург, выдающийся представитель литовского романтизма; теолог, католический священник.

¹⁶ Миколас Вайткус (1883–1973) — литовский поэт и драматург, католический священник. Стихотворения Вайткуса переводил на русский язык К.Д. Бальмонт.

¹⁷ Антанас Смятона (Антон Иванович Сметано) (1874–1944) — литовский государственный деятель, президент Литовской Республики (1919–1920, 1926–1940), один из руководителей и организаторов военного государственного переворота 17.12.1926 г., устранившего власть левоцентристской коалиции (в советской историографии переворот назывался фашистским).

¹⁸ Аугустинас Вольдемарас (1883–1942, Москва) — литовский политический деятель, первый премьер-министр Литовской Республики в 1918 и в 1926–1929 гг.

¹⁹ Винцас Мицкявичюс-Капсукас (1880–1935) — один из организаторов и руководителей Коммунистической партии Литвы, литературный критик-марксист.

²⁰ Юлюс Янонис (1896–1917) — литовский поэт и революционный деятель.

²¹ «Tiesa» (лит.) — «Правда».

В *Академии художеств* учились художники, скульпторы и архитекторы. Наиболее ярким скульптором стал Юозас Зикарас²². Несомненно, одним из наиболее известных российско-литовских архитекторов является Микалоюс Александро Сонгайла²³. Из его петербургского наследия сохранились, в первую очередь, доходные дома, построенные или перестроены по его проектам или при его участии в начале XX в. по адресам: 4-я Рождественская (Советская) ул., 43; 5-я Рождественская (Советская) ул., 4; ул. Маяковского, 36–38; Большой пр. П.С., 86; 7-я рота Измайловского полка (7-я Красноармейская ул.), д. 6–8; Большая Конюшенная ул., 17 и др. Самая известная работа Сонгайла в Петербурге — доходный дом Ларисы Нежинской, так называемый, Египетский дом на Захарьевской ул., 23 (1911–1913). Обычный доходный дом стал весьма популярным местом в богемной среде. Фараоны в набедренных повязках у входов, барельеф Ра в виде крылатого солнечного диска, повторяющиеся изображения богини неба Хатор (Хатхор) — «богини с коровьими ушами», более напоминающие о финикийском искусстве, делают строение уникальным. И поневоле задумываешься, не сфинксы ли у Академии художеств, которые студент этого учебного заведения видел постоянно, посещая свою Альма-матер, навели его на идею создания островка древнего Египта в центре северной столицы?

Начало XX в. — «Серебряный век» в истории русской культуры. При рассказе о нем невозможно обойтись без упоминания об уникальном Арт-кабаре «Подвал бродячей собаки», в котором часто бывал большой поклонник Литвы К. Бальмонт. Мстислав Добужинский создавал эмблему кабаре: собака, похожая на пуделя, с античной театральной маской. М. Добужинский считал себя литовцем по отцу и получил в 1924 г. литовское гражданство²⁴. Ярким представителем Серебряного века и одним из первых русских сюрреалистов стал завсегда «Подвала бродячей собаки» и «Привала комедиантов» Юрий Юркун²⁵, расстрелянный в 1938 г.

²² Юозас Зикарас (1881–1944) — литовский скульптор

²³ Сонгайла Микалоюс Александро (Михаил Александрович Сонгайло) (1874–1941) — русский и литовский архитектор.

²⁴ Добужинский Мстислав Валерьянович (Добужинскис Мстиславас) (1875–1957) — художник, критик, участник творческого объединения «Мир искусств», в 1924 г. эмигрировал в Литву как опант — человек, имеющий право на выбор места жительства по происхождению.

²⁵ Юркун Юрий Иванович (настоящее имя — Иосиф Юркунас) (1895–1938) — русский писатель, художник-график, близкий друг М. Кузмина, литовец по национальности.

Невозможно обойти молчанием имя, пожалуй, одного из самых известных литовцев — Микалоюса Константинаса Чюрлениса²⁶. Он приехал в Петербург в 1908 г., чтобы войти в творческую среду, однако в столице его ждали тяжёлые времена. В Петербурге сохранилось два адреса Чюрлениса: Вознесенский пр., 57 и Екатерингофский пр., 65²⁷. Комнатки, которые снимал Чюрленис, были маленькие, темные, далекие от комфорта. С заработком дело обстояло плохо, найти работу музыканта или продать свои картины почти не получалось. Благодаря земляку М. Добужинскому Чюрленис вошел в объединение «Мир искусства», его картины начали появляться на выставках, круг знакомых расширился, но в письмах домой в тихие Друскеники художник писал о Петербурге как о «двух-миллионной каше», в которой «...никогда ...ещё не были так чужды люди»²⁸. Музеи и культурные сокровища столицы, особенно египетские скульптуры и ассирийские боги из Эрмитажа и Русского музея, вдохновляли мастера. Он много и плодотворно работал, здесь пришло к нему первое признание, и именно в Петербурге у него начал проявляться душевный разлад, приведший позже к печальному финалу. Жена увезла его из города, в котором началась его слава. Сохранились дворы, по которым ходил Чюрленис, неизвестно, где были его комнаты, но на доме на бывшем Екатерингофском пр. (ныне — пр. Римского-Корсакова) есть мемориальная доска²⁹. Через дом от его обители в районе Коломны стоит католический костел св. Станислава. Чюрленис не любил ксендза в Друскениках, слишком озабоченного своими доходами. А здесь в Петербурге он нашел понимание и то, что называют «дорогой к храму», и даже захотел венчаться, но за все приходится в жизни платить. Цена его славы была слишком высока.

Тема была бы не полна, если не упомянуть о том, именно в Санкт-Петербурге в июне 1917 г. заседал литовский сейм,

²⁶ Микалоюс Константинас Чюрленис (Николай Константинович Чурлянис) (1875–1911) — литовский художник и композитор; родоначальник профессиональной литовской музыки, далеко раздвинувший своим творчеством границы национальной и мировой культуры.

²⁷ Ныне дом. 65/11 на углу пр. Римского-Корсакова и Мастерской ул.

²⁸ URL: <http://www.litvavpeterburge.ru> (дата обращения 20 июня 2012)

²⁹ Мемориальная доска с текстом: «В этом доме в 1908–1909 гг. жил М.К. Чюрленис». 1992. Арх. Р. Дичюс, скульптор А. Шнипас (Литва). Бронза. В 1999 г. была похищена. В 2002 г. воссоздана в граните.

провозгласивший образование независимого литовского государства. В дальнейшем диаспора сократилась, но после соединения с Россией в нашем городе опять появились литовцы, в первую очередь студенты. В настоящее время можно услышать литовскую речь на филологическом факультете СПбГУ, где работает открытая в 1999 г. единственная в России специализация по балтистике,

История наших народов помнит разные сюжеты. Безусловно, тот факт, что Бронюс Майгис, покусившийся на «Данаю» Рембрандта в Эрмитаже в 1985 г., был литовцем, не накладывает печать вины на весь литовский народ, однако, говоря о литовском следе, надо, наверное, упомянуть и о печальном. К нерадостным воспоминаниям относится и случай с литовским солдатом Артурасом Сакалаускасом, расстрелявшим в 1987 г. своих сослуживцев, этот эпизод привлек общественное внимание к проблеме неуставных отношений в тогда еще советской армии.

История взаимоотношений двух наших народов богата событиями и именами, стара и молода одновременно. О многом еще не сказано, но факт привлечения внимания к теме многонационального Петербурга представляется важным и актуальным.

Т.М. Смирнова

Цыганский Ленинград 1920–1930-х гг.

Первое появление цыган в окрестностях Петербурга относится к 30-м гг. XVIII в. В 1733 г. был издан сенатский указ, согласно которому цыганам позволялось в Ингерманландии «жить и торговать лошадьми; а так как они показали себя здешними уроженцами, то предписано было включить их в подушную перепись там, где жить пожелают, и положить в раскладку [налогов — Т.С.] на Конной Гвардии полк»¹. В 1783 г. указом Екатерины II цыгане были причислены к крестьянам, с обязанностью платить подати. В XIX в. появляются первые цыганские хоры, ставшие впоследствии, наряду с торговлей, одним из распространенных занятий городских цыган. Летом в окрестностях Петербурга располагались цыганские таборы из разных регионов России, члены которых были в основном ремесленниками.

1 октября 1926 г. вышло постановление Президиума ЦИК и СНК СССР о содействии цыганам, желающим перейти к оседлому образу жизни. В этом же году был образован Всероссийский Союз цыган, устав которого предусматривал следующие основные задачи: объединение цыган, защита их интересов, взаимопомощь и поднятие культурного уровня. Практическая работа Союза состояла в открытии вечерних и воскресных школ, клубов, библиотек, организации трудовых артелей, коммун и производственных мастерских, а также в борьбе с пьянством, гаданием и кочевьем. Пред-

¹ См.: Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган — новый взгляд / Под ред. проф. Г.С. Деметера. Воронеж, 2000. С. 187.

полагалось издавать газеты, брошюры, учебники на цыганском языке. Но уже в 1929 г. Союз цыган был распущен в связи с неэффективностью его работы, проистекающей в том числе от несложившихся отношений в его руководстве, а также из-за преобладания в правлении классово чуждых советской власти элементов — из 23 членов правления девять были барышники².

Однако проводившаяся в стране политика «коренизации» имела позитивные результаты и для цыган. В 1926–1927 гг. под руководством М.В. Сергиевского при участии цыган Н. Дударовой и Н. Панкова разрабатывается цыганский алфавит на базе русского, в основу которого был положен северно-русский диалект (московский). Письменность была узаконена письмом наркома просвещения А.В. Луначарского к Всероссийскому союзу цыган 10 мая 1927 г. за № 63807. С 1927 г. на вновь созданном цыганском литературном языке начинает выходить литература — учебная, художественная (в том числе переводы классических произведений русских и зарубежных писателей — Пушкина, Толстого, Короленко, Горького, Мериме) и политическая. Особое место среди публикаций на цыганском представляют собой переводы советских детских книг, а также оригинальные произведения цыганских писателей (около 30 названий). Всего в 1927–1938 гг. было опубликовано до 300 книг на цыганском языке. В 1927 г. начал выходить цыганский журнал «Романы Зоря» (до 1930 г. вышло четыре номера), а в 1930 г. его сменил ежемесячник «Нэво Дром» (с 1930 по 1932 г. вышло 24 номера). Но в 1938 г. цыганская письменность, наряду с несколькими другими письменностями малочисленных народов, была ликвидирована.

Летом 1928 г. в Ленинграде появилось особенно много цыган, перекочевавших с юга. Они ставили свои палатки в Старой Деревне, Озерках, на Лахте. Табор в Озерках составляли выходцы из Сербии, откуда они ушли в 1915 г., а в СССР некоторое время жили на Украине. Эти цыгане хотели снова уйти за границу, но у них не было иностранных паспортов и виз, а также денег на оформление виз (одна виза стоила 230 рублей). Единственным обладателем иностранного — французского — паспорта был староста Михо. В таборе работала паяльно-лудильная артель³.

Автор заметки «Бродячее племя» в «Ленинградской правде» Е. Катерли характеризует реальных, а не романтизированных тра-

² Деметер Н. и др. Указ. соч. С. 205.

³ Ленинградская правда. 1928. 28 июля. С. 5.

дицией цыган: «некультурные грязные люди, осколок, который все еще никак не может найти себе применение в общем процессе социалистической стройки». Заметка заканчивается неоднозначно. Сначала автор пишет: «Это нацменьшинство нужно перевоспитать осторожно и внимательно», научить грамоте, гигиене, труду. А далее — несколько вопросов: или гнать? Или прикрепить к земле? Общий вывод: «Вопрос злободневный — делать что-то надо»⁴.

20 февраля 1928 г. было принято постановление Президиума ВЦИК и СНК РСФСР «О наделении землей цыган, переходящих к трудовому оседлому образу жизни». Цыгане получали возможность получить земельные наделы за счет государства, а также денежные пособия от 500 до тысячи рублей на обзаведение⁵. Однако ленинградские цыгане были городскими жителями, и для их социализации требовались в первую очередь трудоустройство и ликвидация неграмотности.

В 1932 г. в Доме просвещения народов Востока (ДПНВ) была создана цыганская секция, первым руководителем которой был Н. Васильев. В январе 1935 г. он написал заметку в стенгазету ДПНВ под названием «Моя автобиография»:

«По национальности — цыган, родился в 1901 году в городе Ленинграде. Родители — цыгане-артисты, работали в цыганском хоре в ресторане. Окончил городскую школу и 5-ть классов Коммерческого училища. В 1918 г. иду добровольцем на фронт и до 22 года т.е. в течение 5 лет на Восточном фронте пулеметчиком, в 1922 г. демобилизовался из армии. В Ленинграде меня избирают на общем цыганском собрании в Горком эстрады Со- рабиса делегатом и затем членом Горкома эстрады. Здесь я массу цыган провел в члены Союза. Работал в хоре до 1926 года. Затем иду на производство чернорабочим, кондуктором, вагонновожатым и в 1931 году вступаю в ряды Коммунистической партии. Окончил курсы сберегательного дела и Райкомом ВКП(б) послан в район в качестве Зав. Райсберкассой.

Все эти годы с 1922 года вел работу среди цыган в таборах пригорода также и среди городских цыган. В 1932 году организовал инициативную группу цыган и при Доме Народов Востока организовали цыганскую секцию. Я работал заведывающим цы-

⁴ Ленинградская правда. 1928. 28 июля. С. 5.

⁵ Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В. Указ. соч. С. 203.

ганской секции до 1934 года. Организовал транспортную артель «НЭВО ДРОМ», красный уголок в Новой Деревне, художественный кружок (агитбригаду цыган) и работал по переводу песен «Песенка нацмена», «На чеку», «Партизанская» и т.д. С 1934 года веду литературную работу и не покидаю оргработу среди цыган по сие время. Основная работа на производстве.

11/1—1935 года»⁶. Н. Васильев

Но не все цыгане могли так позитивно оценить свой ленинградский опыт начала 1930-х гг. После введения паспортизации населения в конце 1932 г. началась «чистка» больших городов, и в 1933–1934 гг. часть цыган из Ленинграда была выселена, в том числе принудительно отправлена в Сибирь.

В конце 1934 — первой половине 1935 г. в Ленинграде активистами цыганской секции Дома просвещения народов Востока была проведена перепись цыган. Проводимая на общественных началах и малограмотными людьми (записи изобилуют огромным количеством невероятных ошибок), эта перепись не может дать точных сведений о численности цыганского населения Ленинграда, однако представление о нем вполне можно составить. Как явствует из переписи, всего было учтено 627 человек, причем основная масса цыган была сосредоточена на Б. Охте — 239 чел. Кроме того, цыгане жили в Московском (Московско-Нарвском) районе (176 чел.), в Новой Деревне (56 чел.), Пригородном, Смольнинском и Витебском (?) районах. При этом в Ленинграде существовало Жилищное управление нацменьшинств (судя по оттиску печати на справке о количестве цыган, живущих по Исаковской ул., 16, на Большой Охте — 72 человека). Всего работающих цыган — 62 человека, остальные иждивенцы, домохозяйки, безработные; грамотных — 21, малограмотных (учитываются отдельно) — 16, учащихся — 5 человек⁷.

Очень любопытна графа «социальное положение» — почти у всех указано «цыган»! Поскольку цыгане принадлежат к различным этническим группам, переписчики ввели графу «Какой нации цыган». Здесь перечислены: латыши, украинцы, румыны, греки, русские цыгане, а также *винигерцы, сербияны, татарины, итолиянцы, шары, малдаване*, а два человека названы «цыган-малдаван».

⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 6. Д. 30. Л. 34.

⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 6. Д. 9. Л. 1–4 об., 10–19 об.

В 1931 г. на Большой Охте, на Васильевской ул., 14, работала Сербо-румынская артель (председатель Руман), занимавшаяся починкой и лужением медных изделий⁸. В начале 1930-х гг. была создана транспортная артель «Нэво дром»⁹. В 1934 г. в списке ленинградских артелей была артель по лужению посуды «Нацметаллист» (председатель правления Дмитриев), расположенная в упомянутом выше доме 16 на Исаковской ул.¹⁰ Однако проблема низкой занятости цыган не теряла своей остроты, и на заседании бюро цыганской секции ДПНВ в январе 1936 г. ставилась задача в течение года окончательно ликвидировать безработицу среди цыган. Создание новых производств требовало определенных средств, которые предполагалось получить от Ленсовета. Были организованы фасовочно-чулочная (для трудоустройства женщин) и медно-лудичная (кузнечная) артель. В этой цыганской артели «Нацменбыт» работали до 200 человек, здесь изготавливали котлы, железные бочки и другие металлические изделия¹¹.

В 1931 г. цыганских детей школьного возраста в Ленинграде было учтено 137 человек, из них учились 120 чел. — в школах 119, 120, 180, но больше всего (до 70 чел.) — в ФЗС № 137¹². При этом многим приходилось ездить в школу издалека, т.к. цыгане жили на окраинах города (Новая Деревня, Большая Охта). В 1936 г. намечалось открыть цыганский детский сад и интернат для школьников, привлечь на учебу в ликбез неграмотных взрослых (особенно выделяются молдавские цыгане), а также ходатайствовать перед Ленсоветом о создании самостоятельного цыганского дома просвещения или клуба¹³. Курсы ликвидации неграмотности для взрослых работали не очень эффективно — учащиеся, особенно женщины, посещали их неохотно и нерегулярно.

В 1931–1932 гг. в Этнографическом театре (в ведении Русского музея) работала цыганская труппа из 15 полевых цыган, исполнявших таборные песни в декоративной обстановке — под раскинутым

⁸ Весь Ленинград-1931. С. 210.

⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 6. Д. 30. Л. 34.

¹⁰ Весь Ленинград-1934. С. 119.

¹¹ *Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В.* Указ. соч. С. 209; ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 6. Д. 9. Л. 5–6 об., 47 об.

¹² На фронте коммунистического воспитания (Л.). 1931. № 6–7 (дек.) С. 48–49.

¹³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 6. Д. 9. Л. 5–6 об.

шатром. Среди песен были и русские: «Матушка», «Не вечерняя заря», «Махорка»¹⁴.

Цыганский ансамбль активно работал при ДПНВ, его руководителями в разное время были Н. Васильев, И. Масальский, Степан Кальдарас, Петр Деметр. В 1936 г. ансамбль занял первое место в смотре национальной художественной самодеятельности Ленинграда¹⁵. Большой популярностью пользовался и детский цыганский ансамбль, один из участников которого в октябре 1935 г. был отмечен как ударник: «Ибрагимов Демитрий Патешович ударник цыганского детского самодеятельного кружка неслыхано проявивший себя в кружке имея от роду всего 5 лет»¹⁶.

Во время Второй мировой войны нацисты истребляли цыган как «расово чуждую» группу. В окрестностях Ленинграда было уничтожено не менее 700 цыган, попавших в зону оккупации.

В разделах «национальный состав» переписей населения строка «цыгане» раньше обычно дополнялась пометой «точной численности установить не удалось». По переписи 1989 г., цыган в РСФСР насчитывалось 152939 чел., из них в Ленинграде было зафиксировано около 1800 чел. В 2002 г. в РФ переписали 183,5 тыс. цыган (из них около 500 чел. среднеазиатских), в том числе в Петербурге — 1278 чел. Перепись 2010 г. зафиксировала в Петербурге 890 цыган.

¹⁴ Рабочий и театр. 1931. № 3. Февр. Первая декада. С. 15.

¹⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 6. Д. 9. Л. 19–21, 33–35, 47; Д. 30. Л. 34.

¹⁶ Там же. Д. 9. Л. 26 об.

М.В. Шкаровский

Общины при почитаемых захоронениях Александро-Невской лавры в 1920–1930-х гг.

Во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. после разрушения традиционного епархиального устройства церковной жизни, закрытия многих популярных у верующих храмов и монастырей (например, в 1923 г. Иоанновского монастыря) и запрещения доступа к их святыням, особую известность в северной столице приобрели три чтимых захоронения на кладбищах Александро-Невской лавры. На Никольском кладбище таким местом была часовня над могилой блаженного Матвея Татомира. Он родился 16 ноября 1848 г. в семье приходского священника Подольской губернии, в 1867 г. окончил Каменец-Подольскую Духовную семинарию и в 1871–1876 гг. учился в Петербургском университете. В дальнейшем Матвей Татомир некоторое время жил в Каменец-Подольске, а затем стал совершать паломничества по святым местам, прожив около трех лет в Иерусалиме. По свидетельству 1931 г. лаврского иеромонаха Матфея (Челюскина) «знаменит он был тем, что ездил-паломничал на поклонение святым местам, по российским и палестинским. Последние семь лет провел в затворе в Петербурге на частной квартире на Ивановской улице дом 22, квартира 18». 17 сентября 1904 г. блаженный скончался, его погребение на престижном Никольском кладбище и возведение склепа-часовни были совершены на пожертвования ревностных почитателей¹.

¹ *Нерсисян А.В., Скакун Н.Н., Шумихина О.Н.* Блаженный Матвей Татомир, затворник Петербургский // С.-Петербургские епархиальные

И после смерти Матвея Татомира продолжали почитать как прославленного молитвенника, затворника и ревнителя Святой Троицы. Могила блаженного постепенно стала объектом народного поклонения. Согласно некоторым свидетельствам, на этой могиле любил молиться священномученик митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин. Уже к 1917 г. на надгробие блаженного клали записки с разнообразными просьбами: об исцелении от различных недугов, удачной сдаче экзаменов, получении места службы и др. Но особое распространение почитание Матвея Татомира получило с середины 1920-х гг., когда при его надгробной часовне была образована община. Ее создателем стала крестная дочь блаженного старица Любовь Матвеевна Лимонштайн. Под влиянием Матвея Татомира она перешла из лютеранства в православие и 13 лет жила у него в качестве прислуги. В дальнейшем Любовь Матвеевна поселилась вблизи Тихвинских ворот лавры в небольшой квартире по адресу: Чернорецкий пер., д. 4, кв. 15 и ежедневно посещала могилу блаженного, ухаживая за ней.

В 1922 г. у старицы появился деятельный помощник — потомственный дворянин, бывший гвардейский офицер Михаил Николаевич Челюскин. Он родился в 1892 г. в Белгороде в семье генерал-майора артиллерии, окончил Кадетский корпус и в 1913 г. Артиллерийское училище в Петрограде, затем служил штабс-капитаном во 2-й гвардейской артиллерийской бригаде, за мужество, проявленное в боях на фронтах Первой мировой войны, был награжден орденами и георгиевским оружием. С осени 1917 по август 1921 г. М.Н. Челюскин учился в Артиллерийской академии в Петрограде и после ее окончания был направлен служить руководителем опытов на артиллерийский полигон, в дальнейшем он пережил тяжелый психический кризис и несколько месяцев находился в клинике для душевнобольных. Поправившись, Михаил Николаевич резко изменил свою жизнь. 28 июля 1922 г. он демобилизовался из армии, стал ходить в Александро-Невскую лавру, познакомился с Л.М. Лимонштайн и вскоре поселился в ее квартире в Чернорецком переулке. Под диктовку старицы Челюскин написал две брошюры о жизни и чудесах блаженного, переписывал письма к ней Матвея Татомира из Иерусалима и раздавал их верующим. В 1926 г. М. Че-

ведомости. 2000. Вып. 23. С. 76–79; Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО), ф. арх.-след. дел., д. П-32546, л. 30.

люскин был принят в число братии Александро-Невской лавры, через год наместник обители епископ Григорий (Лебедев) постриг его в монахи с именем Матфей и рукоположил во иеродиакона, а 20 декабря 1930 г. новый наместник лавры епископ Амвросий (Либин) рукоположил во иеромонаха².

О. Матфей был приписан к Свято-Духовской церкви обители, но ежедневно в 9 часов утра проводил службу в часовне Матвея Татомира. Почитание блаженного быстро росло, и обеспокоенные городские власти еще в середине 1920-х гг. попытались противодействовать репрессивными мерами. В это время верующие старались сохранить и комнату на Ивановской улице, где когда-то жил Матвей Татомир, «как святое место», но возглавлявшую это начинание Софью Андреевну Матюшенко арестовали, а комнату опечатали. В 1925 г. был закрыт и свободный доступ к захоронению блаженного. Сообщая об этом в небольшой заметке, «Красная газета» объясняла причину закрытия «гигиеническими соображениями» и «лихоимством» священнослужителей, якобы собиравших плату за вход в часовню. Однако этот запрет уже вскоре практически перестал выполняться. Верующие ставили в склепе свечи, уносили песочек и деревянное масло с могилы, считая его целебным, причем существовало поверье, что если посыпать песком порог квартиры, то обысков и арестов не будет. Кроме того, в квартире Л.М. Лимонштайн перед иконой св. Софии, у которой когда-то молился блаженный Матвей, постоянно служились молебны. Почитая икону чудотворной, ее часто носили по домам верующих³.

Интересные воспоминания о лаврских почитателях Матвея Татомира оставил церковный писатель А. Краснов-Левитин: «На Никольском кладбище часовня, на часовне крест с голубком. Могила блаженного Матфея... Наверху икона Божией Матери и аналой с крестом и Евангелием, панихидный столик. Иеромонахи здесь служили панихиды. Затем спуск вниз, подземелье. Большой деревянный гроб; туда в щелочку опускали записочки с прошениями. А около часовни — община. Во главе — Любовь Матвеевна. (Ее заброшенная могилка и сейчас против часовни, без креста и надписи.) Старушка вся в светлом, седая, в белом платье, в белой косынке, со светлыми четками в руках... Жила на задах лавры, у Тихвин-

² Там же, л. 27–31.

³ Там же, л. 31–32; *Нерсеян А.В., Скаун Н.Н., Шумихина О.Н.* Указ. соч. С. 76; Красная газета. 1925. 1 июня. № 147.

ских ворот. В небольшой ее комнатке, как в часовне, много икон, пахнет ладаном. А на кухне жил мой приятель отец Матфей... Во время войны — боевой офицер, драгун. Был контужен и ранен. После революции пристрастился к лавре, стал близким человеком к Любви Матфеевне, все свое время проводил в часовне, на могиле блаженного Матфея. Особенно усилилась его привязанность к Любви Матфеевне после смерти матери — глубоко религиозной женщины, единственного близкого человека. Жил он на кухне, спал на жесткой скамейке, подложив под голову (по «Добротолубию») полено. Бывшему офицеру, крепкому, здоровому мужчине, нелегко ему, видимо, давался аскетизм. В 1926 г. постриг его преосвященный Григорий в монахи с именем «Матфей» и рукоположил в иеродиакона. Вечно водил он под руку Любовь Матфеевну, старенькую, дряхлую, едва-едва ходившую...

К Любви Матфеевне меня привела, когда мне было 11 лет, одна женщина из лаврских. Любовь Матфеевна меня полюбила. Подружился со мной и отец Матфей, давший мне краткую характеристику с чисто военной прямоотой: «Да, ничего. Хороший жиденок». Особенно укрепилась наша дружба с отцом Матфеем после смерти Любви Матфеевны. Целыми часами просиживал я у отца Матфея на кухне. Время в спорах шло быстро. Он был ярый монархист, я же уже тогда поражал его своей левизной. Называл он меня обычно «Толька-футурист»...»⁴

Старица-слепица Любовь скончалась в 90-летнем возрасте в 1929 г. и действительно была захоронена вблизи погребения блаженного. О. Матфей остался жить в Чернорецком переулке и возглавил общину при часовне Матвея Татомира. По свидетельству архим. Иоасафа (Журманова), «Челюскин после смерти Л.М. Лимонштайн, несмотря на закрытие склепа, ухитрялся в часовне бывать и пропускать в склеп особенно ревностных почитателей Матвея». Епископ Николай (Ярушевич) также осенью 1931 г. подтвердил на допросе в качестве свидетеля, что о. Матфей служил панихиды и на могиле блаженного, и в квартире Любви Михайловны. По словам Владыки, в «культе почитателей» Матвея Татомира «занимал место» и так называемый кружок Зарнекау, по делу которого осенью 1930 г. были арестованы и осуждены известные ленинградские протоиереи Михаил Чельцов и Василий Прозоров⁵.

⁴ *Левитин-Краснов А.* Лихие годы 1925–1941. Париж, 1977. С. 201–202.

⁵ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх.-след. дел, д. П-32596, л. 32–33, 36.

Первый раз о. Матфей (Челюскин) был арестован ОГПУ 9 марта 1931 г. по делу «контрреволюционной группировки бывших офицеров гвардейской артиллерии» в числе двенадцати других обвиняемых в антисоветской агитации. Однако обыск в комнате иеромонаха ничего компрометирующего не дал, а сам он на допросе 12 марта заявил: «С мирскими людьми я все порвал». Уже 16 марта было принято постановление о том, что инкриминируемое М. Челюскину обвинение в процессе следствия не подтвердилось, а 6 апреля решением Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе дело в отношении о. Матфея и еще троих обвиняемых было прекращено за отсутствием состава преступления, а сами они вскоре освобождены⁶.

Однако иеромонах оставался на свободе меньше пяти месяцев. 20 августа 1931 г. в газете «Безбожник» появилась подписанная инициалами Н.В. погромная статья «Культ «молчальника» Патермуфия в Ленинграде». В ней выливался «ушат грязи» в целом на Лавру, в частности лживо утверждалось, что в 1918 г. в обители были якобы «зверски растерзаны фанатиками-торговцами два красноармейца при попытке правительства занять под лазарет часть покоев». Также говорилось, что большинство зданий монастыря уже занято советскими учреждениями, школами, детскими садами и квартирами рабочих, но еще существуют четыре кладбища и три церкви, где служат 10 «попов» и около 40 монахов. Главный же удар в статье наносился по почитателям захоронений блаженного Матвея, иеросхимонаха Алексия и особенно — молчальника Патермуфия, «нити» от которых якобы тянулись к «монархисту» митрополиту Ленинградскому Серафиму (Чичагову). Автор статьи утверждал, что у почитаемых могил осуществляется спекуляция предметами религиозного культа, ведется антисоветская агитация против колхозов, займов и призывал «прекратить это мошенничество»⁷. После таких обвинений репрессии стали неизбежны.

Упомянутые в статье захоронения иеросхимонаха Алексия и схимонаха Патермуфия находились на Тихвинском кладбище Лавры. Старец Алексей (в миру Алексей Константинович Шестаков) был известен тем, что у него в келии в 1825 г. перед отъездом в Таганрог, где и окончил свою жизнь, побывал император Александр I. Народная молва приписывала иеросхимонаху будто бы

⁶ Там же, д. П-77574, л. 79–82, 96, 142, 207.

⁷ Безбожник. 1931. 20 августа. № 45 (475).

данный государю «совет преобразиться в старца Федора Кузьми-ча». Скончался схимник 25 мая 1826 г. на 75-м году жизни и был погребен на главной дорожке Тихвинского кладбища. На его могиле в 1920-е — начале 1930-х гг. всегда горела лампада. Даже в упомянутой статье газеты «Безбожник» отмечалось, что могила пользуется большим почитанием, однако ошибочно утверждалось, что по представлению верующих иеросхимонах якобы «благословил «царя-мученика» Александра II и предсказал ему будущее»⁸.

За могилой схимника Алексия, как и за погребением другого старца — Патермуфия, ухаживали члены одного духовного кружка, возникшего в середине 1920-х гг. и возглавляемого бывшим швейцаром покоев митрополита Петроградского Вениамина Сергием Афанасьевичем Салькиным. Схимонах Патермуфий в начале XIX в. был насельником Отенского Новгородского монастыря, затем оставил его, начал «жизнь юродственную» и долгое время провел, сидя на дороге между Петербургом и Новгородом во всякую погоду, без крова и почти без пищи. Тридцать лет старец ни с кем не говорил, но имел «дар прозорливости и рассуждения», тем «кто с верою спрашивал о чем, отвечал минами и верно». Только под старость Патермуфий пришел в Александро-Невскую Лавру, скончался в обители в 1830-х гг. и был погребен у северных ворот Тихвинского кладбища, рядом с каменной сторожкой, в которой молчальник по преданию жил перед смертью «в непрестанной молитве и в строгом посту», и где однажды нашли его мертвым⁹.

А. Краснов-Левитин вспоминал в своей книге и о посещении могилы старца Патермуфия: «...рядом с памятником Огинскому, на котором высечены ноты знаменитого полонеза, могила другого схимника — отца Патермуфия, и рядом — каменная будочка, на дверях надпись: «Здесь жил и молился затворник, молчальник схимонах Патермуфий». Входим в келейку. Земляной пол, каменные стены. Полтораста икон, около 30 теплящихся лампад. Скамейка, приделанная к стене. Здесь я просиживал часами... В мое время могилой ведала пожилая Мария Ивановна (купеческая дочка), заботами которой теплились лампы перед иконами. Иконы же жертвовали многочисленные почитатели памяти отца Патермуфия. Богомольцы много говорили тогда о поднимающейся плите на мо-

⁸ Там же.

⁹ Старец Патермуфий // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. Вып. 23. С. 83; *Левитин-Краснов А.* Указ. соч. С. 202–203.

гиле старца. В этой поднимающейся плите ничего необычного не было; просто происходила осадка питерской глинистой почвы. Но все мы, конечно, видели в этом чудо. В келье был земляной пол, но от множества лампад никогда не бывало холодно. Всегда приходило много народа. Здесь обсуждались церковные новости»¹⁰.

Упомянутая помощница С.А. Салькина Мария Ивановна Чиркова была дочерью богатого купца-хлеботорговца Федотова и до 18 лет воспитывалась у дяди-старообрядца, городского главы г. Моршанска Тамбовской губернии, откуда была родом. Почитание старца Патермуфия стало широко распространяться с 1924 г. Считалось, что он помогает в «бытовой области», и верующие просили схимника послать средства к жизни, устроить на работу, предотвратить развод, уладить скандал и т.п. К началу 1930-х гг. могилу, по оценке властей, в будни посещало 400–500, а в праздники — 700–900 человек, в основном «люди интеллигентные и бывшие». Наиболее щедрым жертвователем на улучшение состояния захоронений старца Патермуфия и блаженного Матвея был некий профессор. Но, в отличие от общины при часовне-склепе Матвея Татомира, члены духовного кружка на Тихвинском кладбище с 1928 г. придерживались иосифлянского направления. С.А. Салькин с 1918 г. активно участвовал в деятельности Александро-Невского братства, дав в это время «клятву перед гробницей Александра Невского грудью защищать Лавру», и вскоре после возникновения движения, духовно возглавляемого митрополитом Иосифом, стал его убежденным сторонником. Особенно значение кружка на Тихвинском кладбище выросло после закрытия последних иосифлянских церквей Лавры и ареста почти всех монахов-иосифлян. Епископ Николай (Ярушевич) отмечал это в своих свидетельских показаниях: «После ликвидации иосифлянских церквей в Лавре было на кладбище усилено почитание Патермуфия, одним из вдохновителей усиления был Салькин — к могиле Патермуфия стали стекаться иосифляне, где вели агитацию против «сергиевщины»¹¹.

Еще одни интересные воспоминания о кружке почитателей старца оставила дочь петербургского протоиерея Владимира Шамонина Елена Владимировна: «...в начале марта 1927 года, Владыка Мануил [Лемешевский] с Соловков написал мне, чтобы яшла на

¹⁰ Там же. С. 203.

¹¹ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх.-след. дел, д. П-32596, л. 3, 36; *Безбожник*. 1931. 20 августа.

Тихвинском кладбище лавры могилу монаха Патермуфия и могилу схимон. Алексия. Немедленно двинулась на розыски... И быстро нашла каменную плиту, почти вросшую в землю, где была высечена надпись: «Здесь покоится прах монаха Патермуфия». Плита была огорожена железной оградой, также вросшей в землю. Могилка старца оказалась под окошечком маленького домика, как я поняла, сторожки. Дверь в нее была открыта. Я заглянула... В полу стояла вода, на которой были настелены доски, и на них, на коленях, молился пожилой человек. В углу, перед иконой Божией Матери, похожей на картины итальянских художников, горела лампадка. Я сразу узнала молящегося, когда он обернулся: это был старый швейцар митрополичьих покоен Сергей Афанасьевич. Мы не были знакомы, мне его называли давно наши лаврские богомольцы — он всегда стоял за службами... Всегда один и глубоко сосредоточен. Неутешная скорбь была написана на его благообразном, благоговейном лице. Мне рассказывали, что Сергей Афанасьевич живет один и весь погружен в молитву и незабвенную память покойного Митрополита Вениамина, у которого он служил, расстрелянного большевиками летом 1922... В следующие мои посещения я его не встречала — он приходил рано. Нашла я его там, придя в тот день, сразу после открытия ворот кладбища.

Вместо Сергея Афанасьевича в домике Патермуфия появилась женщина лет 60-ти, потом стали приходиться сюда молиться люди и приносить иконы и лампады, которыми вскоре и были заполнены все стены. У задней стены было нечто вроде скамьи и ложа — здесь отдыхал когда-то ночной сторож, но все посетители «домика» были уверены, что это ложе старца Патермуфия. Сбоку, в «головах» этой скамьи я заметила громадную, совершенно черную икону на толстой доске, и с трудом разобрала, что это — «Покров» Пресвятой Богородицы, в уголке иконы изображена Богородица как Посетительница больного. Это изображение называется «Целительница». Женщину, присматривающую за «домиком» и за лампадами, звали Мария Ивановна, и она там находилась с открытия до закрытия Тихвинского кладбища ежедневно. Лампад стало очень много. Люди клали копейки на масло. В окошке на широком подоконнике стоял канун, т.е. металлическое распятие, перед которым возжигали и свечи, принося их с собой, и всегда горела лампадка.

В домике царил атмосфера тишины, радости, дружелюбия. Душа там отдыхала... Я выпросила у Марии Ивановны маленькую, тоже старинную, но «фряжского» письма иконку «Целительницы»,

и хранила ее как благословение о. Патермуфия. Я немного умела рисовать и по просьбе Марии Ивановны стала писать на фанерных досочках маленькие иконки Ангела о. Патермуфия — египетского подвижника прп. Патермуфия, по 25, 35 и 50 копеек. Деньги тогда были дорогие, и этот мой труд был каким-то подспорьем в нашей убогой, почти нищенской жизни. Иконки раскупали охотно, а я все более связывалась духовно с почившим подвижником...

Прошло 4 года моего нахождения около «домика». Мария Ивановна и многие постоянные посетители заметили, что каменная плита-надгробие стала подниматься из земли; особенно это было заметно в ногах гроба старца. Люди стали получать по молитве своей помощь от о. Патермуфия. В «домике» уже горело 40 (!) лампад и число богомольцев все увеличивалось. Уже не бывало весною «половодья» на пути к благодатному домику — в конце зимы весь снег по пути к могилке старца тщательно убирали, и вокруг домика весь снег расчищался. Благодать Божия согревала сердца и утешала скорбные души верующего народа Его. Так было до страшной ночи на 18 февраля 1932... Иконы увезли, как вредный хлам, а Марию Ивановну забрали. На нее был, конечно, написан донос. Арестован был и Сергей Афанасьевич, чтобы испытать чашу своего Владыки. Я уцелела. Мой нищенский «туалет» с чужих плеч и жизнь в вонючем подвале спасли меня от зависти, а значит и от доносов. В лагерь я попала много позже, через 12 лет¹².

С.А. Салыкин и М.И. Чиркова действительно были арестованы вместе с иеромонахом Матфеем (Челюскиным), но только не в феврале 1932 г., а 1 сентября 1931 г. — всего лишь через 10 дней после появления статьи-доноса в газете «Безбожник». В постановлении об обыске и аресте проживавшего в здании Лавры Сергея Афанасьевича говорилось, что он, «провозгласив чудотворные свойства могилы монаха Патермуфия, занимается спекуляцией на религиозных предрассудках верующих и ведет антисоветскую агитацию». На допросах С. Салыкин вел себя мужественно и не скрывал своих убеждений, заявляя: «Стою за истинно-православную веру, и политику существующего советского строя, поскольку она безбожная, не признаю». Сергей Афанасьевич говорил, что он выступал «за вовлечение народа в Церковь Христову, возглавляемую митрополитом Иосифом», и после закрытия в Лавре всех иосифлянских храмов «стал строить единение народа, измученного советской вла-

¹² Старец Патермуфий. С. 83–84.

стью, у могилы святого праведника Патермуфия». Органы ОГПУ обвиняли Салыкина также в том, что он отождествлял советскую власть с антихристом и якобы говорил о наступлении страшного суда на Пасху 18 апреля 1933 г.¹³

Отец Матфей подробно рассказал на допросе о почитании блаженного Матвея Татомира, но своей вины в антисоветской деятельности не признал. В качестве вещественных доказательств в деле сохранились уникальные рукописные брошюры «Чудеса Матвея блаженного» и «Жизнь Матвея блаженного», фотографии Татомира, а также групповой снимок 1922 г. на могиле блаженного, где изображены Л.М. Лимонштайн, М. Челюскин, супруги Бобровы, А.В. Адамович и другие почитатели Матвея Татомира. После ареста обвиняемых были уничтожены «келия» схимонаха Патермуфия и надгробия старцев на Тихвинском кладбище. Часовня же блаженного Матвея сохранилась. Из свидетельских показаний архим. Иоасафа (Журманова) от 27 сентября 1931 г. видно, что кладбищенская администрация после ареста иеромон. Матфея лишь заделала входное отверстие в склеп, но на это место кем-то был поставлен мраморный панихидный столик. В часовне по прежнему горели лампы, почитатели ставили свечи и прикладывались к портрету блаженного, как к святыне. При этом лаврские монахи Герасим (Бекетов), Зосима (Шулдяков) и другие некоторое время дежурили у ворот Никольского кладбища, предупреждая посетителей: «Не ходите на могилу блаженного Матвея — там всех арестовывают»¹⁴.

16 ноября 1931 г. следствие было закончено и составлено обвинительное заключение, в котором арестованные обвинялись в том, что они: «1. Эксплуатировали верующие массы с целью личной наживы; 2. Могилы «молчальника» Патермуфия и блаженного Матвея превратили в подпольные сборища разных бывших людей и верующих; 3. Придали этим могилам чудодейственные способности и вместе с бывшими людьми, измышляя «чудеса» и «знамения», среди верующих вели систематическую контрреволюционную агитацию; 4. Отождествляли Соввласть с властью антихриста и запугивали верующих «страшным судом»; 5. Усугубляли религиозные предрассудки верующих масс и настраивали их против всех текущих мероприятий Соввласти». В обвинительном заключении отмечалось, что «контрреволюционная агитация» велась на кладбищах

¹³ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх.-след. дел, д. П-32596, л. 63–64.

¹⁴ Там же, л. 35–43.

Александро-Невской Лавры, Смоленском и ряде других, но особенно на могилах Матвея Татомира и Патермуфия (т.е. они были наиболее почитаемы и посещаемы верующими северной столицы). 3 декабря 1931 г. Полномочное Представительство ОГПУ в Ленинградском военном округе приговорило всех трех подсудимых к 5 годам концлагеря, но более высокая инстанция — Коллегия ОГПУ 14 декабря пересмотрела этот приговор и постановила осудить иеромон. Матфея (Челюскина) на три года заключения в концлагерь, а С.А. Салыкина и М.И. Чиркова на 3 года высылки в Северный край. Уже 21 декабря 1931 г. их отправили по этапу в Архангельск, о. Матфей же отбывал свой срок в Беломоро-Балтийском лагере на строительстве канала (позднее в 1937 г. он был расстрелян в гор. Калинин вместе с бывшим наместником лавры епископом Григорием)¹⁵.

Часовня-склеп Матвея Татомира сохранилась до настоящего времени, и хотя сами мощи блаженного стараниями митрополита Ленинградского Антония (Мельникова) были в середине 1980-х гг. перенесены в алтарь Никольской кладбищенской церкви, много людей приходит помолиться к часовне. Уничтоженное надгробие молчальника Патермуфия в настоящее время планируется восстановить или установить на месте захоронения новое.

¹⁵ Там же, л. 65–67.

ОБ АВТОРАХ

- Аксельрод Владимир Ильич**, кандидат педагогических наук, методист Санкт-Петербургского городского дворца творчества юных, председатель координационного совета культурно-патриотического молодежного общественного движения «Юные за возрождение Петербурга»
- Антонов Борис Иванович**, краевед, автор книг по истории Санкт-Петербурга
- Березина Вера Анатольевна**, слушательница факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, аспирантка Санкт-Петербургского института истории РАН
- Бурим Лариса Дмитриевна**, директор Музея истории ОАО «Ижорские заводы»
- Вареник Олег Петрович**, создатель и хранитель Общественного музея «Морская Стрельна»
- Векслер Аркадий Файвишевич**, краевед, автор книг по истории Санкт-Петербурга
- Жданов Андрей Михайлович**, краевед, ведущий инженер-программист
- Золотухина Наталья Федоровна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры ЮНЕСКО РГПУ им А.И. Герцена
- Ильин Федор Ильич**, ученик 2-й Санкт-Петербургской гимназии, слушатель Юношеского университета Петербурга
- Инге-Вечтомова Мария Сергеевна**, внештатный сотрудник музея Юрия Инге в Стрельне
- Краснова Елена Иосифовна**, краевед, автор книг по истории Санкт-Петербурга, лауреат Анциферовской премии 2012 года
- Кондратьев Михаил Александрович**, слушатель второго курса Юношеского университета Петербурга. Ученик 11 класса школы № 27 им. И.А. Бунина
- Крашенинникова Тамара Яковлевна**, краевед, выпускница Института Петербурга, автор книг по истории Санкт-Петербурга
- Логунова Марина Олеговна**, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга
- Марголис Александр Давыдович**, кандидат исторических наук, председатель Санкт-Петербургского отделения ВООПИиК
- Москвина Анна Александровна**, продавец-эксперт магазина «Буквоед» ОАО «Петропечать»

- Нестерук Елена Валериевна**, исследователь, экскурсовод РОО «Институт Санкт-Петербурга»
- Осипова Ирина Валентиновна**, ведущий методист мемориального музея «Разночинный Петербург»
- Пантелеймонова Ольга Сергеевна**, педагог дополнительного образования Дома детского творчества «Левобережный» Невского района Санкт-Петербурга
- Погощикова Алёна Александровна**, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета
- Пугачева Наталья Александровна**, экскурсовод, искусствовед, руководитель студии экскурсоводов-школьников 526-й гимназии
- Сизёнов Евгений Петрович**, заместитель генерального директора ОАО «Кронос СПб»
- Скурлов Валентин Васильевич**, кандидат искусствоведения, историк ювелирного искусства, эксперт Министерства культуры РФ
- Смирнова Тамара Михайловна**, руководитель научного центра «Петрополь» Санкт-Петербургского Дома национальных культур
- Столбова Екатерина Алексеевна**, выпускница историко-краеведческого клуба «Петрополь», абитуриент
- Столбова Наталья Павловна**, методист краеведения Дома юношеского творчества «На Ленской» Красногвардейского района, автор книг по истории Санкт-Петербурга
- Тимофеева Козлова Елена Алексеевна**, руководитель Музея истории школы № 138 Калининского района
- Фрумкин-Рыбаков Юлиан (Фрумкин Юлиан Иосифович)**, писатель, общественный деятель инженер-металлург
- Чепель Александр Иванович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СПбГМТУ, член Совета РОО «Институт Петербурга»
- Шарапова Марина Борисовна**, член РОО «Институт Петербурга»
- Шкаровский Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга

V
Анциферовские
краеведческие чтения

23–24 ноября
2012 года

Директор издательства
Е.Н. Кальщиков

Оформление, оригинал-макет
Татьяны Николаевой

ISBN 978-5-8015-0319-6

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x88/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ.л. 15,4.
Тираж 500 экз.
Заказ №

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 15
E-mail: evrodom2006@list.ru